

КАК НАЗВАТЬ РЕБЕНКА, ЧТОБЫ ОН БЫЛ СЧАСТЛИВЫМ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЕК

47 / 4674 / ДЕКАБРЬ 2000 / ISSN 0131-0097

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

СЕРГЕЙ ШОЙГУ

ОЛЕГ ДЕРИПАСКА

ИРИНА ХАКАМАДА

СЕРГЕЙ ЮШЕНКОВ

ОЛЕГ ДОБРОДЕЕВ

ЛЮДМИЛА ПЕТРОВА

И ПОСОЛ США

Стр. **46**

ЗЕЛЕНАЯ
НЮ

р а с с к а з и р в и н а ш о у о р у с с к и х

поставщик высококачественных нефтепродуктов на российский рынок и в страны ближнего зарубежья. По вопросам поставок обращаться: тел. (095) 777-31-49, факс (095) 777-31-50

Знаковая вещь уходящего века — кассовые аппараты в общественном транспорте. Они были, как сейчас я понимаю, символом доверия государства к своим сознательным гражданам. И граждане изо всех сил пытались соответствовать. Честно бросали в кассу монетку соответствующего номинала и сами себя отоваривали билетами. Правда, бывало, срывались — видно вспоминали о потребительском отношении к себе государства — и норовили вместо пяти копеек бросить одну, а билетик оторвать. Но подобными ухищрениями пользовались только граждане, постоянно ездившие в общественном транспорте. Помню, как один наш давний знакомый, долго ра-

ботавший в какой-то европейской стране, ехал в московском трамвае. Так он на каждой остановке бросал в кассу монетки и откручивал себе билет. В общем, к концу поездки у него в руке прилично этих бумажек набралось. А когда вошел контролер, он очень удивился «сознательности» пассажира. А когда объяснил, что надо отрывать всего один билет, тут, в свою очередь, очень удивился наш знакомый. Ведь за границей надо оплачивать проезд в зависимости от протяженности маршрута. Кстати, мой папа в общественном транспорте повел бы себя, возможно, тоже странно, потому что он в нем никогда не ездил. Всегда предпочитал такси. И за границей — тоже.

Выходит с 21 декабря 1899 года

№ 47 (4674) декабрь 2000

Главная редакция после подписания:
М.Е. КИЗЯКОВ, Е. ПЕТРОВ, А.А. СЕРЖОВ,
А.В. СЕРЖОВ, В.А. КОРОТКИ,
Л.Н. ГУШИНГлавный редактор Владимир ЧЕРНОВ
Заместители главного редактора:
Григорий МИШАЕВ, Сергей КОХИЦКИЙ
Главный художник: Михаил РЕДНЕТЫКО
Ведущий художник номера
Петр ЛАРИОНОВИЧ
Обозреватели: Андрей БИТОВ,
Ольга КУЗНЕЦОВА, Дмитрий БЫКОВ,
Григорий ГОРДОН, Виктория МЕЛНИКОВА,
Евгений ЛЮПОВПриемная главного редактора: 257-39-28
Ответственный секретарь:
Петр ПУЧУНОВ
Секретариат (257-32-98): Людмила МОРИЦ,
Елена ЧЕРНОВАОтделы:
Специальный (257-38-04):
Александр НИКОЛОНОВ (редактор отдела),
Андрей БОДАРЕВ, Галина ИВАНОВИЧ,
Кирилл КОШКИН
Человек и общество (250-46-98, 257-33-07):
Михаил ГОЛУБЕВ (редактор отдела),
Елена КУЗНЕЦОВА, Наталья ФЕДОРОВА
Культура (251-03-90): Елена КУЗНЕЦОВА
(редактор отдела), Наталья ДОКОВА,
Ольга ЛУТНИКОВАДеловые проекты (251-89-83):
Виктория ЧУМАКОВА (редактор отдела),
Кирилл ЖУРЕНКО, Юлия КОЛЕЦОВА
Писем (257-36-69): Анна КОЛОТОВА
(координатор отдела)Фотоиллюстрации (257-32-49):
Наталья УДАЧЕНОВА (координатор отдела),
Галина РЕДНЕТЫКО, Юлия ВЕРБА,
Ирина МЕЛНИКОВА, Марина
ФЕДОРОВА, Фотограф Александр ДЖУС,
Юрий ФЕДЯКОВ, Марк ПИТЕЛИНСКИЙ,
Лев ШЕНКОВИЧХудожники: Петр ЛАРИОНОВИЧ,
Наталья ВАСИЛЬЕВА, Галина КАПУСТИН
Бюро проверки: Юлия КУСОВА,
Мария ДОМИНСКАЯ
Корректор: Ирина ГУДКОВА,
Наталья ПЕТРОВИЧ, Елена ЖУРЕНКОБюро производства:
Светлана АКИМОВА (зам. бюро производства),
Елена ГОЛУБЕВА,
Марина САВОСТЬЯНОВА,
Наталья ЯКУНИНСКАЯСлужба технической поддержки:
Дмитрий КОМАРОВ, Сергей КАЛЧЕВ
Группа репродукции:
Александр ЗДАНОВИЧ, Виктория ШАБАНАНабор: Надежда ИВАНОВА
Собственные корреспонденты:
Борис Витальевич САМОВ (8922) 930989
Красноярск, Юлия МИЛЮНИН (7912) 430961
Иркутск, Павел НИКОЛОНОВ (0852) 256255
Лондон, Светлана ДУБОВИЦКАЯАдрес: 101456, ГСП, Москва,
Бригадный проезд, 14Телефон для справок: (095) 250-22-30
Телефоны: (095) 943-00-70, Telex: 112349
«Огонек». Интернет: <http://www.ogonek.ru>, <http://ogonek.ru>Учредитель и издатель: журнал
ООО «Издательство «Огонек-пресс»
Журнал зарегистрирован Государственным
Комитетом по печати РФ 10.08.2000
за № 77-5182ООО «Издательство «Огонек-пресс»
Информационный директор: БАЙБАКАРОВА Ю.В.
Директор по рекламе: 257-39-31,
943-00-70 (факс)Отдел рекламы: 250-15-33, 250-56-88 (факс)
Региональные и некоммерческие
программы. Тел./факс: 250-24-21Отдел PR. Публикация проектов
Галина ШЕВЧЕНКО (координатор отдела)
257-32-40Дизайн, верстка, корректура, иллюстрации: фотостудия
«АНО «Дарья» «Огонек». Тел.: 257-31-23,
250-24-21Сервисная поддержка и развитие интернет-
журнала: «Ита» Интернет-сервисы
«АНО «Роман». <http://www.roman.ru>Телефон клиентской службы: 207-75-96
Надпись осуществляется при информационном
поддержании агентства ИТАР-ТАСС, МЕЛЕТС.
Почта подписки и печати: 14.12.00Цена свободная.
Тираж: 50 000 экз.Отпечатано в типографии ЗАО «Алекс-пресс»
Материалы, помещенные в журнал, не
публикуются на правах рекламы.Мнение редакции не обязательно совпадает
с мнением авторов журналов.Передача информации — только с разрешения
редакции.

© «ОГОНЕК» 2000

На обложке: фото Юрия ЖЕЛУДОВА,
стилист Наталья ГОЛУБЬ

з л а с н а р о г а

№ 44/ноябрь 2000

ПУСТЬ ЖИВЕТ
САМ ПО СЕБЕ

Когда я читала рассуждения Г-на Бичелдея — главного разработчика очередного закона о русском языке, на ум приходили классические формулы о «прокрустовом ложе», о том, что «лучшее — враг хорошего», вспоминались и герои русской классики: «очень важный господин» Крутицкий из пьесы А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», бессмертный чеховский Беликов («Человек в футляре»).

От речей современного реформатора, народного депутата, уже ослепившего родную ему Тыву местным законом о языке, повеяло неизменной тоской. Сколько раз предпринимались попытки «воспитывать» русский язык! Они исходили как с высшего партийного олимпа и были увещевательными строками Юза Алешковского, давно ставшими народной песней («Товарищ Сталин, вы большой ученый, в языкознании познанный толк...»), так и от наших академиков-лингвистов, которых в свое время прославили маленькие лесной зверек по имени заЕц.

Каждый должен делать свое дело. Г-н Бичелдей работает в комитете Госдумы по делам национальностей. Вот и пусть занимается законодательством в рамках этого комитета, а не пытается устанавливать правила писания и словоупотребления.

Язык — живой, как сама жизнь, понимаете? И пусть он будет свободно развиваться, сливаясь со множеством других языков, на которых говорит весь остальной мир. Пусть живет сам по себе.

Елена ЛУТНИН
Москва

P.S. Благодарю А. Никонова за публикацию «Защитим русский язык от русских!». Искренне благодарю, уже в самом названии статьи чувствуется его тонкая ирония.

№ 42/ноябрь 2000

МЫ ЕЩЕ КАКУЮ
НАУКУ СОЗДАЕМ

По поводу статьи «Время истекло» — о современной науке и путешествиях во времени. Так вот, простого российского человека не может не раздражать манера наших журналистов при описании всяких научных сенсаций ссылаться только на американцев — и совсем не важно, что один из них по фамилии Кузьмич, главное — в Америке, в Принстонском университете. Самый дурной пример в этом смысле — это передача «Грани науки» на радио «Эхо Москвы». Послушать их, так ученые остались только в США и Англии. Мы ведь в России еще какую науку создаем. Но, извините, я отвлечусь.

А хочу и вам сообщить следующее: пару месяцев назад по телеканалу ТНТ, который детрометровый и ловится, кажется, только в Москве, в передаче «Страсти по Соловьеву» выступал один российский ученый (смотрел я с середины, фамилии его не знаю), который утверждал, что он и его люди фактически на пороге изобретения путешествия во времени. Нет бы сослаться на этого человека, а? Интервью у него взять обстоятельнее, чем на поверхность по определению телевидения?

Нынешний журнал — самый лучший из всех «Огонёков», а читаю я его не так уж и мало — с 1988 года.

Дмитрий КОКОРИН
МоскваНОВОЕ — ХОРОШЕЕ
И ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

На протяжении длительного времени являемся поклонниками «Огонёка». Ваши публикации охватывают широкий спектр политической, экономической и культурной жизни нашего общества. Особая благодарность — отделу фотонаушностей и художникам журнала. Обладая изысканным вкусом и, несомненно, талантом, они делают ваше издание красочным, оригинальным, неповторимым.

Но хотелось бы сказать и вот о чем. В недалеком прошлом «Огонёк» в каждом номере предлагал читателям художественную выкладку с репродукциями мастеров кисти — классиков и наших современников. Уверен, это не только нравилось читателям, но и давало возможность учителям, воспитателям, родителям (особенно в провинции) знакомить детей с шедеврами изобразительного искусства. Вы делали большое и нужное дело.

Новое — разве это не хорошее старое? Убедительно прошу возобновить свою многолетнюю замечательную традицию. Уверены, что этим вы привлечете еще большее количество читателей.

С уважением И.Я. ЧЕНЮКОВ,
директор города Саранска, Мордовия

№ 45/декабрь 2000

ЧТО ЕСТЬ МАГНИТУДА

В заметке «Цифры страха» («Панорама») вы пишете о ликвидации «последней крупнейшей за последние полтора века землетрясения, произошедшего в Азербайджане. 7 баллов по 12-балльной шкале Рихтера составила сила подземных толчков. 600 человек пострадали, 31 из них погиб».

Поскольку журналисты ВСЕГДА путают характеристики землетрясения (бальность и магнитуду), необходимо разъяснение. Итак, магнитуда — величина безразмерная, ни балл, ни километр, ни килограмм. Измеряется по Рихтеру (вариант) и характеризует величину энергии, которая выделяется при землетрясении. Хотя шкала магнитуд в принципе не ограничена, но существуют физические пределы величины выделяющейся в земной коре энергии. Для описанного события магнитуда составляла 6,3. Эффект же землетрясения по поверхности измеряется в баллах (как и сила ветра). Шкала бальности (не Рихтера!) имеет предел 12 баллов (в Японии — 7) и называется либо MSK (в России), MM (в Америке) или JMA (в Японии). Например, 6 баллов — осыпается штукатурка, падают легкие предметы со шкафов и т.д.; 9 баллов — практически все здания получают повреждение той или иной степени, несейсмостойкие здания разрушаются; 11 баллов — катастрофа, изменения рельефа. Совершенно понятно, что бальность (эффект) зависит от магнитуды (силы), расстояния и других местных факторов. Поэтому выражение «сила землетрясения составила 6,5 балла по шкале Рихтера», — что никогда мы слышим или читаем в прессе, — абсолютный бред. Это, например, равносильно выражению «мощность двигателя автомобиля 120 миллиметров ртутного столба». Ни один журналист не напишет подобного, так почему же в других случаях не посоветоваться со специалистами, прежде чем писать?

Итак, землетрясение в Баку. Магнитуда 6,3 единиц — НЕ БАЛЛОВ, расстояние до города около 70 — 100 км. Бальность в эпицентре (в области поверхности земли в непосредственной близости от очага землетрясения) 7,5 — 8, в городе не более 6,5. Поэтому надо писать так: сила землетрясения (или магнитуда) — 6,3, и (или) интенсивность при этом в пункте N составила 7 баллов по 12-балльной шкале (MSK).

Владимир СОКОЛОВ, старший в области сейсмологии
Ташкент, Узбекистан

детский лепет

«ЧТО ТАКОЕ ГОРИЗОНТ?» — спросили мы детей, надеясь узнать много нового и интересного. И узнали.

ЯНА, 11 ЛЕТ:

«Это... ну, что-то вроде марки зонтика, такие зонты горят еще хорошо... Есть зонты «Горизонт», есть просто зонт...»

ВАЛЕНТИН, 11 ЛЕТ:

«Это под землей такие горизонты, воду оттуда берут, у меня папа сказал, что самая лучшая вода в третьем горизонте. А еще есть горизонт на небе, с него дождь идет...»

ЛЕША, 12 ЛЕТ:

«Горизонт» — это кинотеатр такой, недалеко от дома моего, а в честь кого он так назван, не знаю, просто так, наверное, красиво ведь звучит: го-ри-з-а-о-о-онт!»

ИВАН, 14 ЛЕТ:

«Воображаемая линия... э-э-э... нам в школе на географии что-то объясняли. Ну, в общем, это линия, которую вообразил себе человек! Момент так вообразить, может по-другому...»

ДАНИИЛ, 11 ЛЕТ:

«Горизонт — это линия, где земля сходится с небом, то есть земля с небом не сходится, а нам так кажется по глупости...»

АЛЕКСЕЙ, 13 ЛЕТ:

«Это марка паршивого российского телевизора! Он назван так в честь какого-то знаменитого человека. У нас дома теперь японский горизонт, то есть телевизор...»

В НОМЕРЕ

12 ОЛЕГ ДЕРИПАСКА:

**«ВЛАСТЬ БУДЕТ ПЕРЕХОДИТЬ
К ПРОФЕССИОНАЛАМ»**

Самый молодой алюминиевый король мира в школе выигрывал все районные олимпиады разом — по физике, химии, математике, но золотой медали ему не дали из-за поведения. Тем не менее он считает, что система образования — это наша базовая ценность. И именно она нас спасет.

22 СЕРГЕЙ ШОЙГУ:

**«Я НЕ БОЮСЬ НИЧЕГО, КРОМЕ ПОЗОРА.
И ПЫЛЕСОСОВ»**

Ровно десять лет назад, в 1990 году, еще при СССР, Шойгу создал самое успешное и самое полезное государственное подразделение во всей постсоветской истории. Пожалуй, у нас и нет никаких завоеваний за этот период, кроме вечно упоминаемой свободы слова и создания института спасателей.

38 ПЯТЫЙ ЭЛЕМЕНТ

**РОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГ ВИКТОР
САРИАНИДИ ОТКРЫЛ
ПЯТУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ**

Он утверждает, что степень развития маргианской культуры сравнима с высокой античной культурой. Однако западники не спешат признавать историческое открытие нашего соотечественника, которое способно враз перевернуть все взгляды и на развитие нашей цивилизации.

52 ОЛЕГ ДОБРОДЕЕВ

В СТИЛЕ «БЛАГОРОДНАЯ БЕДНОСТЬ»

Если Добродееву дадут проработать еще год, власть может получить телевидение, за которое не стыдно. Если, конечно, при этом большинству профессионалов и зрителей не будет стыдно за власть.

ФИТНЕСС ДЛЯ ВИЦЕ-СПИКЕРА

**ИРИНА ХАКАМАДА
ПРИГЛАСИЛА
НАШУ
КОРРЕСПОНДЕНТКУ
НА СВОЮ
ЕЖЕДНЕВНУЮ
ТРЕНИРОВКУ
В СПОРТКЛУБ**

Она привыкла работать в мужском обществе и всегда готова к очень жесткой борьбе, поэтому ей все время приходится держать себя в спортивно-боевой форме.

ОГОНЁК

НАСТРОЕНИЕ НЕДЕЛИ

Ну, началось...

Слушайте «Настроение недели» на Радио-1 — «Доброе радио», УКВ 68,3, каждое воскресенье в 18.30

Новогодние телешоу,
неизменные и вечные,
как салат оливье, те,
которых мы ждем
целый год, уже
отсняты и
замелькали в анонсах
праздничных
программ. Это –
первый звонок
к началу всенародной
встречи сами знаете
чего... Дождались

(фоторепортаж со съемок
«Рождественских встреч»
на стр. 6–7)

А я такая-растая...

К Алле Борисовне многие относятся иронически. А зря. История знает не много таких примеров: чтобы в течение четверти века человек стабильно входил в национальный хит-парад. И не со старыми песнями (как Пресли или «Битлз»), а каждый год с новыми. Да что там в хит-парад! В национальное сознание и подсознание! В национальные печенки и селезенки! Вошел однажды — и не жаждет выйти. Она много раз кокетливо махала ручкой на прощанье — но... А как может уйти человек, который своей мадам Брошкиной поставил в угол, будто сопливых девчонок в детском саду, всю остальную отечественную попсу? Вернее, дал ей понять: это вы — попса. А я — классика. Секрет-то простой. У по-

псы нет вкуса и самоиронии. А Алла Борисовна спокойно может заявить о себе: «А я такая, блин, такая-растакая, но мой поезд ушел». На очередных «Рождественских встречах» Пугачева, как образцовая воспитательница, опять радостно браталась со своим детсадом. Опять создавала праздник людям. Судя по фотографиям, мадам Брошкина заявила сюда своей собственной персоной. Автор встретился с героем. Ну и славненько. Всем вам — счастливого Нового года у телевизора! Вместе с ней, звездой века, звездой эпохи, величайшей из всех живущих певиц планеты (мое личное мнение). ■

Борис МИНАЕВ
Григорий КУЗЬМИН (фото)

поставщик высококачественных нефтепродуктов на российский рынок и в страны ближнего зарубежья. По вопросам поставок обращаться: тел. (095) 777-31-49, факс (095) 777-31-50

ОГОНЁК ПАНОРАМА

с в я т о м е с т о з а в и с т ь н е д е л и

▲ НЕ ПРОСТО ПАПА, А СУПЕРПАПА

Католическая церковь придумывает все новые и новые ходы, чтобы привлечь к себе внимание молодых людей. В прошлом году диск папы римского с религиозными гимнами и молитвами возглавлял многие чарты, оставляя далеко позади молодых поп-звезд. И вот на днях одно из религиозных издательств Италии получило разрешение Ватикана выпускать комиксы об истории жизни Иоанна Павла II. Первый комикс о жизни папы в предвоенной Польше на итальянском языке был распродан всего за неделю. Теперь издательство планирует продолжать проект на нескольких языках сразу. Так что у Бэтмена и Супермена наконец-то появился достойный конкурент.

▲ ПЕЛЕ КРУПНО ПОПАЛ

ФИФА допустила тактическую ошибку. Точнее, не учла настроения века, последних мировых тенденций и злых болельщиков. Функционеры ассоциации взяли да и объявили знаменитого Пеле лучшим игроком столетия. Нет, его заслуги, конечно, трудно недооценить. Но тут акралаь одна маленькая неприятность: по результатам голосования в сети Интернет, Пеле намного уступил Диего Марадоне, который, по итогам этого опроса, набрал более 70% голосов. Руководство ФИФА попыталось замаять ошибку и присудило Марадоне второстепенный приз «Симпатии болельщиков». Видимо, ничего большего этот наркоман и скандалист, по версии ФИФА, получить и не мог. Однако его болельщики не поняли политкорректных устремлений ФИФА, и Пеле, кажется, еще пожалеет, что получил этот несчастный приз.

В О П Р О С Н Е Д Е Л И

«Станете ли вы вставать под гимн на музыку Александрова?»

Да, охотно	36%
Да, придется	17,1%
Категорически нет	29,4%
Не знаю	17,3%

ВСТАТЬ ИЛИ НЕ ВСТАТЬ?

Нашему обществу грозит серьезный раскол. Причем почти во всех сферах жизни. По результатам опроса сайта социологических исследований «Глас Рунета», около 36% опрошенных россиян охотно согласились вставать под гимн на музыку Александрова. Еще 17% будут вставать, но с большой неохотой. Зато 29% отказались вставать категорически. Неизвестно, как поведут себя под звуки гимна 17% тех, которые не определились. И потому вполне вероятно, что теперь на футбольных матчах и всевозможных собраниях вставать под Александрова будет только половина зала. В когда-то дружных семьях возникнут постоянные ссоры, а хорошие друзья будут косяться друг на друга, когда кто-то из них встанет/не встанет под звуки гимна. И поди потом докажи, что о вкусах не спорят.

▲ МАДОННА СТАНЕТ БУДДИСТКОЙ?

Восточные ценности плотно укрепились в среде американских знаменитостей. Кто только не поклоняется загадочному Будде: Шарон Стоун и Ричард Гир, Тина Тернер и Патрик Свейзи. Теперь настала очередь рок-звезды Мадонны. Говорят, певица собирается сочетаться узами брака со своим женихом Гаем Ричи по буддийскому ритуалу. Соответственно никаких белых лимузинов и дорогущих шпилек на приглашенных дамах. Правда, пресс-секретарь звезды заявляет, что подробности бракосочетания держатся в секрете. Но мы-то знаем: если Мадонна что-то решила — тут даже далай-ламе ее не остановить.

▲ В РОССИИ ПОДДЕЛОК НЕТ

Эксперты нью-йоркского музея Метрополитен «открыли» для себя Америку. Они с неподдельным смятением объявили подделками 1250 музейных экспонатов в крупнейших музеях мира. Оказывается, среди шедевров, хранящихся в Британском музее, подделок всего 16, в парижском Лувре — 37 и не менее 45 — в самом Метрополитене. Российские музеи среди обладателей фальшивок не упоминаются.

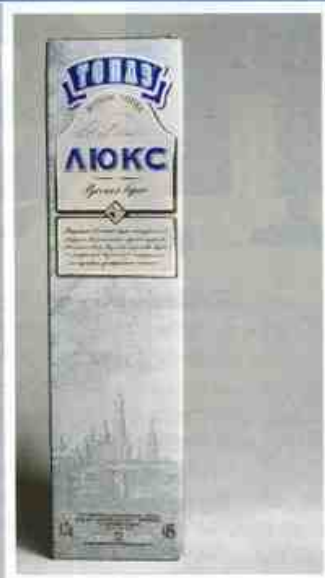
▼ ЛЕННОН И ЛЕНИН — БЛИЗНЕЦЫ-БРАТЬЯ...

Бессменный кубинский лидер Фидель Кастро пошел на популярный шаг. На днях он открыл в одном из парков Гаваны памятник знаменитому Джону Леннону. А заодно назвал музыканта революционером, а себя, простите, — ленинистом. Конечно, хочется верить в искренность Кастро, однако все помнят, что в 60-е музыку Beatles на Кубе осуждали. Сейчас же подобный шаг позволит кубинскому лидеру немного подняться как в глазах кубинских граждан, так и всего остального мира. По схеме: если Кастро любит творчество Леннона, значит, он, Кастро, еще не совсем конченый человек. Что называется, imagine. По другой версии, Кастро в последнее время страдает амнезией и мог спутать великого музыканта с великим коммунистом. Так вот, чтобы не попадать в щекотливое положение...

► РУМЫНСКУЮ ДЕМОКРАТИЮ ОБЛИЛИ ГРЯЗЬЮ

Продолжателем славных традиций нашего именитого политика теперь может по праву называть себя 50-летний румынский гражданин Исайя Фаур. После голосования во время второго тура президентских выборов этот человек подкараулил завершающего свое президентство в Румынии Эмилия КонстантINESКУ и подло плеснул ему краской в лицо. Хулиган досадовал, что КонстантINESКУ не придал значения «45 килограммам документов, петиций и сообщений» из Тимишоары. Выкрикнув: «У меня еще осталось немного чернил», — Фаур совершил свое грязное дело. За что и был оштрафован на сумму, эквивалентную 15 долларам США. Говорят, что после вынесения приговора нашлось еще полтора десятка противников демократии, готовых за такую сумму продолжить начатое Фауром дело.

▲ ЧТО ПИТЬ БУДЕМ?

Водка «Топаз люкс» теперь не просто вкусная благородная водка, а водка будущего. Спирт, из которого она делается, запатентован как изобретение. Для его производства используется уникальная ректификационная установка. Милкость этого продукта признана экспертами идеальной: вода проходит несколько ступеней очистки — от простейших песочных фильтров до установки обратного осмоса, на которой очистка идет на молекулярном уровне. Ну и, конечно, внешние данные: изысканная упаковка и строгая элегантная бутылка. Водка получила «Гран-при» на выставке «Интердринк-2000».

▼ НАДО ДЕЛИТЬСЯ

Решили в Российской государственной библиотеке и объявили, что готовы раздавать свои запасы в рамках благотворительной акции или долгосрочного проекта помощи. Совместно с партнером-спонсором, естественно. Одну такую акцию они уже провели. В преддверии Нового года Ленинка совместно с «Газпромом» и его германским партнером «Фербундгаз АГ» передала 1300 книг из своих фондов сеяхинской средней школе-интернату и гимназии № 1 г. Салехарда.

П О Л И Т И К А

Нецензурно

Я пришел к Сергею Юшенкову без штанов. Я пришел к Юшенкову без штанов и рассказал ему матерный анекдот. Потому что он сам попросил. Я-то прибыл говорить с ним о хамстве в политике.

А с кем еще поговорить о хамстве в политике, как не с Юшенковым — главным и самым непримиримым идейным борцом с политическим хамством, неоднократно от него страдавшим? Именно Юшенкова Грачев когда-то обозвал «гаденышем». Именно Юшенкова бросались бить прямо в зале заседаний депутаты Семаго и Шандыбин. Наконец, именно Юшенков юкнулся защищать экс-президента Ельцина от грубости Селезнева. Он выступил на заседании Думы с требованием осудить хамское поведение спикера. За что и поплатился:

— Коммунисты тут же набросились и потребовали лишить меня слова до конца второго тысячелетия.

— Кто бы мог подумать, что в конце XX века мы в России все еще будем говорить о хамстве высших лиц государства!

Кстати, о рубеже тысячелетий и моих штанах, без которых я заявился к Юшенкову в гости. Тут так получилось — миллениум я решил отметить в кругу семьи и друзей в одной дружественной европейской державе, где можно попить сливовицы и покататься на лыжах. И поэтому аккурат перед встречей с депутатом решил заехать на рынок горнолыжных причиндалов — прикупить непромокаемые штаны для катания. Это хорошие штаны. В них можно сидеть в снегу, в слякоти и даже в Государственной думе, не боясь, что к ним что-нибудь пристанет. Они такие непромокаемо-брезентовые, что, даже если рядом сядет сам спикер, я потом их просто тряпкой протру, и они опять как новые.

Однако приехал я на рынок, когда уже стемнело и человек, продающий портки, сворачивался, так что остался я без порток. И потому был слегка расстроенный, когда ехал на интервью. Отчасти мне поднял настроение светлый рыцарь — депутат Юшенков. Он сейчас готовится к изданию очередной своей книжки. На сей раз в ней будут собраны любимые анекдоты от разных известных личностей. Так что, как только я переступил порог юшенковской квартиры, хозяин потребовал от меня какой-нибудь анекдот.

— Только учтите, в предисловии я напишу: «Расскажи мне свой любимый анекдот, и я скажу, кто ты».

Я кивнул и тут же рассказал Юшенкову самый матерный, самый циничный анекдот из всех, что знаю. Да еще с черным юмором.

— Ну что ж, — записав анекдот в компьютер, задумчиво произнес Юшенков. — Как говорится, анекдоты делятся на две категории — приличные и смешные. Будем считать, что вы рассказали смешной.

После чего мы стали пить чай и говорить о хамстве как неотъемлемой черте российской политики и жизни.

— Что случилось с Селезевым? Всегда был такой тихий пожилой паренек. Слова никому худого не скажет. Помню, с Ельциным под ручку ходил, лояльность на лице отображал. И тут вдруг, узнав, что Ельцин против гимна Александрова, обозвал Деда маразматиком и склеротиком. От кого, от кого, но от него я такого дурного выплеска не ожидал. Обычно ветры прилюдно не пускают.

— Да это известный психологический феномен — холопский комплекс. Когда-то Селезнев, в отличие, например, от Солженицына, принял награду из рук Ельцина с благодарностью. Облобызался с ним. А теперь Ельцин не президент, теперь от Ельцина ничего не зависит, и его можно кусать, чтобы понравиться новому хозяину. Поначалу-то, после отставки Ельцина, Селезнев относился к нему нормально, поскольку неизвестна была реакция Путина. Но когда Ельцин покритиковал Путина за гимн, тут уж Селезнев решил выслужиться, и сработал инстинкт самого заурядного хама. Именно так и должен был высказаться хам, мстящий своему хозяину за то, что когда-то приходилось брать из его рук подачки. Типичный психологический

Почему Геннадий Селезнев позволил себе хамскую выходку по отношению к Борису Ельцину

АЛЕКСАНДР ЕЛЬЦИН

Демократия

Александр НИКОНОВ

пример поведения, многократно описанный в художественной и специальной научной литературе.

— А мог он сдержаться? Напрячь мышцы пресса, стиснуть челюсть?

— Конечно, человек, наделенный такими властными полномочиями и являющийся одним из высших должностных лиц государства, должен контролировать свои позывы. Но в состоянии определенной победной эйфории он не сдержался. Коммунисты так обрадовались, что их гимн примут!.. Да чего тут вообще удивляться? Возьмите любой томик Ленина, посмотрите, как он ругается на политических оппонентов! Что такого необыкновенного сказал Селезнев, что бы не соответствовало славным традициям коммунистической партии?

— Разве он не понимал, что это сыграет против него в конечном итоге?

— К сожалению, наш электорат пока еще поощряет подобного рода выходки. Уровень культуры у электората не так высок. Вспомните думские кампании, когда кандидаты поливали друг друга грязью.

— Соками поливали еще. И Немцов тоже, кстати. Это разве не хамство в ответ на хамство?

— А СПС не исповедует принцип непротivления злу насилем Льва Николаевича Толстого. У Немцова была естественная реакция любого нормального человека. Да и у Толстого, кстати, были нормальные реакции. Известен случай, когда Толстой прогуливался по парку со своим секретарем и развивал свои непротivленческие теории. В это время его больно укусила комар в лоб. Толстой хлопнул себя по лбу. Секретарь тут же спросил: «А как же принципы?» На что Толстой удивленно ответил: «Дорогой, ну нельзя же жить так подробно!»

— Может быть, Селезнев просто так неподробно живет? Большими кусками? Под собою не чуя страны?.. Матерый человечек.

— Так неподробно могут жить кучера, извозчики, другие граждане давно ушедших профессий. А публичному политику негоже. Он ведь наносит ущерб даже не себе, он наносит ущерб престижу страны. Поэтому я и потребовал от Селезнева принести публичные извинения. Как тут коммунисты завизжали! Даже поставили на голосование вопрос о лишении меня слова. 135 человек проголосовали за то, чтобы меня лишить слова до конца года. Предложение не прошло, потому что нужно было 226 голосов.

— Недобрали.

— Недобрали, потому что кто-то из них сказал: «Если мы его сейчас лишим слова, он все время будет торчать на экранах телевизоров, ему телевизионщики дадут слово». Думаю, только из-за этого не прошло их предложение.

— Насколько я помню, это была не первая попытка лишить вас слова. Когда-то уже лишали, и тоже в связи с вашими антихамскими выступлениями, по-моему.

— Да. В прошлом году, когда Немцов, Федоров и Гайдар летали в Югославию, пытаясь остановить бомбардировки, Семаго выступил и сказал, что они похожи на попутаев. На что я возразил, что тут у нас в Думе есть депутаты, похожие на политических проститутки: то с одной фракцией, то с другой (Семаго тогда как раз перешел из фракции коммунистов в другую). Тогда Семаго побежал со мной подраться, ведь он обладатель черного пояса. Хотел вспомнить боевые навыки.

— И что?

— И отлетел с той же скоростью к противоположной стенке. В силу инерции. Наскочил, наверное, неудачно.

— Ну да, вы же не толстолец.

— Угу. А потом Василий Иванович Шандыбин побежал за него заступаться. И Василия Ивановича постигла бесславная участь.

— Эх, забываем мы славные деньки нашей новейшей истории, деньки веселых побед и славных сражений! Спасибо, что напомнили. А почему вообще хамство столь присуще отечественной политике?

— Издержки демократии. Точнее, охлократии. Во время «явления демократии народу» первые победы в демократических процедурах

**Юшенков
считает,
что процесс
все-таки идет.
В Думу
приходят
новые люди,
более
профес-
сиональные**

одерживают те, кто выражает недовольство и протест масс в самой радикальной, площадной форме. Мы же видели, что как только демократия была разрешена сверху, народными избранниками стали люди, которые особо себя не сдерживали в оценке событий или личностей. Просто сказалось отсутствие демократических традиций. Выбирает ведь народ плоть от плоти народной — тех, кто больше всего соответствует усредненной массе. Если посмотреть дебаты губернаторов в Совете Федерации, депутатов в Думе, увидите, что люди особо не затрудняются в выборе выражений, порой граничащих с нецензурщиной.

— Значит, Селезнев — самая крайняя плоть от плоти народной?

— Она. В странах западной демократии уже установились определенные традиции. Их демократии прошли этап цензовой демократии, когда не каждый мог выдвигаться и избираться. Строго говоря, любая демократия — цензовая. Например, есть ценз по возрасту. Избирать могут только граждане, достигшие 18 лет. Президентом России может стать гражданин не моложе 35 лет. Но раньше-то были еще и другие цензы — имущественный, образовательный, половой, национальный. И отменены некоторые из этих цензов были совсем недавно. Например, половой. Женщины получили право голосовать относительно недавно.

Ценз в формировании нынешней демократии сыграл огромную роль. Избирать могли только люди, имеющие определенный уровень достатка, занимающие определенное положение в обществе. Которым есть что терять. Они голосуют за тех кандидатов, которые гарантируют им стабильность общественного устройства. За кандидатов, которые примут законы, которые выгодны тем людям, которые создают общественные богатства, а не валяются в канаве.

А у нас выборный закон принимался на основе формального равенства всех граждан. И коль скоро мы не прошли цензовый этап развития демократии, у нас подзаборный пьяница и академик имеют равные голоса. Хотя очевидно любому, даже этому подзаборному пьянице, что пьяница в управлении делами государства смыслит меньше, чем академик — Аверинцев, Лихачев, Сахаров... да любой! Кстати говоря, до сих пор в странах западной демократии бомжи, безработные, бедные — почти не принимают участия в демократии, хотя и имеют право. Просто у них не выработалась такой привычки. А привычка голосовать вошла в кровь тех слоев, тех стран, население которых привыкло быть независимым от государства, привыкло зависеть только от себя. Не ломпенов. У нас же получилась ситуация «из грязи в князи». Отовсюду ползело холопство.

— Может быть, нам тоже заменить нецензурную демократию на цензовую?

— В конце XX века это уже невозможно. Другие времена, другие технологии. Остается лишь уповать на постепенный рост политической культуры электората. Электорат может себе позволить выражаться нецензурно и валяться в канаве, но при этом он должен четко понимать: для того чтобы он мог себе позволить делать все это без каких-то страшных последствий, он должен избирать тех, кто отличает Сартра от сортира. Иначе придет тот, у кого не забалуешь.

Когда электорат поймет, что выбирает власть не для того, чтобы потешаться потом дома у телевизора, а назначает тех, кто должен обеспечивать будущее его детей, вот тогда и уйдет хамство из политической жизни.

— Да когда это еще будет!

— Процесс идет. Нынешний состав Думы гораздо спокойнее предыдущих. Даже ЛДПР себя нормальнее ведет. Приходят новые люди, более профессиональные.

— И-да, действительно. Вот и драк в этом году не было пока еще ни одной.

— Вот видите! Значит, растет уровень понимания электората, кто должен быть в Государственной думе.

— А Селезнев..

— Он из прошлого созыва. Я бы даже так сказал: он из прошлого. ■

Олег ДЕРИПАСКА

ВЛАСТЬ БУДЕТ ПЕРЕХОДИТЬ К ПРОФЕССИОНАЛАМ

Борис МИНАЕВ

— Олег, скажите, в детстве вы были человек домашний или уличный?

— Наверное, уличный. Я бы даже сказал — полевой. Я рос на хуторе. Там я жил с четырех до девяти лет, у маминых родителей, на Кубани.

— А как это место вообще называется?

— Хутор Железный и хутор Октябрьский. Усть-Лабинский район. Это типичная такая Кубань. Она, кстати, очень сильно отличается от всей остальной сельской России.

— Чем?

— Всем. Людьми. Настроением. Изобильный очень край.

— А вы там бывали недавно?

— Конечно. Бываю раз в два года или раз в год. Правда, был большой перерыв, в несколько лет, а если точно, шесть лет я там не был. Я приехал в это лето, залез на черешню и сидел там два часа. Два часа, не слезая. Лучшая черешня на Кубани. Ну, то есть для меня это такая восстановительная процедура.

— Ну и как вообще проходят эти поездки в личном плане? Кто-то там с вами общается как с представителем «большого города»?

— Нет. Я думаю, что они просто не в курсе текущей ситуации. Людей, которые там живут, интересует другое: земные дела, которые вокруг происходят. События, которые их затрагивают. Какая пенсия. Какие цены. Как государством будет дотироваться село, там же еще крепостное право в некотором смысле. Как-нибудь хотят решить вопрос с землей, а он все никак не решается. Мне сложно говорить о моих впечатлениях, к сожалению, они очень внешние. А у меня там, скажем так, наследство — дом моей матери, ее отца, дом бабушки по отцовской линии. Я приезжаю на кладбище. Вот и все.

— Что больше всего запомнилось из полевого детства?

— Одни мои бабушка с дедушкой жили в одном хуторе, другие — в другом. Дело в том, что мой дедушка умер, когда мне было семь лет, я пошел в первый класс. И я остался один в пустом доме. На какое-то время. Поэтому я часто переходил из одного дома в другой. Тогда казалось: какие-то невыносимые расстояния. Казалось, что могу идти пешком бесконечно. Недавно проехал на машине по этой же дороге. Это заняло на хорошей скорости 35 минут.

— Кубань — это же казачьи места?

— Трудно сказать. У меня к людям, которые рядятся сейчас в эти казачьи одежды, отношение сложное... Я их не видел там никогда, когда рос и был ребенком. Хотя, наверное, традиционно — да. Те же люди, те же кони. Но вряд ли эти ряженые и сейчас вызывают там какое-то доверие. Хотя... оружие людям в этой местности раздать, наверное, надо. Чтобы они смогли себя защитить.

— Слишком много стало выходцев с Кавказа?

— При чем тут Кавказ? У нас в школе, например, было много армян, адыгейцев. Я вообще никогда не задумывался: татарин, русский, православный, мусульманин. Среда была ровная, очень терпимая. Были просто соседи, кото-

Было воскресенье. Мы с Юрой Феклистовым отправлялись в гости к знаменитому предпринимателю. К самому молодому алюминиевому королю мира. Мы отправлялись практически в пасть акулы. А я все мучился: о чем спрашивать? О том, что такое толлинг? О стратегии развития отрасли? О том, как он лоббирует и кого поддерживает в политике? О том, почему он входит в список самых влиятельных людей страны и в список самых богатых женихов России? Мне такие вопросы было задавать неловко. И скучно. Мне хотелось понять: какой механизм двигает человеком, который сам двигает такие огромные машины? Но ведь так в лоб не спросишь. И я начал издали...

рые пытались меня накормить, когда я остался один, спрашивали: ну как ты, сыт? Не было между людьми такого количества барьеров. Они были свободнее... Понимаете, все-таки в те советские годы люди жили в полной социальной определенности. Сейчас они попали, скажем так, в полную неопределенность. Все зависит лично от тебя. Надо понимать, что это ведь уже не было в чистом виде крестьянское натуральное хозяйство, это была индустриальная система хозяйства, может быть, плохая, но индустриальная. Назад вернуться, на целый исторический этап, им сейчас очень тяжело, много крестьянских навыков утеряно. Ну... как везде. Сейчас каждый занимается каким-то ремеслом. Чтобы выжить. А тогда вся жизнь наперед была расписана: школа, институт, распределение, работа. Все это было гарантировано. Сейчас не гарантирована ни одна из этих стадий. Ни одна. У человека, даже если он гений, просто может не оказаться денег на билет, чтобы доехать до города и поступить в институт. А если он поступил, у него не будет денег, чтобы учиться и себя обеспечивать. Как ни странно, в каком-то смысле все это привело к потере свободы. Хотя система образования, как я считаю, это наша базовая ценность. И именно она нас спасет. Мы все — граждане другой страны, если говорить об этой системе образования.

— Какой страны? Той, которая была?

— Да, конечно. Но о ней не надо жалеть. В ней было очень много плохого. А вот людей, да, жалко... Государство готово решать их проблемы, просто сама страна для этого должна стать богаче. Сама страна. Вот и все.

— А учителя там еще остались, которые вас учили?

— Остались. Я немного помогаю той школе, где я учился.

— Как?

— Ну... в общем, помогаю.

— Школу заканчивали там же, на селе?

— Нет, я в одиннадцать лет переехал к маме, в райцентр, в Усть-Лабинск. И там же школу закончил. Понимаете, маленький город... он

позволяет сосредоточиться на себе. Именно там я понял, что буду учиться. Я поглощал информацию, причем любую. Я вдруг страшно захотел читать и обнаружил, что толстую книгу, страниц триста или четыреста, проглатываю за день, за два.

— И с чего начали?

— Ну... с чего все начинают? С Майн Рида, Конан Дойла. Потом пошло-поехало без разбору. Это при всех прочих равных — домашние задания, спорт. Учебник математики я мог прорешать за неделю. Все, что было рассчитано на год. Иногда выпрыгивал все районные олимпиады разом по физике, химии, математике.

— Вы часто дрались? Вам вообще доставалось из-за того, что вы были отличником, да еще и примерного поведения?

— Нет, мне не доставалось, потому что я занимался спортом. Был очень развит физически. В детстве мы часами гоняли в футбол: по пять часов, когда уже невозможно выиграть друг у друга. Я занимался практически всем: боксом, борьбой, регби, футболом без правил. Дрались во дворах: школа на школу, район на район. У нас были совершенно другие отношения, чем те, что я наблюдал у подростков в конце 80-х, в крупных городах, скажем в Москве. То есть не было никакого бандитского беспредела, травли, унижений, вымогательства денег. Были мальчишеские коллективы и соответственно какой-то другой принцип самоорганизации. Очень естественный. Это было соревнование, скажем так. То есть люди соревновались везде. В школе, на футболе, обязательно драки, стенка на стенку, потом... сады и огороды. Представляете, наш городок — сады из конца в конец и без всяких заборов. По крайней мере мне так казалось, или действительно не было заборов для нас. Когда все там расцветало. Начиналось с абрикосов, заканчивалось арбузами, помидорами, клубникой, виноградом... У нас был специфический учебный год: два первых месяца мы не учились, работали в поле — собирали урожай. Все, начиная с черешни, за-

канчивая помидорами. И два последних месяца не учились: нас сажали в автобусы и гоняли на прополку. Наш класс был довольно спортивный. Там были сильные люди, такая кучка лидеров. И при этом мы умудрялись дружить, а не враждовать.

— Остальные ваши школьные лидеры, что с ними стало потом?

— У каждого своя жизнь. Почему «потом»? Наша жизнь еще не окончена. Всем им, как и мне, по 32 года. Все еще впереди. Кто-то переехал ко мне в Москву. Да, есть мои школьные друзья, которые со мной путешествуют по стране. Помогают решать мне какие-то проблемы. Кто-то зажил своей жизнью. Девочки, наверное, все замуж вышли. С некоторыми моими одноклассниками раз в неделю играю в футбол, езжу на рыбалку.

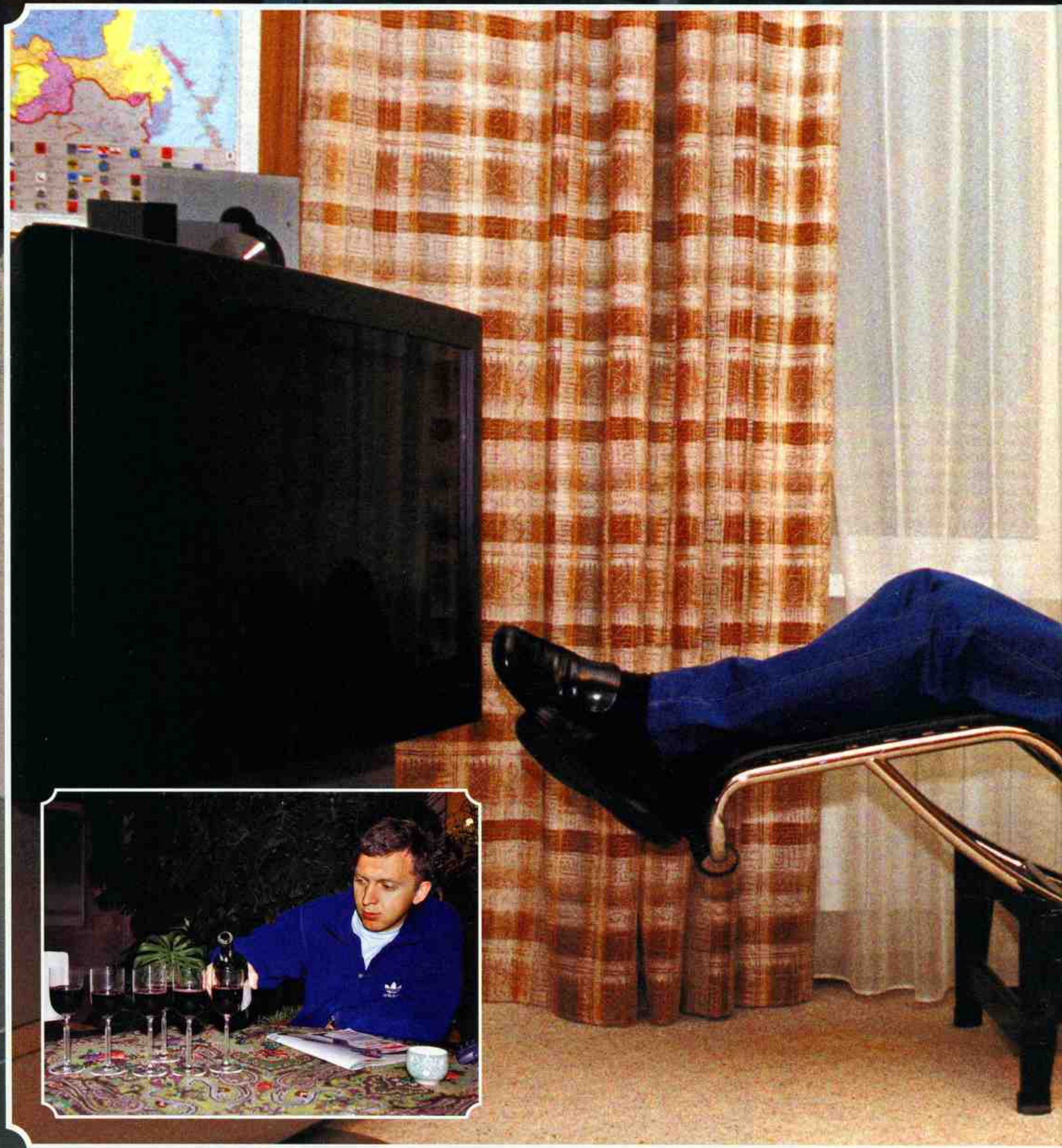
— Никто из одноклассников не сделал вашей карьеры. Никогда не задумывались: почему? Что это — удача, случай?

— Очень много сил было потрачено. Я помню, когда в университете учился, уходил в 9 утра и приходил в 10 вечера. Это был реальный труд. Вы же понимаете, что человеку после обычной школы довольно тяжело сразу воспринять университетскую программу. Там, на физфаке, нет никаких скидок. Не бывает. И еще: я стараюсь делать только то, что мне нравится.

Он чрезвычайно труден для интервью. Этот недостаток абсолютно точно вытекает из его деловых достоинств: говорит сухо, всерьез и ничего лишнего. Он морищит лоб, роняет слова в середине между долгими паузами. Спокойный взгляд, глуховатый голос. Мне становится немного стыдно: неужели я и сам раньше не догадывался, что процесс взросления невозможно описать байками, «историями», анекдотами и образами. Рядом с ним я тоже стараюсь мыслить системно. В любой жизни есть закономерность, правильно? Закономерность его жизни: не очень легкий старт, в раннем детстве пришлось несладко. Он выдержал. До двадцати шести лет жадно поглощал информацию, все остальное его мало интересовало. С трудностями справился, потому что был силен и вынослив. Вот и все. А вы чего хотели?

— А как вообще вы поступили на физфак МГУ?

— Просто приехал и поступил. Набрал проходных шестнадцать баллов. Ровно столько, сколько было нужно. Выбрал кафедру квантовой статистики и теории поля, она считалась очень сложной. Страшная конкуренция: ведь все начинали с равной стартовой позиции, а вокруг меня были такие люди, из лучших учебных заведений, из лучших школ Москвы и страны. Нам преподавали директора академических институтов. Было трудно. Я был выпускником сельской школы, даже в садик никогда не ходил, меня дед научил читать, играть в шахматы... Вы знаете, что выпускник физфака должен сдать 16 — 17 математических дисциплин? Первые три курса речь о физике вообще не шла, нас просто подтаскивали до нужного теоретического уровня. Кстати, Москву я воспринимал довольно своеобразно. Огромный город, полгода

Родился 2 января 1968 года в г. Дзержинске Горьковской области.

Получил два высших образования: с отличием окончил физический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, а также Российскую экономическую академию им. Г.В. Плеханова.

В 1994 году 26-летний Олег Дерипаска возглавил один из крупнейших в России Саянский алюминиевый завод в восточносибирском городе Саяногорске (Республика Хакасия). Под руководством самого молодого в России генерального директора третий по мощности в стране электролизный завод стал лучшим в отрасли.

Выступил инициатором создания группы «Сибирский алюминий», через три года после образования она вошла в десятку ведущих мировых производителей продукции из алюминия

ушло на привыкание. Жил в общежитии, на Ми-
чурином, там у нас были люди из разных
стран, например кубинцы. На их примере мы во-
очию увидели, что такое классический социа-
лизм и как далеко мы от него ушли: они прово-
дили в общежитии партсобрания, песочили от-
стающих. Кстати, как и они, я впервые увидел
в Москве снег. Помню, как один кубинский сту-
дент решил покататься на лыжах. Надел лыжи,
застегнул крепления, все как положено. Причем
сделал он все это у себя в комнате. Потом начал
спускаться по лестнице. Сломал одну лыжу, по-
том вторую... Чего смеетесь? Я тоже на лыжах
так и не научился ходить, между прочим.

— Хорошо, а что было дальше?

— Учился год, потом ушел в армию, два го-
да отбарабанил в армии.

— А тогда брали студентов дневных отде-
лений?

— Да, был такой период в начале горбачев-
ской эпохи. Ровно два года. Я как раз в него по-
пал. Нас двумя самолетами выгрузили в Чи-
те-46 — ракетные войска. Рядом со мной были
мои друзья с физфака. Я видел, что им было
очень трудно. Очень. Москвичи и жители боль-
ших городов вообще тяжело переносят армию...
Закончил учебу, потом еще пару месяцев меня
готовили на сержанта. А потом меня все время
переводили из одной части в другую. Чтобы бо-
роться с неуставными взаимоотношениями.

— Как это? Подзатыльниками?

— Порой это был единственный способ.

— Кстати, вы в школе или в армии дости-
гли каких-то спортивных разрядов?

— Нет. В Усть-Лабинске профессиональ-
ного спорта не было. Были просто энтузиасты,
которые занимались с детьми. Я не был спорт-
сменом.

— Вам нравилось бороться с неуставными
взаимоотношениями? Ведь вы же благое дело
делали...

— Уставные взаимоотношения были ни-
чем не лучше. Другое дело, что та система
хоть как-то уберегала людей, все-таки они
были с оружием, у них было разное психиче-
ское состояние, они были разных националь-
ностей, вероисповедания. Я пытался уста-
новить жесткую систему взаимоотношений,
чтобы она хотя бы гарантировала жизнь. На-
пример, первый марш-бросок москвичей не-
сли на себе. Главная же беда состояла в дру-
гом: в той армии, куда я попал с друзьями, там
уже не Родину защищали. Себя, может быть.
Была уже перестройка. Люди уже не понима-
ли, где они, куда они попали. Это была некая
неопределившаяся организация. Тем не ме-
нее я считаю, что был там неплохим коман-
диром. Контролировал обстановку в части в
качестве старшины роты, или батареи, или
эскадрильи — я много частей сменил. По
крайней мере я учил ребят каким-то базовым
для солдата вещам. Воспитывал сержантов,
которые могли руководить солдатами. В тот
год были страшные пожары в Читинской об-
ласти. Жара, гарь... Вот тогда я впервые уви-
дел настоящую бедность, у нас, на Кубани по
крайней мере, я такого не встречал. Нас броса-
ли вырубать в лесу защитные полосы. Помню,
как попали в одну деревню и у меня был шок:
я впервые увидел дом с крышей, но без потол-

ка. Входишь, а сверху стропила, балки. Такое
я потом видел лишь однажды в Африке.

В общем и целом, армия — это тест на вы-
живание. Помню, БТР заглох на учениях. Я ко-
мандир отделения. Мы в лесу. Сорок градусов
мороза. Где-то надо ночевать. Спали на снегу,
под елками, прижавшись друг к другу. К сча-
стью, все проснулось нормально. И хотя дета-
ли БТРа окончательно примерзли, водитель
нашел решение, и машина завелась...

— Это вы помогли ему найти решение?

— Помог ему найти мотивацию, скажем
так...

— Вам помог потом армейский опыт? На-
пример, в бизнесе?

— Может быть. Но от многого до сих пор при-
ходится извлекаться. Армия очень неэффек-
тивная система. И для решения задач, которые
требуют проявления человеческой индивиду-
альности, ее методы не подходят абсолютно.

— А вот то, что солдаты «не родину защи-
щают», — это что для вас значит?

— Там, где я вырос, к этим вещам было осо-
бое отношение. Ну как вам сказать, вот мои два
деда: один погиб на войне, другой очень тяжело
ее прошел — воевал от Халхин-Гола и дальше,
дальше, до сорок пятого, всю Дальневосточную
кампанию. Даже в Иране служил. Отношение
к армии было совсем другое, чем внутри самой
армии. Вот это было для меня тяжело.

— А дальше?

— Дальше я вернулся на физфак. Целый
год нас практически держали в отдельных по-
мещениях, во-первых, мы были страшно агрес-
сивны. Во-вторых, абсолютно все забыли. Все
пришлось вспоминать с нуля: пределы, диф-
ференциалы, интегралы. Только через год три
наши дембельские группы слили с остальны-
ми. Но многие уже бросили учиться. Армия пе-
ревернула наши представления о жизни. Ре-
бята не смогли справиться с этим. И опять-таки
перестройка. На стипендию уже нельзя было
не то что прожить, купить хоть что-нибудь.
Было понятно, что наступает другая эпоха.

— Вы уже в институте занялись бизнесом?

— В прямом смысле нет. Я просто начал за-
рабатывать деньги. В стройотряде. Пришел из
армии в марте. И уехал в стройотряд. До авгу-
ста. Мы строили на Ямале, строили в Казах-
стане и на Урале, в Тульской области. Коров-
ники, дома. Где я только не был. До сих пор ме-
ня волнует судьба одной котельной. Мы
все-таки оставались в душе физиками, и что-
то такое в проекте нас с моим другом волнова-
ло, что-то было не так, какая-то техническая
неувязка. Конкретно уже не помню. Ямал —
это Крайний Север. 29 августа мы достроили
котельную и уехали, а 1 сентября пошел снег.
Мне до сих пор хочется узнать: заработала та
котельная или нет?

— Вы много тогда зарабатывали?

— Да, мы зарабатывали столько, что могли
ни в чем себе не отказывать.

— В каком смысле?

— В прямом.

— Но ведь это был не бизнес, тогда в
стройотряде, это был заработок...

— (Улыбается.) Нет разницы между биз-
несом и заработком.

— Нет разницы?

«НАШ КЛАСС БЫЛ
ДОВОЛЬНО СПОРТИВНЫЙ.
ТАМ БЫЛИ СИЛЬНЫЕ ЛЮДИ,
ТАКАЯ КУЧКА ЛИДЕРОВ.
И ПРИ ЭТОМ МЫ
УМУДРИЛИСЬ ДРУЖИТЬ,
А НЕ ВРАНДОВАТЬ»

«НАС ДВУМЯ САМОЛЕТАМИ
ВЫГРУЗИЛИ В ЧИТЕ-40 —
РАКЕТНЫЕ ВОЙСКА. РЯДОМ
СП МНОИ БЫЛИ МОИ ДРУЗЬЯ
С ФИЗФАКА. Я ВИДЕЛ,
ЧТО ИМ БЫЛО ОЧЕНЬ
ТРУДНО. ОЧЕНЬ. МОСКВИЧИ
И ЖИТЕЛИ БОЛЬШИХ
ГОРОДОВ ВООБЩЕ ТЯЖЕЛО
ПЕРЕНОСЯТ АРМИЮ...»

«ПОСЛЕДНИЕ ПЯТНАДЦАТЬ
ЛЕТ МАМУ ВИДЕЛ НИКАШО.
НО ДВА ПОСЛЕДНИХ ГОДА
МЫ ЖИВЕМ ВМЕСТЕ»

— Это основной мотив бизнеса, понимаете? Люди, которые о нем забывают, как показывает опыт, совершают тяжелую ошибку.

— Вы хотите сказать, что до сих пор, занимаясь бизнесом, вы зарабатываете себе на жизнь?

— В каком-то смысле, да. Об этом нельзя никогда забывать. Иначе получается что-то другое. Очень много таких примеров. Негативных. Конечно, термин «зарабатывать на жизнь» не описывает всей массы возможностей... Бизнес — это вообще сложение возможностей. Иногда финансовых. Его опыта, когда он может выступить экспертом. Иногда бизнес просто от вложения усилий. Но, тем не менее, содержательная часть бизнеса — это прибыль. Вот об этом нельзя забывать.

Первый раз мы беседовали в загородном доме Олега, второй — в офисе. Загородный дом двухэтажный, кирпичный, просторный. Минут десять ехать от окружной дороги на север. В пригороде много войлочных шлепанцев для гостей, обувь надлежит снять. В зимнем саду чрезвычайно густая тропическая растительность и пальм. Никакой вычурной мебели, золотой лепнины. Все довольно просто, функционально, много дерева. Чувствуется, хозяин не очень много бывает дома, ни одной случайно брошенной вещи я не обнаружил. Очень высокие потолки. На первом этаже гостиная, столовая, видимо, еще ряд помещений, в которых я не побывал. За стеклянной дверью кухни виден повар в белом халате. Вообще, помимо шофера и охраны у входа в дом, здесь не видно большого количества людей, максимум один-два человека, скромные женщины в домашней одежде. На втором этаже кабинет-библиотека. Недавно купленные собрания сочинений. Как ни странно, книжки в основном художественные, плюс энциклопедии и кое-что по Африке. Олег говорит, что рядом с домом небольшая площадка для мини-футбола, только ее сейчас ремонтируют, а то бы поиграли (шутка). Играет он раз в неделю с друзьями, о чем я уже знаю.

Себя Олег персонажем светской хроники не считает, поэтому вмешательства в свою личную жизнь не допускает. Интервью не дает. Тем более о себе. Мой опыт первый. И не последний ли? Простите, братья-журналисты, если навсегда отобью у Олега охоту к таким способам самовыражения. Иногда, правда, он выступает в СМИ со статьями и интервью: разъясняет ситуацию в алюминиевой отрасли и в экономике вообще.

— И вот в какой-то момент вы просто поняли, что зарабатываете в десять раз больше своих однокурсников, и решили заработать еще больше? Или было как-то иначе?

— Потом начался романтический этап. Если вы помните, это было страшно модно: возродить традиции предпринимательства, и все такое. Появились первые товарные биржи. Брокерские конторы. Я помню первые выступления Борова, как все это тогда пропагандировалось... Все говорили о каком-то ренессансе русского бизнеса, о возрождении традиций. Это было новое дело. У меня был кое-какой опыт, в

стройотрядах мы имели дело с первыми кооперативами. Кстати, мама хотела, чтобы я поступал непременно на экономический факультет. Она более реально оценивала ситуацию в обществе. Но я не послушал, выбрал физфак. Получил диплом физика... и стал брокером.

— Получается, что вы человек, не скажу что идейный, но... верящий в какие-то ценности? Да?

— По крайней мере, на них стоящий...

— То есть вы тогда, в девятую первую, поверили в эту идею ренессанса?

— Да нет, не так... Я же говорю: то, что тогда происходило, это был просто такой захватывающий процесс... По сути дела, то же самое соревнование. Как в школе. И потом... это был достаточно быстрый процесс.

— Вот вас, как человека, стоящего на базовых ценностях, не отвратил этот русский бизнес, начальный, разнузданный?

— Да нет, можно же было им не заниматься. Каждый раз оставаться в своей системе ценностей. Главное было их иметь. Иметь в голове какую-то систему взглядов. Даже тогда, в те бурные годы, всякий раз удавалось принимать правильное решение. Главное, что меня поразило в этом русском бизнесе: в него валом повалили люди, не то что не обладающие каким-то там опытом или квалификацией, но просто не знающие элементарного законодательства. Для них это было просто продолжением их номенклатурной партийно-комсомольской деятельности, и только. Они получили возможность чем-то там воспользоваться, заработать без анализа, без оценки, без базового понимания. Громадная масса ресурсов из государственной экономики оказалась даже еще не на рынке — просто на улице. В одну секунду перестал существовать, например, Госплан, представляете себе эту машину? И люди, пользуясь связями, пытались подбирать эти ресурсы и их использовать. Как вам сказать: мы жили в другой жизни, в которой не было ни денег, ни капиталов, ни процентных ставок. Бывшая номенклатура, рванувшая в бизнес, даже не пыталась всего этого понять.

— А вы?

— Я пытался подойти к этому системно, как в физике. Начать с основ. Я ходил вольнослушателем на экономический факультет, читал книжки, проходил что-то вроде общественной практики в Центробанке СССР, по управлению ценными бумагами, тогда это было модно. Я разложил свою жизнь и свою работу на правильные клеточки. И все, что я пытался делать, — это выстроить какую-то систему. Расписать на клеточки. Добиться в этих клеточках выполнения определенных договоренностей, механизмов взаимодействия. Это было очень интересное время для меня. Единственно, очень жаль, что много времени страной было потрачено зря. Были зря потрачены ресурсы. Родился миф о «новых русских», которые засыпают деньгами все подряд.

— То есть миф родился не на пустом месте?

— Да, конечно, он фактически отражал положение вещей. Но, с другой стороны, масса успешных компаний, начала работать именно тогда, в конце 80-х, начале 90-х. У всех по-настоящему крупных компаний были свои принципы, на которых они стояли. За исключением тех, кто

родился на базе каких-то социалистических монстров. Их, я думаю, еще ждет крах.

— Еще ждет?

— Конечно. Те же естественные монополии. Это же еще советские организации.

— Чем ваше поколение менеджеров отличается от поколения Гайдара, Чубайса, Бориса Федорова, скажем так, поколения сорокалетних?

— Одной ногой они находятся еще в той, прежней, жизни, другой ногой — в жизни новой. Ноги разъезжаются. Это очень тяжело, поверьте. Мне кажется, они по-прежнему строят какую-то не ту страну. Очень похожую на прежнюю. Хотя сами этого не понимают, но строят. А мы... еще не совсем нашли себя. Мы еще сами не знаем, куда мы идем, но уж точно не в обратную сторону. Процесс осознания идет очень медленно. И он сталкивается со многими парадоксами. Например, Москва, я считаю, слишком продвинулась вперед. Оторвалась от остальной страны, оторвалась от своих же собственных проблем. Это невозможно.

— И что делать? Останавливать? Или подтягивать, скажем, Нижний Новгород до уровня Москвы?

— Самару, Нижний, Питер, Новосибирск, Красноярск до Москвы подтягивать не надо. Они в экономическом развитии продвинулись в каких-то вещах гораздо дальше. Там люди живут своим трудом, своей землей. А Москва стянула на себя такое гигантское количество ресурсов, в такой концентрации, что переварить не в состоянии.

— Так что же делать с Москвой?

— Вы знаете, меня эта московская тема не очень беспокоит. Я в каком-то смысле вообще не ощущаю себя жителем Москвы.

— Тем не менее, вы живете здесь непрерывно с восемьдесят пятого года...

— Да нет, что вы, я три года жил в Сибири, был директором Саянского алюминиевого завода.

— Три года?

— Да, три года: девяносто пятый, девяносто шестой, девяносто седьмой.

— Как вы стали директором Саянского алюминиевого завода?

— Дело в том, что наша компания, она называлась «Алюминпродукт», имела с этим предприятием бизнес, мы продавали их продукцию. Это был один из лучших заводов, и это был хороший бизнес. Но постепенно мы начали видеть, что завод просто разворовывают, и начали пытаться влиять на происходившие там процессы. Мы купили часть акций на валютном аукционе и по закону должны были войти в Совет директоров. Нас отфутболили.

— Как?

— Ну, это была стандартная советская процедура: некое шоу, очень похожее на старые профсоюзные собрания, которое называлось «собрание акционеров». На этом собрании рабочим говорили, что у завода хорошие показатели, а тем временем он реально катился в финансовую пропасть. Мы начали скупать акции у рабочих. За хорошие деньги. На эти акции люди в Саяногорске покупали квартиры, машины, это был настоящий бум. Тогда, в девяносто четвертом году.

— Ну, хорошо, а те, кто не был заинтересован в вашем приходе... Кстати, а в чем они были заинтересованы?

— Они были заинтересованы в том, чтобы на заводе все оставалось по-прежнему: чтобы покупалось сырье по завышенным ценам, а продукция продавалась по заниженным. Завод катился в пропасть, они обогащались.

— Так вот, эти силы не пытались вам угрожать, давить на вас через местную власть, через правоохранительные органы? Не пытались устраивать забастовки, митинги?

— Пытались. Знаете, я за несколько последних лет столько раз это уже проходил, на самых разных предприятиях, что деталей уже не помню. Самое главное было в том, что наша компания выступала с абсолютно открытых позиций: вот акции, вот деньги. Если бы мы сделали хоть одно незаконное действие, даже телодвижение — нас бы мгновенно выкинули с завода. А мы действовали абсолютно открыто, законно и честно выполняли свои обязательства. Нас проверяли не раз. Милитрия, налоговая полиция. Вообще в моей жизни этих проверок были сотни, наверное. Обычные, плановые или, наоборот, под гром разоблачительных кампаний, например, когда пресса и телевидение начали беспрерывно рассказывать об «алюминиевых войнах».

— А у вас пыгались брать интервью?

— Нет. А кого из журналистов интересует сейчас объективная картина, сухая правда? Кого интересует, например, внедрение на Саянском заводе новой системы газоочистки? Или новых технологических схем? Или борьба за качество сырья? Или меры по повышению производительности труда? Никого. Всех интересует другое. Кто с кем связан и прочие заоблачные вопросы. Никто не хочет на грешную землю.

— Так как же вы все-таки стали директором?

— Поначалу старый директор не воспринимал всерьез наши советы. Понимаете, начиная с 1985-го года старый директорский корпус оказался между небом и землей после того, как при Горбачеве ввели выборность руководителей трудовым коллективом, они уже перестали бояться кого бы то ни было. Как могут подчиненные выбирать собственного начальника? Бред какой-то... Над ними не было никакого контроля, их перестали снимать и назначать. Это были князьки с неограниченной властью. Так продолжалось семь лет, пока не началась приватизация. Приватизацию они тоже сначала не воспринимали всерьез: ну да, рабочие получили контрольный пакет акций, ну и что? Возможность манипулировать рабочими по-прежнему была у них в руках. Лишь позднее стало понятно, что эта бумажка является титулом собственности и ее можно продать. 1994 год для алюминиевой промышленности был очень трудным. Рухнул мировой рынок, начался энергетический кризис, финансовый кризис приближался... Завод заложордило еще в мае, и старый директор в сентябре написал заявление об уходе. Исполняющий обязанности директора тоже поначалу не хотел прислушиваться к нашим советам, и вот тогда мы приняли окончательное решение о приобретении контрольного пакета акций и перехода предприятия полностью под наше управление.

— Вас не воспринимали как чужака, неопытного молодого москвича? Как выскочку?

— Понимаете, все, что я делал, являлось азбукой бизнеса. Вы можете прийти на любое предприятие и заказать консалтинговому агентству точно такой же план действий: как оптимизировать производство, как наладить управление и так далее. Это уже процесс, описанный в академических учебниках. Я не сомневался в том, что здесь работают высокие профессионалы в области алюминия, но за семь лет они окончательно потеряли нормальные управленческие навыки и умения. При советской власти эти навыки все-таки были, хотя денежные мотивации были сведены к минимуму, но люди четко знали о том, как их будут контролировать, в какой момент и по какому поводу они должны объяснять начальству свои действия. Вообще-то для того времени это была довольно продвинутой управленческой системой, как ни странно. За семь лет она полностью рухнула: люди перестали понимать, кто и как их контролирует и кому что они должны объяснять. Вот вы меня спрашиваете: угрожали ли мне, были ли митинги, забастовки? Я не занимался проблемами трудового коллектива. Я занимался менеджерами. Я учил их, например, составлять бизнес-планы. Учил элементарному планированию. Когда на совещании вдруг возникал вопрос, сугубо технический, и все вдруг смотрели на меня, и я с ужасом понимал, что управленческая дисциплина потеряна настолько, что даже эти вещи решаются на самом верху. Я менял эту систему медленно, эволюционным путем. За три года поменял. Главное, я отдал часть директорских полномочий, то есть научил менеджеров принимать ответственные самостоятельные решения. В рамках своей компетенции. Это главное.

— Увольнять, тем не менее, приходилось многих?

— Приходилось.

— В ногах валялись?

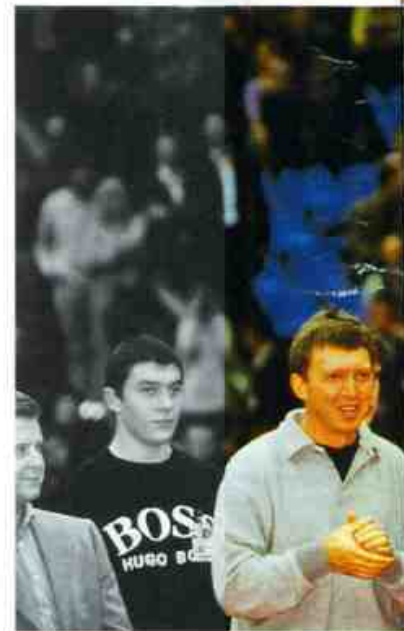
— Нет, не валялись. А где они могли валяться? Я же по улицам не ходил. Это тоже азбука управления.

— То есть вы были чем-то вроде волшебника Изумрудного города. Руководили сверху, как бог из машины в античном театре?

— Нет, сначала, когда я приехал, поговорил с людьми, прошелся по предприятию. Проанализировал ситуацию. Потом начал действовать. Я помню, как возвращался из Москвы, с коллегой Миндветмета, кажется, это было в девяносто пятом году. Меня встречал в аэропорту мой заместитель. По дороге мы увидели несколько машин, груженных металлом. Стали рассуждать: что, откуда? Развернулись и поехали выяснять. Догнали машины — металл действительно оказался ворованным. Мы очень жестко поговорили с водителями и вернули груз на завод. После этого ввели на предприятии пропускной режим. Те, кто был заинтересован в продолжении воровства (а завод, между прочим, стоял в чистом поле, довольно далеко от города), стали кричать: «Что это такое, концлагерь!». А мы вовсе не пытались установить какой-то сверхжесткий режим. Просто прекратилось воровство. Просто на завод перестали пускать рабочих в нетрезвом состоянии. Несколько человек уволили — ведь они не давали и другим

С ЕВГЕНИЕМ ШВИДЛЕРОМ И РОМАНОМ АБРАМОВИЧЕМ

НА «КУБЕ КРЕМЛЯ» С ЕВГЕНИЕМ КАФЕЛЬНИКОВЫМ

С НЕИЗВЕСТНЫМ

Ю. СЕДЫХОВ / АРТУРА

Ю. СЕДЫХОВ / АРТУРА

Ю. СЕДЫХОВ / АРТУРА

нормально работать. И все. Через некоторое время дисциплина на заводе стала совсем другой. Я очень хорошо помню собрание акционеров на Ачинском глиноземном заводе, одном из крупнейших в России. Это было очень агрессивное собрание. Другая часть акционеров, которая нам, так скажем, не симпатизировала, нас просто заблокировала. Там были крайне возбужденные люди, ими руководили такие решительные ребята, как Быков, Татарин. Интересно, что милиция в тот момент их поддерживала. На обратной дороге в Хакасию мы случайно изменили маршрут. А через несколько лет, совершенно случайно, я узнал, что нас ждали с гранатометами на одной из дорог. Меня поразило, я помню, полное на тот момент отсутствие власти в Сибири. Кстати, до сих пор в некоторых городках власть принадлежит криминальному элементу, они там держат своих маров.

— Олег, вы мне все-таки скажите, где вы в двадцать шесть лет научились принимать такие решения?

— Трудно ответить. Может быть, в армии научился.

— Когда вы пришли на завод, вы уже знали, что уедете отсюда через год, два, три? Или не знали?

— А я и не уехал. То, что я сейчас физически там не живу постоянно, вовсе не значит, что я не руковожу заводом. Просто дела у нас пошли хорошо. А ваши конкуренты не поняли ситуацию на рынке и проиграли.

Алюминиевая отрасль была очень конфликтной. Часть акционеров «Трансюрл групп» решила выйти из бизнеса и продать свои акции нескольким акционерам «Сибнефти». Поначалу я выступал на «обиженной» стороне. Мне казалось, что из-за чьей-то недобросовестности рушится дело всей моей жизни. Начался очень трудный переговорный процесс. Принципиально новым в этой ситуации было то, что переговоры вели люди, даже не знакомые друг с другом. Обычно в российском бизнесе дела ведут люди, хорошо друг друга знающие. Мы же друг о друге знали лишь из газет — и можете себе представить, что это была за информация. Пресса раздувала ажиотаж, все ожидали, что начнется очередной этап «алюминиевых войн».

Но мы быстро сумели оценить выгоду сделки. Это было слияние не личностей, а ресурсов и капиталов — классическая сделка, как из учебника: когда один плюс один действительно дают два. Результатом слияния стало то, что алюминиевая отрасль за считанные месяцы из некоторого хаоса перешла в нормальную рыночную ситуацию. Есть несколько крупных корпораций, есть нормальная конкуренция и борьба за мировые рынки. То, к чему нефтяная отрасль шла пять лет, производители алюминия пришли за полгода. Сегодня наша компания — третья в мире по производству алюминия. Мы боремся за новые сырьевые рынки по всему миру, например в Африке.

— Кстати, как там, в Африке?

— Недавно там был, и знаете, что меня поразило? В одном административном центре, очень сильно напоминающем нашу деревню, встретил выпускника МВТУ имени Баумана. Инженер. Неплохо говорит по-русски. Мы ведь очень много давали Африке в советское время.

Причем почти бесплатно. Теперь настала пора наладить двусторонний процесс: мы им, они нам. Вообще потрясающее ощущение — дикое, первозданное пространство. Нужно быть осторожным, чтобы в лесу не попасть в чьи-нибудь объятия. В такие... зубастые.

В офисе на Котельнической набережной, где мы встречались во второй раз, нет таблички «Сибирский алюминий». От его кабинета вас отделяют два довольно скромных неброских коридора и две негромко защекивающие металлические двери. Главный офис компании находится в другом месте, здесь только офис Олега Дерипаски. Когда вы подходите к первой двери, не нужно искать звонок. Негромкий голос вежливо попросит: «Представьтесь, пожалуйста!». «Мы из журнала «Огонек»! Мы к Олегу Владимировичу!» — кричу я. Вхожу в кабинет. Феклистов сразу к делу: а может, выйдем в коридор? Вы там пройдитесь, как будто приехали на работу... Еще лучше к машине выйти. Открываете дверь, выходите... «Если я все это начну делать, мне кажется, мои сотрудники с ума сойдут», — доверчиво говорит Дерипаска. Доверчивый тон вводит нас в заблуждение. «Ну пожалуйста!» — просит настырный Феклистов. «Я против», — тихо говорит Олег. Феклистов почему-то начинает так волноваться, что даже забывает сначала вставить пленку в аппарат. Чего волноваться? Просто у человека всего десять минут...

И в этот момент я вдруг понял: в сущности, вот это и есть его секрет. Секрет прост, как вода, — он всегда говорит и поступает серьезно. Потому что он не «олигарх» (категорически вычеркнул это слово из текста, мотивируя так: «мы у власти никогда ничего не брали, все заработали сами»), а капитан производства. Я не в силах оценить его менеджерские решения. Но то, что он именно менеджер, видно с первого взгляда. Надеюсь, и вы попытаетесь посмотреть на него именно с этой точки зрения.

— Чем вы еще будете заниматься в жизни?

— Если можно, я быстро пробежусь по вашим вопросам (Читает заранее заготовленные вопросы.) «Когда исчезнет недоверие к богатым?» — Когда страна станет богаче, естественно (смеется). Кстати, сейчас начинается такой интересный процесс в обществе. При оценке человека на первый план выходят, так сказать, его базовые характеристики: ум, расчетливость, умение анализировать и считать, образование, квалификация. Сейчас они снова приобретают ценность. Происходит настоящая менеджерская революция.

— А в чем она состоит?

— К ним будет власть переходить в обществе. Причем во всех областях: в экономической сфере, социальной, просто властной, то есть политической, в культурной. Власть будет переходить к профессионалам. Власть будет переходить к ним от тех, у кого она задержалась на период трансформации. Именно успех или неуспех этой менеджерской революции многое определит. Еще несколько лет назад этого не было. Был такой исторический этап, когда люди

мгновенно взлетали вверх. Мгновенно, понимаете? Отсюда идут многие наши беды. Тот, кто должен на тракторе ездить, стал старшим агрономом, потом получил совхоз. Старший дворник становился префектом. Потом мэром. И так далее. Люди просто забыли, где предел их компетенции. Сейчас это возвращается. Вот и все.

— Да, был переходный период. Но это же неизбежно...

— Ну, как вам объяснить. Ну, вы никогда не сидите писать, скажем, «Войну и мир»? Это же глупо?

— Конкретно «Войну и мир» нет. Но что-нибудь в этом духе...

— Ну, может быть, я привел неудачный пример. Речь же о другом. Во многих очень крупных компаниях в России сложилась такая ситуация: если бы управляющие ими менеджеры, как мы говорим, топ-менеджеры, ими бы не управляли, для них было бы лучше. Я и сам пытаюсь уходить из сферы оперативного управления. Хотя мне тридцать два года. Я чувствую предел компетенции. Ну, грубо говоря, мой шофер не может стать пилотом «Формулы-1».

— Но где же эти критерии? В чем они?

— В видеосъемке есть такой спецэффект: одна картинка быстро сменяет другую, получается все размыто и очень красиво. Вот и у нас в обществе сейчас все очень красиво, но размыто: забыты устои, забыты иерархии. Люди забыли о пределах своей компетенции. То есть они должны осознать: тот рыбок, который они совершили за эти годы (кто-то в должности, кто-то в полномочиях по службе, в управлении, в войсках, в милиции), этот рыбок не означает автоматический прогресс в их компетенции. У нас когда-то была очень маленькая компания. Сейчас мы получили в управление ресурсы, которые больше в тысячи, в миллионы раз. И я чувствую предел своей компетенции. Нужны профессионалы, эксперты. Нужна передача полномочий.

— И где вы их берете, этих экспертов?

— Ищу по всей стране. Самая тяжелая проблема — люди. Люди, имеющие экспертные знания, и люди, которые в состоянии воспользоваться полномочиями, им предоставленными. То есть ответственность. У меня есть ответственность: когда я решаю задачу, я могу несколько суток не спать, для меня нет ни расстояний, ни времени. Откровенно говоря, мало таких людей.

— Да, но эксперты — это ведь люди, как правило, возрастные.

— Заблуждение. Посмотрите вокруг: в двадцать пять, в двадцать шесть лет можно стать кандидатом наук, в тридцать — генералом...

— Это нормально?

— Конечно.

— У вас есть друзья?

— Есть. И школьные, и институтские. Мы играем в футбол раз в неделю. Ездим по стране. То есть мы по-прежнему рядом. Мы не теряем друг друга. Я уже говорил об этом.

— Маму часто видите?

— Последние пятнадцать лет видел нечасто. Но два последних года мы живем вместе.

— У вас есть увлечения, хобби?

— Понимаете, я потребитель информации. Люблю потреблять ее в концентрированном

виде. Интернет дает огромные возможности, в частности, хотя книг не заменяет.

— Тогда так ваши последние информационные увлечения?

— Африка. В последнее время автомобилестроение.

— И что же вы там открыли, в автомобилестроении?

— А то же самое: наш главный и единственный ресурс — это люди. Их образовательный потенциал, их навыки, компетенция. Из поколения в поколение передается философия производства. Вот вы, например, знаете анекдот про японцев, которые говорят: «Нам у вас нравятся только дети, потому что все остальное вы делаете руками»? Знаете. А вы знаете, что у японцев нет авиастроения? Хотя они пытались его запустить, и ракету пытались сделать, но она у них падает... почему? Нет традиции, нет философии производства. А у нас, как ни странно, есть. Хотя у нас порой допотопная, с точки зрения японцев, технология производства, устаревшее оборудование. Но мы можем строить самолеты и ракеты! В отличие от японцев... Тем не менее, гражданское авиастроение остановлено, некуда продавать самолеты. Некому. В стране летает в три раза больше старых самолетов, чем нужно по масштабу авиационного перевозчика. Может, через несколько лет что-то изменится, когда люди снова начнут летать, и в гораздо больших масштабах. Но сейчас оно встало намертво. Обидно. А вот автомобилестроение можно спасти. Есть сегмент рынка: мини-грузовики, «Газели», где действительно огромная перспектива, есть спрос, есть рынок: СНГ, Африка, Азия. Туда мы можем поставлять продукцию, и много больше, чем сейчас. У нас очередь на «Газели» три месяца. А «Волги» стоят за воротами в полуразобранном виде. Для того чтобы поставить их на новую современную платформу, разработать ее и внедрить, нужно несколько миллиардов долларов. Нет сейчас таких денег. А завод должен получать реальную прибыль, люди должны иметь реальную зарплату...

Мне было очень интересно. Но я выключил диктофон. Выключил, потому что это была уже другая беседа. И другой Олег Дерипаска, об автомобилестроении он мог говорить бесконечно, наверное часами...

Меня продолжали мучить сомнения, когда я попрощался, сел в его служебный «мерс» и полетел по пустой, промозглой, темной Москве. Почему я не спросил его: а вот говорят, что вы?... Интересно, о чем бы спросили его люди, поднатравившие в хитросплетениях политики, в иерархии олигархов, в шаровских штучках и в собирании слухов? Наверное, они бы иначе распорядились этой возможностью. Они бы допросили Олега по всей строгости наших журналистских законов.

Впрочем, возможен и другой вариант.

Или просто не о чем было бы его спросить. Живого, настоящего Олега Дерипаску. Физика с кубанского хутора. Менеджера нашей промышленности в тридцать два года. Человека, который все еще чувствует предел своей компетенции.

Про Шойгу говорят и пишут разное — особенно с тех пор, как он, в очередной раз мобилизованный и призванный спасать, выручил власть, возглавив «Медведя». До этого наш самый успешный (и чуть ли не самый необходимый) член Кабинета министров в политике не светился. После «Единства» на Шойгу много чего вылилось, и не мое дело его осуждать или оправдывать. Я считаю, что он поступил тогда единственно возможным образом. Мне могут не нравиться те или иные его взгляды, те или иные люди, с которыми он дружит, — но я не могу не признать одного: ровно десять лет назад, в 1990 году, еще при СССР, Шойгу создал самое успешное и самое полезное государственное подразделение во всей постсоветской истории. Последние десять лет можно представить без множества проходных персонажей, которые мелькнули — и нету. Но без него — нельзя никоим образом. Пожалуй, у нас и нет никаких завоеваний за эти десять лет, кроме вечно упоминаемой свободы слова и создания института спасателей. Но если свобода слова, наряду со всеми своими прелестями, стала знаменита и разрушительными последствиями, и массой спекуляций на ней — про МЧС этого не скажешь. По крайней мере пока. А что поливают его в той или иной прессе — это даже и к лучшему: гарантирует от культа личности.

Дмитрий БЫКОВ
Владимир СМОЛЯКОВ (фото)

Шойгу только что прилетел из Приморья и трое суток спустя в качестве председателя российско-кубинской межправительственной комиссии вылетел на Кубу. В самолете на Гавану я его и поймал. Привыкнув делать как минимум два дела одновременно, общение он совмещал с едой.

— Вообще мне стыдно. Поестъ я вам не дам, наверное.

— Ничего, ничего. Вы задавайте длинные вопросы, делайте паузы, как бы в раздумье. За это время я успею отрезать и прожевать кусок. Любой процесс надо научно организовать, верно?

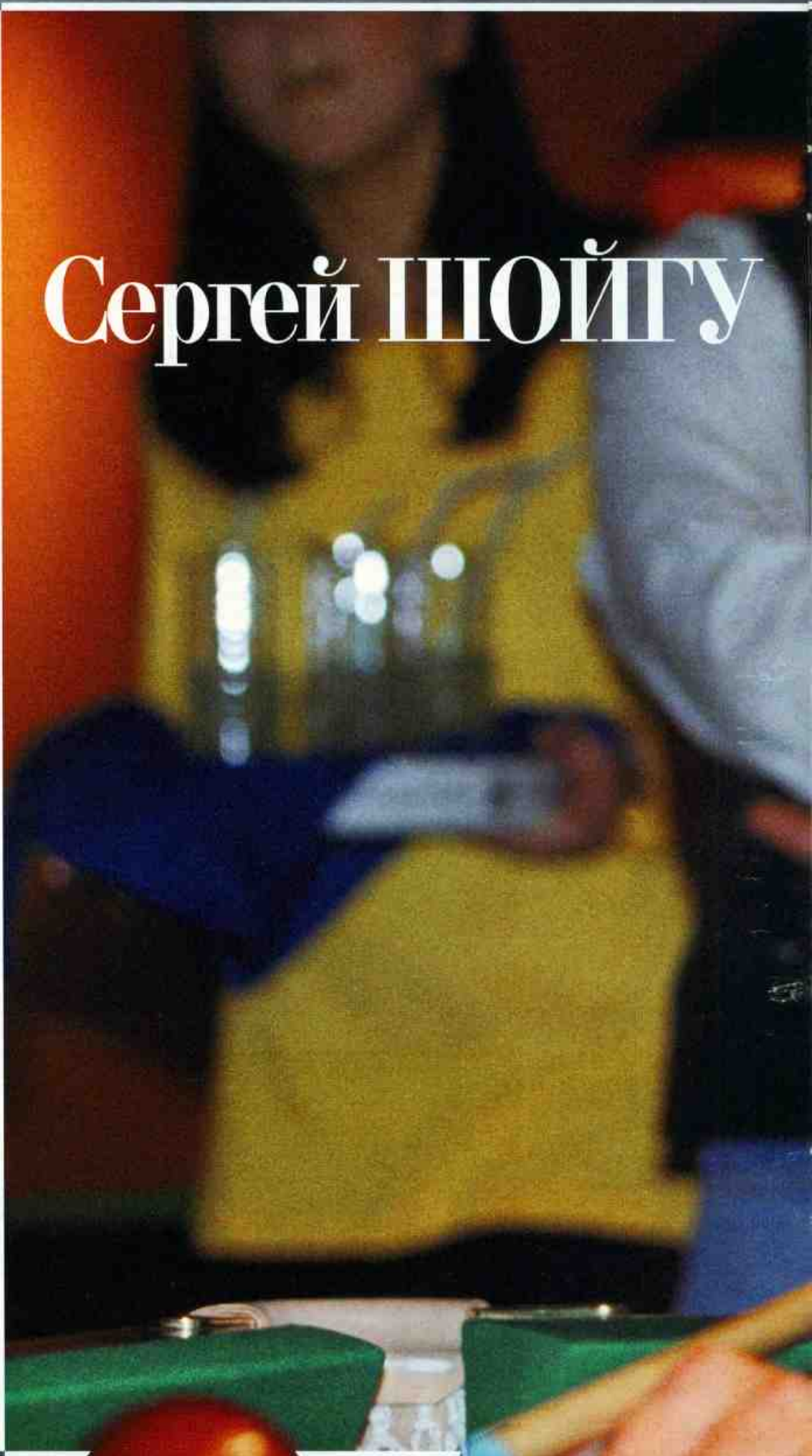
— Отлично. Задаю длинный вопрос. Сергей Кужугетович, вам не кажется, что спасатель сделался в России такой универсальной фигурой, всеобщей вырубалочкой? Что его уже вызывают кошку с крыши снимать? Что скоро ребенок, сидя один дома, будет ему звонить, чтобы он приехал и попу вытер?

— Нет, так далеко не зайдет. Но вообще, конечно, как любое работающее подразделение, мы востребованы больше неработающих или работающих плохо. Вызывая спасателя, вы можете быть почти уверены, что он придет быстро, безотказно, иногда быстрее «скорой» или милиции — или по телефону хотя бы даст совет, который вам поможет продержаться. Кроме того, что считать чрезвычайной ситуацией? Законодательство строгого определения не дает. Для одного вся жизнь является ЧС, для другого и смерть не является. Но что касается кошки — по-моему, это ЧС в чистом виде, это наша епархия. Хотя бы потому, что больше никто не будет ею заниматься, а для ребенка, может, мир из-за нее мог рухнуть. Я бы дорого дал, чтобы мы окончательно перешли на кошек.

— Хорошо. В Приморье сейчас была ЧС?

— Месяц назад еще не было. Но когда в течение месяца телевидение каждый день говорит о том, что там люди сидят без тепла и могут оказаться без света, когда это становится темой дня и рассматривается в Госдуме — да, это превращается в национальную катастрофу,

Сергей ШОЙГУ

*«Я не боюсь ничего,
кроме позора.
И пылесосов»*

потому что у телезрителя формируется представление о том, что страна не в состоянии решить элементарный, в сущности, вопрос. Тогда туда обязан ехать либо премьер, либо член правительства. В сознании любого россиянина присутствует карта страны, он ее чувствует, если долго здесь живет. Он может двадцать раз себя убедить, что она ему совершенно безразлична, страна эта, что он давно сам по себе, но в голове у него она все равно мигает. И вот на этой карте образуется нарыв, осязаемый почти физически: это ЧС или нет?

Но я вам честно скажу: там тепло вовсе не является главной проблемой. Там их целый комплекс, хотя по природным условиям это вовсе не такой жуткий регион, как Чукотка, скажем. Там вполне можно жить. Но, во-первых, нет никакого прироста населения, оно не обновляется, люди не ездят туда. Они там все пожилые. Мне бабушка одна сказала ужасную вещь: не знаем, говорит, будет ли кому похоронить нас. Потом много больных, заболеваний все больше легочные, потому что все бывшие шахтеры, угольная пыль въедается. И работы, конечно, никакой нет. Вы можете себе представить город, в котором градообразующим предприятием является школа? Или больница?

— А что, больше ничего не работает?

— Ничего. Так что с теплом — это ладно, это мы, считай, решили. Но вообще это была из самых тяжелых моих поездок. Виноват ты или не виноват, но в глаза этим людям смотреть трудно, хотя бы потому, что ты относительно молодой и здоровый.

— Насчет «молодой». Вам сколько сейчас?

— Сорок пять.

— И сколько часов сна вам нужно в сутки?

— О, это так зависит от ситуации. В принципе, чтобы функционировать кое-как, мне достаточно трех. Когда я на хорошем взводе, могу не спать несколько суток, в Нефтегорске не спал пятеро. Но тут у меня как раз довольно буржуазные взгляды: чтобы хорошо работать, надо хорошо жить. Надо высыпаться, горячую еду получать как минимум дважды в день, курить что-нибудь приличное. Энтузиазм — это могучая, конечно, вещь, но пять часов сна — это норма.

— Сколько часов в месяц вы проводите в самолете?

— Месяц на месяц не приходится. В год набегает часов шестнадцать, стало быть, в месяц — пятьдесят.

— Семья не ропщет?

— Нет. На семью остается как минимум не меньше. И потом, они привычные у меня. Мы с женой и старшей дочкой десять лет кочевали по Сибири, по стройкам, в условиях, приближенных к боевым. Никто не ныл.

— А знакомство с женой помните?

— Ничего особенно романтического, мы с первого курса в одной группе учились. На строительном факультете Красноярского политеха. Очень, кстати, хороший институт. А на пятом курсе поженились, это давно было решено.

— У вас между дочерьми порядочная разница — лет пятнадцать, по-моему.

— Так и есть.

— Показатель прочного брака.

— Тоже верно.

— Так вот: большая это разница — воспитывать ребенка тогда и теперь?

— Небо и земля. Во-первых, старшая у нас сменила раз, два, три. пять школ. Последнюю в Москве оканчивала, причем квартиры у нас еще не было. Я же в Москве первые два года квартиры не имел, знаете? Дали госдачу, я по дороге на работу дочку в школу завозил с утра. Младшей сейчас десять, она как учится в одном лицее, в Жуковке, так и окончит его, надеюсь.

— Что-нибудь ужасно элитное, надо полагать?

— В общем, нет. Но там программа трудная, я ей даже не во всем могу помочь. Насыщенно очень их учат, моя бы воля — сократил бы. Жалко ее. Но с другой стороны — пусть привыкает. В наше время ведь, знаете, к иностранному языку отношение было самое наплевательское, мы и за учебной старшей в этом смысле особо не следили — все были уверены, что язык никогда не пригодится. Ну, разве что иностранец забредет случайный в Сибирь, так он, если уж до Сибири добрался, поймет без перевода. Потом — история. Я очень рад, что у меня хоть младшая дочь будет учить ее нормально. История на моих глазах кроилась, все мы, когда учились, отлично понимали меру вранья. И вранья этого потом, кстати, было не меньше, тоже наблюдался изрядный перекося. Я думаю, что младшая моя дочь будет первым в семье человеком, который учит нормальную, а не идеологическую историю страны. Кое-что я и сам ей могу рассказать, на моих глазах это было. И потом, конечно, сейчас у нас получше с жильем, чем тогда.

— Плюс памперсы, слинсеры, киндерсы.

— Да это все не так важно. Был у нас и тогда был налаженный — по советским, конечно, меркам.

— А старшая у вас уже замужем, по-моему?

— Да, совсем взрослая.

— Муж не спасатель?

— Нет, что вы. Предупреждая следующий вопрос, скажу, что он простой совершенно парень, не генеральский и не министерский сынок.

— А что, у вас предубеждение против генеральских детей?

— Предубеждения у меня нет, я не против ничьих детей, но мне нравится, что дочь сделала самостоятельный выбор. Она с этим парнем познакомилась, еще будучи школьницей, причем он из другой какой-то школы. У них очень все долго и серьезно. Он хороший мальчик, по-моему.

— Говорят, у вас заниженное чувство страха и самосохранения — как, кстати, и у Путина было написано в одной характеристике. Когда вы в последний раз сильно боялись?

— Насчет заниженного не знаю, оно у меня запоздалое, это чувство. Я обычно понимаю масштаб опасности, когда она уже миновала. Когда работаешь, то собираешься как-то, ну и некогда трястись. Это, вероятно, оттого, что я больше всего на свете боюсь позора. Стыд сильнее страха, я же сам себя изведу в случае чего. Ну а в остальном — страх бывает разный. Вот бюджета я очень боялся в последнее время.

— Он так ужасен?

— Он, по счастью, оказался вполне нормален. Но нам деньги нужны, у нас перелетов много и техника сложная. Я не знал, выделяют ли. Потом — завистников я боюсь. Завистник — это, как правило, человек ленивый (неленивый завидовать не будет, поклонит и сделает лучше). Ленивые люди вообще самые пакостливые. И вот он ходит, как такой пылесос, и высасывает все сплетни про тебя, все слухи, все обмолвки и недомолвки. Я в принципе ничего не имею против такого коллекционирования, но он ведь эту коллекцию несет в прессу. И поди потом докажи — а я, кстати, доказывать не люблю, оправдываться тоже. Если ругают за дело — ради бога, но вот это высасывание того, чего и не было. А не завидовать нам, к сожалению, не могут. Мы свое дело поставили хорошо. Хотя самый популярный тост в спасательской среде: «За то, чтобы мы остались без работы».

— Как вы держите форму?

— Ну, конный спорт... это естественно, в Туве каждый мальчишка — немного наездник. Плавание. Стрельба. Себя хвалить нельзя, но стрелять я могу. Футбол, конечно.

— Под тринадцатым номером.

— Ага.

— Вы нарочно себе в команде этот номер взяли? Чтобы доказать, что не суеверны?

— Ну что вы. Спасатели очень суеверны. Без этого у нас не бывает. Просто достался такой номер, я не стал отказываться.

— А какие суеверия существуют в МЧС?

— Из суеверия не расскажу.

— Да ладно!

— Ну, только некоторые, самые невинные. Нельзя фотографироваться перед вылетом. Ни на самолетном трапе, ни у «вертушки». По прилете — пожалуйста, сколько угодно. Ничего нельзя пришивать в дороге. Черная кошка, конечно, — я помню, однажды перед аэропортом она нам дорогу перебежала, так долго стояли, решали, что делать. Наконец вышел один, который с нами не летел, провожать поехал, — задом наперед, как положено, прошел, и только за ним тронулся автобус.

И еще одна примета есть, неприятного свойства. Как только я или первый заместитель мой, Юра Воробьев, куда-нибудь улетим из страны — причем, по закону подлости, не на ЧС, а в плановую командировку, — тут же что-нибудь случается. Так что я и сейчас не вполне спокоен.

— По идее, вам не надо выезжать из страны.

— По идее, нам надо бы создать такую систему, чтобы она работала без министра или при любом министре. Хотя нет, конечно, не при любом. Аппаратчик на этом посту не может работать, человек без лица — не может.

— А тиран?

— А тираном обязательно надо быть, если ты руководишь таким делом.

— И орать надо?

— Орут истерики, тираны взглядом действуют.

— Десять лет назад вы придумали МЧС — тогда еще Комитет по чрезвычайным ситуациям. Аналоги в мире были?

— Конечно. В Италии, Германии, Штатах. Правда, как мы понимаем теперь, все это были только разрозненные части той структуры, которую создали в России. Наши спасатели во всем мире считаются лучшими. И самыми рискованными, кстати. Куда не ползет немец или американец — лезет наш.

— Что, жизнь не дорога? Или так школите?

— Менталитет другой. Почему вся Европа не остановила Гитлера, а Россия остановила?

— Ну, фактор пространства тоже надо учитывать.

— Пространство вполне сопоставимое, он дальше европейской части не продвинулся. Но вот мы его застопорили, а другие — нет. Вероятно, наши в какой-то момент входят в такой раж, что страх смерти сам собой пропадает. Ресурс у нас колоссальный, мы и не знаем о нем, а он есть. Никуда не делся. Все при нас, как в сорок пятом: не дай бог только, чтобы востребовалось.

— Лучшие солдаты, слышал я, получались из бухгалтеров. Из кого получают лучшие спасатели?

— Из ученых.

— А откуда вы ученых-то берете? За длинным рублем к вам идут, отчаявшись заработать в науке? Этак скоро у вас вся бюджетная сфера начнет трудиться.

— Спасатель — как правило, вторая профессия. Правда, сейчас мы выпустили первых ребят из своей академии, но и туда в основном идут люди, что-то уже умеющие. Раньше главное в спасателе было — рискость, азарт, сила физическая. Сегодня наша работа — на девяносто процентов дело техники, она у нас уникальная. Спасателю нужна прежде всего хорошая голова. Кроме того, ученые — люди с крепкими нервами и хорошей дисциплиной. На второе место я поставил бы военных, на третье — строителей.

— А в составе Кабинета министров, интересно, есть люди с подходящими данными?

— Ну, в некотором смысле они и так этим занимаются. Но для работы в завалах или при наводнениях я взялся бы подготовить большинство, люди вполне надежные.

— У вас остается время на развлечения?

— Это что понимать под развлечениями... Я читаю книжки и смотрю фильмы. Вот сейчас посмотрел «Последнего императора», раньше все не успевал.

— Какие у вас воспоминания о Советском Союзе? Подожгите, я распространю вопрос, а то вы совсем без обеда будете. Одни говорят, что это была стальная империя, другие — что царство маразма. Что помните вы?

— То есть вас интересует, скажу я Советскому Союзу скорее «да» или скорее «нет»? Скорее «да». Это было очень мощное явление в истории, небывалое. В том числе и по сочетанию действительно грандиозного маразма с действительно грандиозным потенциалом во всех сферах. Интеллектуальной, культурной, спортивной. Нравственной, если хотите. Ведь эта страна сформировала и меня, и мое поколение, а я на него не жалею. Я счастлив, что застал эту страну, видел ее трагический упадок, видел ее мучительные попытки обновиться... Вне ее меня бы не было.

— А как же с министерским постом, с генеральским званием? Неужели вы могли бы состояться и в СССР?

— Обязательно. Я считаю, что и состоялся. К тридцати трем годам я руководил трестом. Это очень неплохо для того возраста, для того времени... Нет, не скажу насчет министра, но я точно не пропал бы.

— И чрезвычайных ситуаций могло быть меньше...

— Вот в этом не уверен. Они были, были всегда, советский образ жизни предполагал аврал. На его фоне многое теряло экстремальность, делалось нормой. Это сегодняшний человек уверен, что сломавшаяся дверь — чрезвычайная ситуация. Впрочем, по-своему он прав.

— Вот вы летите на Кубу. Это не первый ваш визит туда?

— Не первый, конечно. Я полюбил ее очень. Народ веселый, тепло, влажно, тропиками пахнет — я жару люблю, мне нравится, что там фрукты, птицы...

— А Фидель?

— Фидель очень интересный. Умный очень.

— И упертый, вероятно.

— Это совсем не то слово. Как бы вам сказать... Он человек идейный, конечно, и это своего рода мессианство, вера в свой путь. Это красивее, благороднее, чем цинизм и отсутствие любых идей. И потом, не забывайте, что веру эту очень подпитывал Советский Союз. Знаете, мы имеем право давать оценку событиям, случившимся на наших глазах. В девяностом я был уже взрослый, сложившийся человек. И я видел, что мы плохо поступили тогда, некрасиво.

— С Кубой?

— Не только с Кубой, с социалгерем в целом. С тем же Хонеккером, например. Мы были виноваты ровно в той же степени, что и все эти люди. Предательство есть предательство. Ну, нехорошо это было. С Кубой еще обошлось, ее мы просто бросили. Только теперь снова шлем туда технику, людей, активизировалось сотрудничество — до этого, конечно, там очень было тяжело.

— Это не означает... смены приоритетов, скажем так?

— Нет, конечно. Это означает равное и честное сотрудничество со всеми и помощь тем, кто в ней нуждается.

— Ну, ладно. Спасибо вам. Самолет садится — так вы и будете теперь без обеда.

— Да ладно вам с этим обедом! Это не чрезвычайная ситуация. Чрезвычайная — это когда очень хочется есть, а нечего.

— Вам это состояние знакомо?

— Еще как. Правда, при нем лучше думается. Так что мы, можно сказать, оптимизировали процесс.

На деревню Путину Владимиру Владимировичу

Была с детства у Вовки мечта. Хотел он стать конюхом. Чтобы повозиться с лошадками, Вовка даже сбежал из школы «В деда пошел, — говорили про Вовку. — Он тоже коней любил». А Вовкин отец любил с детства сельскохозяйственную технику. После школы остался в родном колхозе трактористом. Как и положено, женился. Как и положено, пошли дети.

Первый сын родился в ту пору, когда в народном сознании еще не утасла надежда на социалистическую справедливость и порядок. Назвали сына Юрием. Не то чтобы в честь Андропова, но все же Юрий Владимирович. И как назвать второго сына, тоже недолго думали. Про Горбачева когда еще начнут сочинять частушки, а пока что имя Михаил звучало приятно. Опять же в родне Михаилы были.

Когда родился третий сын, вдруг боязно стало — называешь детей именами великих современников, а современники или сразу помирают, или потом не радуют. И назвали Володей. Нет, не в честь Ильича (упаси Боже) — в честь родителя Вовкиного, который в такие непутевые времена умудрился сделать троих замечательных пацанов. И получился Владимир Владимирович Путин — потому что в деревне Сагутьево Трубчевского района Брянской области почти все Путины. Раньше их тут многие тысячи были. Но за околицей Сагутьева начинается Украина, до Чернобыля сто километров, и народ из деревни побежал. Остались самые стойкие: старики и дети. Стариков больше: практически половина из 570 жителей — пенсионеры. И тут под Новый, 2000 год подарок — новый президент. И уж совпало так совпало — и по фамилии, и по имени, и по отчеству.

Уже с утра вся деревня Вовку иначе как президентом не называла. Над отцом не подшучивали — отчеством не вышел. И над остальными Путиными, коих в деревне с избытком, тоже. Стал Вовка первый парень на деревне.

Терпел он это издевательство недолго. Решил своему знаменитому полному тезке письмо написать. Чтобы знал: живет в России по крайней мере еще один Путин В.В., у которого тоже много разных проблем и одна большая мечта: стать конюхом. На конверте Вовка написал: Москва, Путину В.В. от Путина В.В. из деревни Сагутьево.

Письмо вызвало новый всплеск подначек. Деревня маленькая: на одном краю чихнешь — на другом «будь здоров!» хором кричат. Вот и кричали Вовке: ну да, как же, дождешься ты ответа... про Ваньку Жукова, что ли, не читал?... Посмеиваться над ним перестали так же внезапно, как и начали. Почтальонша обмолвилась в магазине: вручила утром Вовке послание президента. Через пару дней про переписку Путиных журналисты прослышали. Американцы приезжали — два дня снимали для истории.

В общем, слава. Только Вовке от нее ни холодно ни жарко. Вовка надеется, что главный Путин все-таки придет к нему в гости.

— А о чем ты с ним разговаривать будешь?

— Не знаю, — пожимает плечами Вовка, — сначала пусть придет.

Правильная постановка вопроса.

Кстати, у Вовки тем временем младший брат появился. Лешкой назвали.

Михаил СОЛОВЬЯНОВ
Фото автора

**Жили-были
в России люди.
Много всяких
людей.
Каждому было
дано имя.
В честь какого-
нибудь святого.
Или дедушки-
бабушки.
На худой конец,
поэта, героя,
полководца...
Так продолжалось
много-много лет,
пока в России
не родился
Борис Юрьевич
ХИГИР.
Который нам
объяснил:
в каждом имени
заключена судьба!
Со всеми отсюда
вытекающими!..
К этому
страшному
человеку
мы пришли
в канун XXI века,
чтобы узнать:
как нас теперь
называть?**

Елена КУДРЯВЦЕВА

САМЫЙ
СИМВОЛИЧНЫЙ
ИЗ СОВРЕМЕННЫХ
ИВАНОВ,
ОХЛОБЫСТИН,
СВОИХ ТРОИХ ДЕТЕЙ
НАЗВАЛ В ДУХЕ
НАШЕГО ТРУДНОГО
ВРЕМЕНИ: АПОИСА,
ЕВДОКИИ, ВАРВАРА

КАК именовать, чтобы стать счастливым?

Ну, вы знаете, как это обычно бывает. Утро, холод, похмелье. Молодой отец, отметивший накануне рождение ребенка, шаркает к роддому. Ему показывают маленький сверток, перевязанный ленточкой, который нужно как-то назвать. Бедный мужчина в эту минут никак не сможет выговорить словосочетание «демиургический акт» и уж тем более осознать, что сам совершил этот акт девять месяцев назад, уподобившись Богу, и теперь предстоит самый творческий момент — имянаречение создания.

В голове бедного папаши вперемешку с алкогольными парами вертится назойливый хоровод из Вани-Тани-Маши-Сани — то есть ничего творческого. Машет молодой отец трясущейся рукой — и называет ребенка в честь бабушки, дедушки, Николая Угодника и певички Земфиры.

Четверть века назад, когда состыковались на орбите «Союз» и «Аполлон», в честь которых были вскоре названы сигареты, сотни папаш и мамаш называли своих чад в честь отважных покорителей космоса. Висс Погорелов и Доналд Кукушкин, ау!

Безответственно, товарищи!

Дикари считали, что имя соотносится с человеком, как тело с тенью, где тень — человек. То есть имя определяет судьбу. Осознав к зрелому возрасту, что имя, данное родителями, несовершенно, зачастую попросту мешает жить, россияне вынуждены платить по одной минимальной зарплате (госпошлина) и собирать кучу бумажек.

А лучше бы не оплошать с самого начала. Мы напросились в гости к самому известному в России специалисту по именам. Люди спрашивают у него совета — как правильно назвать ребенка, как переименовать. Он сочинил про это 30 книжек и пишет еще несколько.

Гений встретил меня в халате и шлепанцах на босу ногу, чем как-то по-человечески смутил. И я никак не могла поспеть за логикой разговора, чем раздражала члена Академии информатизации России.

— Журналисты, когда пишут, не указывают отчества! Как же вы пишете?! — первым делом спросил меня Борис Юрьевич Хигир.

— Привыкли.

— Привыкли... — передразнил Борис Юрьевич Хигир. — Вас почему Леной называли?

— Родителям на спиритическом сеансе духи подсказали, — сказала я, не думая, что это может еще больше рассердить Хигира.

— Все шарлатаны! Колдуны в десятом поколении! Страшные люди! Совсем не знают психологии! Врачи анато-

миво хоть плохо, но знают. Я невропатологов спрашиваю — сколько нервных волокон отходит от центрального нервного столба? Я-то знаю, а они забыли! Их там 31 пара. Все, что звезды говорят — чушь! На человека влияют имя, отчество, время рождения — и все! Если человек невезучий, ничего не поможет. Астрологи разбивают людей по знакам. Говорят, что люди, которые родились в середине августа и в середине сентября, — одинаковые! Чушь! Ты когда родилась?

— В марте.

— В марте! Как же ты могла переползти в апрель?

Я растерялась. Не знаю, как переползла.

— Вот я уже 25 лет изучаю имя, отчество и судьбу. Судьба складывается в утробе, когда имени еще нет, а отчество уже есть. Потому что человек еще в утробе слышит звуки. Я полагаю, что именно звуки воздействуют на наше сознание. Ты тут ничего отрицать не будешь, потому что отрицать нечего.

— Каким же образом звуки воздействуют на судьбу?

— Господи, — возмутился, распахивая халат, Борис Юрьевич. — Да через ушную раковину!

— Ну, а какое воздействие? — я нервничала: табуретка, на которую меня усадил Хигир, была маленькая, я с нее все время сваливалась.

Не знаю, как вы, а я с младенчества слышала монотонное жужжание родственников: «Лена, надень носки, Лена, не сутулься, Лена, не ковыряй вилкой в зубах...» То есть к их замечаниям и предложениям примешивалось мое имя. Естественно, что оно пропитало и развело все уровни моего сознания и подсознания. Древние люди, как и Хигир, были уверены, что судьба человека, города и даже государства предначертана его именем. Само по себе имя нейтрально: когда бы я жила в пустыне, сама себя с упоением называя Леной, мне бы все было пофигу. Характер формирует отношение людей к нашему имени, значит, и к нам.

Имя — эмоциональный раздражитель социума. Одни имена звучат мягко и вызывают у окружающих приятные чувства, а другие, наоборот, неприятные. Существует теория «бессознательных ассоциаций и ощущений». Широко проводились исследования, в ходе которых людей просили ответить на вопрос, с каким цветом у них ассоциируются разные имена. Оказалось, что у преобладающего большинства исследованных имя Татьяна вызывает представление о красном, Елена обычно ассоциируется с голубым. Красный цвет пробуждает состояние тревоги, опасности, голубой — напротив, вызывает чувство успокоения, умиротворенности. По данным уже знакомого нам Хигира, Татьяны в основном натуры властные, упрямые, стараются похо-

дить на мужчин, присваивать их функции. Елены же, наоборот, — и об этом писал еще отец Павел Флоренский — олицетворение мягкости и нежности.

«Звуковая теория имени», к которой с симпатией относится Хигир, утверждает, что имена — это наборы звуков разной высоты и тембра, приводящие в возбуждение разные структуры мозга. Поэтому у ребенка, который в течение всего периода развития тысячекратно слышит «Вася», а не «Коля», происходит тысячекратное возбуждение мозговых структур, связанных с отражением звуков «в» и «с». Звуковая нагрузка на одни мозговые образования у одного ребенка и совершенно другая у другого не может не сказаться на формировании различий в их психике.

Оригинальное подтверждение этой теории нашел харьковский инженер-электрик Владимир Санжаревский. Через каскад усилителей он соединил микрофон с мембраной, на которой был насыпан металлический порошок. После этого в микрофон несколько раз подряд произносилось имя. И выяснилось: одному и тому же имени всегда соответствует строго определенный рисунок на мембране.

Наконец, теория Ф. Величко — семантико-фонетическая. Эта теория мне очень понравилась. Потому что простая. Каждая буква имеет смысловую нагрузку, то есть можно выбирать себе имя на ту букву, которая тебе нравится.

Прочие теории связаны с прямой ассоциацией твоего имени с известными носителями того же имени. Удачно проассоциировал себя мальчик Саша. Саша рос хилым и робким, пока ему не пришлось в голову подражать в буквальном смысле своему небесному покровителю св. князю Александру Невскому. Саша стал усердно молиться, обливаясь холодной водой и заинтересовался военной наукой. И вырос в Александра Васильевича Суворова.

С точки зрения «социальной» теории, имя человека представляет собой сгусток социальной информации о его носителе. Зная лишь имя, мы уже имеем представление о национальности, вероисповедании, основных свойствах характера и темперамента человека. Представления эти приблизительно одинаковы у разных людей, что, в свою очередь, определяет наше отношение к носителю данного имени. Ну а когда тысячи людей встречают человека «по имени», это не может не формировать у разных носителей одного имени схожих черт характера.

Объединяя все эти теории, можно вывести главную на сегодняшний день. Это эмпирическая теория, то есть основанная на опыте. В нашем случае — на опыте Хигира. Хигир за 25 лет обобщил не одну тысячу людей и смог вывести достаточно конкретные представления о каждом име-

СОБЕРИ СЕБЕ ИМЯ

В XXI веке самыми популярными именами станут: Авдей, Боремир, Вилли, Жан, Жорж, Любомил, Ладислав, Марис, Мефодий, Назар, Никифор, Прохор, Серафим, Устин, Харитон, Яромир, Януарий... Но пока у нас есть время выбрать что-нибудь попроще...

А

Б

В

Г

Д

Е

Значения букв, с которых начинаются имена:

желание что-то начать и осуществить, жажда физического и духовного комфорта.

душевный романтизм, постоянство, прочность, пробивные способности.

коммуникабельность, единение с природой. Творческая личность, устремленная в будущее.

стремление к знаниям, ввод в скрытую тайну, умение все понять в неразрывной связи с жизнью, внимание к деталям.

размышление, обдумывание перед началом дела, ориентация на семью, готовность помочь, иногда капризность. Часто — способности экстрасенса.

потребность к самовыражению, обмену идеями, склонность выступать в роли посредника, проницательность благодаря умению входить в мир тайных сил. Возможна болтливость.

Ж

З

И

К

Л

М

содержательный, не всем открываемый внутренний мир, желание как импульс к действию.

круговая оборона «я» от внешнего мира, высокая интуиция, богатое воображение. Человек иногда занимает позицию страуса.

тонкая духовность, чувствительность, доброта, миролюбие. За внешней практичностью скрывается романтическая мягкая натура.

выносливость, происходящая от силы духа, умение хранить секреты, проницательность, жизненное кредо «все или ничего».

тонкое восприятие красоты, артистические (художественные) таланты, стремление поделиться знаниями и ощущениями с партнером. Предупреждение своему владельцу не тратить жизнь впустую, найти свое истинное назначение.

заботливая личность. Одновременно предупреждение владельцу, что он — часть природы и не должен «тянуть одеяло на себя».

Я НЕ ИСТОРИК,
И ЕВРЕЙ.
ЕСЛИ Я БУДУ ЗАНИМАТЬСЯ ИСТОРИЕЙ,
ТО Я ЗАБУДУ.
ЧЕГО РУССКИЕ ЛЮДИ ХОТЯТ

ни. Почему данное имя влияет именно так — неизвестно. Хигир, например, пришел к выводу, что самым распространенным именем среди злостных преступников является Александр (14,8% от общего числа), причем с отчествами (по возрастающей) Ивановичи, Николаевичи и Владимировичи. За Александром следуют Владимировичи, Николаевичи, Алексеевичи, Владимировичи (простите Хигира и меня заодно, господин президент). Замыкает криминальную тройку лидеров Сергей Ивановичи, Николаевичи, Анатольевичи, Владимировичи.

По имени-отчеству-дате рождения Хигир с ходу может выдать характеристику человека. Люди пишут Хигиру мешками. Я видела эти мешки. Люди пишут: у меня беда, ребенок болеет, зовут так-то, как его заново назвать, чтобы не болел?

— Александры, например, все с детства болеют сильно. Респираторные заболевания у них. Эдуарды же этим не болеют. Ну, желудочек у них иногда болит. Игори многие болеют: ухо, горло, нос. Я по своей статистике знаю, что у Игорей за счет этого ослабляется иммунная система. Я не врач, не могу объяснить. Но я наблюдал 25 лет.

— То есть если изменить имя, болезни пройдут?

— Все изменится. Недавно был случай: мы переименовали девушку Саиду. Страшно была несчастлива, хоть и переводчик с английского. Переименовали — и все наладилось. А потому что родители ей дали имя, производное от мужского, пусть и мусульманского. Чего категорически нельзя делать: у девочек складывается мужской характер. Не зря на Руси женщинам, уходящим в монастырь, давали, как правило, мужские имена.

Нельзя круто изменить программу жизненного пути, взяв себе другое имя. Новое имя добавляет к основному какие-то нюансы. Но здесь есть сильный психологический аспект, типа «жизнь начать с нуля». С этим связаны обряды инициации у древних племен, или перемена фамилии при вступлении в брак, или псевдонимы. Был Ульянов, стал Ленин — все: новый человек!

— А когда вы заинтересовались психологией имени?

— С детства в цирке наблюдал. Я там электриком работал. Одной тигрице в цирке поменяли имя, труднопроизносимое, так у нее сразу поменялся характер. Я над этим задумался. И сейчас я занят самым важным делом на Земле. Ведь имена есть на всех континентах. Есть черные, белые, рыжие люди, правильно? И у всех есть имя. За границей, правда, нет отчества. Но ты же сама понимаешь, без отчества — как? Ну, если муж с женой.

— Подождите, почему за границей нет отчества?

— Там культура другая. У нас культура какая — украинская, пошел и продал. Я к примеру говорю. А там другое, там более воспитанные люди, генофонд совсем другой.

СОБЕРИ СЕБЕ ИМЯ

**Не всякому Савелью — веселое похмелье.
У растяпы Дарьи каждый день аварии.
Зародился Никита на волокиту.
Ему про Тараса, а он — про полтора ста.
К милому Сереженьке сами бегут ноженьки.
У всякого Федорки свои отговорки.
Был у меня муж Иван — не приведи Бог и вам.
Алеша — подвяхи калоши.**

Народные мудрости

Н знак протеста, внутренняя сила не принимать все подряд, без разбора, острый критический ум, интерес к здоровью. Усердный работник, но не переносит «мартышкиного труда».

О глубокие чувства, умение обращаться с деньгами. Для полноты реализации, однако, человек должен понять свое предназначение. Присутствие этой буквы в имени показывает, что цель ему предусмотрена и нужно воспользоваться своей богатой интуицией, чтобы выделить ее из суесть существования.

П богатство идеями, сложившиеся устойчивые мнения, забота о своем внешнем виде. Эта буква направляет ум человека к обобщениям, постижению действительности в ее целостности.

Р способность не обманываться видимостью, а вникать в существо; самоуверенность, стремление действовать, храбрость. Увлекаясь, человек способен на глупый риск и иногда слишком догматичен в своих суждениях.

— А как это с отчеством связано?

— Ну, у них заходит и говорят: «Халло, Джон!», или еще как-то. А самое важное — это отчество. Потому что когда человек еще не родился, оно уже есть.

— А почему для русского это важнее, чем для них?

— Боже мой, что ж ты простых вещей понять не можешь! — совсем рассердился Борис Юрьевич. — Потому что культура другая! Русские люди непредсказуемые, сегодня говорят одно, а завтра — все наоборот! Я не историк, я еврей. Если я буду заниматься историей, то я забуду, чего русские люди хотят. Разве можно историю изучать, когда у нас половина сумасшедших?!

Я усидела на табурете, хоть и с трудом. Я почувствовала себя Алисой, беседующей с гусеницей, курящей кальян, или с Мартовским Зайцем:

— А что вы делали после цирка?

— У меня два высших образования. Я окончил Институт физкультуры и факультет психологии Харьковского пединститута. Ведь что такое наша психология? Это философия. Тебе отмечали день рождения?

— И сейчас отмечают.

— Минуточку! Я спрашиваю: отмечали?

— Отмечали.

— Вот, у тебя есть год рождения. То есть пока еще день, а год потом будет, когда на пенсию пойдешь. В цирке рано на пенсию уходят. Или балерины. Там очень тяжелая работа. Это все конкретно. А мы философией занимаемся.

Хигир вздохнул.

— Конечно, про историю я в шутку сказал. Историю надо изучать. Но мне некогда. Я книги пишу, толстые красивые книги. Я занимаюсь конкретизацией человека.

После разговора с Хигиром я простудилась, и у меня образовалось время для занятий историей.

В московских загсах живет предание: был человек, который менял имена каждый раз в связи с новым генсеком. И это нормально, для России в смысле нормально. Потому что в России мода на имена одна из самых ветреных. В глухую языческую пору было модно давать имена природные: Малинка, Иголка, Паук, Рябушка.

Потом родители стали называть младенцев по особым приметам или по обстоятельствам, при которых они появились на свет. Так получили путевку в жизнь Беляй, Чернуха, Лобан, Милый, Неждан, Забава, Пискун. Причем считалось: чем негативнее имя, тем лучше, потому что, кроме официального, было у язычников тайное, настоящее имя. Так наши предки обманывали злых духов.

Все круто переменялось в 988 году. После Крещения Руси имена стали давать по святцам. В честь святого, в день па-

мяти которого ребенок родился или крещен. В церковном календаре некоторые имена встречались очень часто. Например, Иван — 79 раз. Потому и все наши сказки — про Ивана.

В 1917 году появились новые святцы. Первый советский именной календарь рекомендовал такие имена: 7 февраля. Родился писатель-утопист Томас Мор. Предлагаются имена — Томас и Мора.

В 1937 году на экраны вышел фильм «Бесприданница», и на протяжении 15 (!) лет родители называли Ларисами ежегодно не меньше 22 девочек на 1000 новорожденных.

Война возродила интерес ко всему исконно русскому. Родители называли Иванами 92 младенцев из 1000 новорожденных.

50-е годы — время Татьян, обогнавших даже Наташ и Маш. 60-е — неоромантизм. Мальчикам давались простые имена: Александр, Алексей, Андрей. Девочкам — Елена, Ирина, Марина, Наталья, Ольга. Пару лет отмечался значительный всплеск Анжелики и Анжел, связанный с выходом на экраны фильмов с Мишель Мерсье в главной роли. Назревал кризис жанра. Филологи начали выпускать пособия по именам в помощь загсам и родителям. Благодарные россияне за двадцать лет увеличили количество общеупотребительных имен у девочек с 25 до 40, у мальчиков — с 31 до 42.

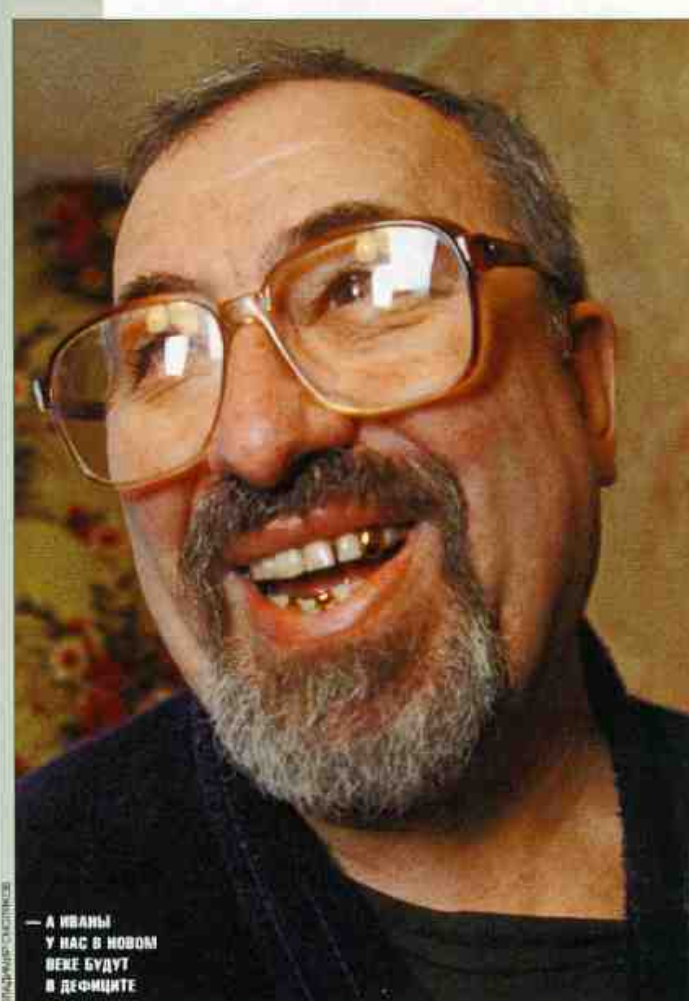
В середине 70-х из роддомов валом повалили Олеси — белорусский уменьшительный вариант имени Александра (как раз тогда про Олесю незнакомыми голосами заливались «Песняры»). В 80-е детей стало модно называть старинными именами, непопулярными в годы советской власти: народилась тьма тьмущая Марф, Евдокий, Василис, Анастасий, Максимов, Денисов, Нивит и Данил.

На исходе века специалисты считают, что у каждого имени есть свой срок жизни. Например, имя Иван уже никогда не станет массовым.

Прежде чем заболеть и в силу образовавшегося свободного времени составить историческую справку, я заинтересовалась у Бориса Юрьевича Хигира, какие же имена войдут в моду в XXI веке:

— Это мои данные. Но они — точные. У меня статистика собрана по всей стране. В следующем веке будут популярны имена, которые могут противостоять алкоголю и наркомании. Люди будут интуитивно бежать от уже затертых имен, связанных с этими бичами нашего века. Мальчиков будут называть Ермаками, Илларионами, Вениаминами, Верославами, Аристархами. А девочек — Владами, Джеммами, Зарами, Иветтами, Иолантами, Ладами, Лолитами, Мирославами и Юннами.

— Боже мой, как же вы собирали свою замечательную статистику?

— А ИВАНЫ
У НАС В НОВОМ
ВЕКЕ БУДУТ
В ДЕФИЦИТЕ

— В начале я один раз сказал по радио, что нельзя давать имена родственникам, так подтверждающие письма ко мне шли месяцами.

— А до передачи откуда вы знали, что нельзя?

— Так я ж этим 25 лет занимался. Когда я работал над книгой «Анатомия криминала», работал в областном суде, мне разрешили. Потом ходил по фирмам, выяснял, кто как работает, ходил по семейным консультациям. Долгое время работал с милицией.

Там психологов нет. Ты про это можешь написать?

— Могу.

— Напиши, Лена, всю правду! Люди должны знать всю правду. Только не пиши, что я сверхчеловек. Не надо. ■

С

здравый смысл, стремление к прочному положению и материальной обеспеченности; в раздражении — властность и капризность. Человеку важно найти свой собственный путь в жизни.

Т

интуитивная, чувствительная, творческая личность, искатель правды, не всегда соразмеряющий желания и возможности. Символ креста — напоминание владельцу, что жизнь не бесконечна и не следует откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, — действовать, используя каждую минуту эффективно.

У

активное воображение, великодушный соперничающий человек, филантроп. Стремится подняться на высший духовный уровень. Одновременно напоминание владельцу не строить утопических планов и помнить, что не всякую правду можно оглашать на каждом перекрестке: в жизни существует непрогнозируемое!

Ф

потребность блистать, быть центром внимания, дружелюбие, оригинальность идей, на первый взгляд сумбурных, но содержащих весьма ценное зерно истины. Удовольствие делать людей счастливыми. Внутренняя противоречивость воззрения — причудливая каша всех философских систем. Способность прикрывать, пустить в дело якобы необходимую ложь с самыми лучшими намерениями.

Х

установка преуспеть в жизни собственными силами, завоевать авторитет, независимую позицию в жизни. Человек чувствителен к тому, что говорят о нем люди. Эта буква в имени напоминает о том, что ее владелец должен вести себя так, чтобы не нарушить ни одного закона морали.

Ц

лидер, не лишенный заносчивости, самомнения, но не способный существовать в одиночестве.

Ч

часть, чувствующая себя неразрывной принадлежностью целого.

Ш

внимательность к жизни, способность по малейшему намеку, шепоту, шороху оценивать ситуацию. Скрамность и умение устраивать свои дела по-тихому. Развитое чувство юмора.

Э

умение видеть подоплеку событий, изнанку людей, хорошее владение языком в устной речи и на письме. Любопытство, иногда чрезмерное, пронырливость. Стремление показать свою принадлежность к «хорошему обществу».

Ю

стремление к истине, идеалы всеобщего равенства и братства, способность к самопожертвованию и одновременно к жестоким поступкам, якобы диктуемым высшими соображениями.

Я

чувство собственного достоинства, желание добиться уважения и любви окружения и способность их получить.

Кирилл ЖУРЕНКОВ, EAST NEWS (фото)

ПРОНИЖ

Самый грандиозный космический проект уходящего тысячелетия срочно подгоняют к упрямо надвигающейся круглой дате. Совсем недавно было официально объявлено, что широкомасштабные работы по созданию VLT (Very Large Telescope), самого большого телескопа в мире, практически завершены

НОВЕНИЕ

Разработка этого уникального проекта-обсерватории началась еще в середине 80-х, но первый из главных телескопов комплекса начал функционировать только в мае 98-го года. А всего сверхсовременный астрономический комплекс, построенный в Сьерра-Парональ учеными Европейской Южной обсерватории на рукотворном плато у подножия Чилийских Анд, состоит из четырех крупных телескопов диаметром 8,2 метра и трех вспомогательных, по 2 метра каждый. Гладкость полировки поверхности зеркал такова, что если их «развернуть» до размеров, скажем, Парижа, то максимальная шероховатость не превысит одного миллиметра. Третий из основных телескопов, весом более 430 тонн, был введен в действие в январе этого года, а недавно с помощью VLT были получены первые космические снимки. Некоторые из этих снимков вы можете увидеть уже сейчас.

Общая стоимость проекта составила 800 миллионов долларов, что примерно равно бюджету какого-нибудь небольшого восточноевропейского государства. В данный момент инженеры доводят оптиче-

скую систему, которая контролируется сложным компьютерным комплексом. Суть ее работы в том, что визуальные данные со всех четырех идентичных телескопов поступают на гигантское «виртуальное зеркало», эквивалентное 16 метрам в диаметре. В сочетании с прекрасными атмосферными условиями данной местности, высотным расположением комплекса, усовершенствованной оптической технологией и размерами телескопов VLT сможет показывать объекты, которые в десять раз меньше и более удалены, чем те, что может «разглядеть» работающий на околоземной орбите знаменитый Хаббл. Причем для молодого конкурента Хаббла не будут иметь значения ни атмосферные явления, влияющие на видимость, ни космические расстояния.

Это чудо техники собираются использовать для изучения планет в других звездных системах. «Теперь это не просто фантастический проект, — говорит генеральный директор комплекса Катрин Цезарски, — теперь это объективная реальность».

Вот так красиво выглядит в максимально безопасном приближении чёрная дыра B68

От Луны
до спиральной
Галактики
NGC1232
лёту
несколько тысяч
световых лет

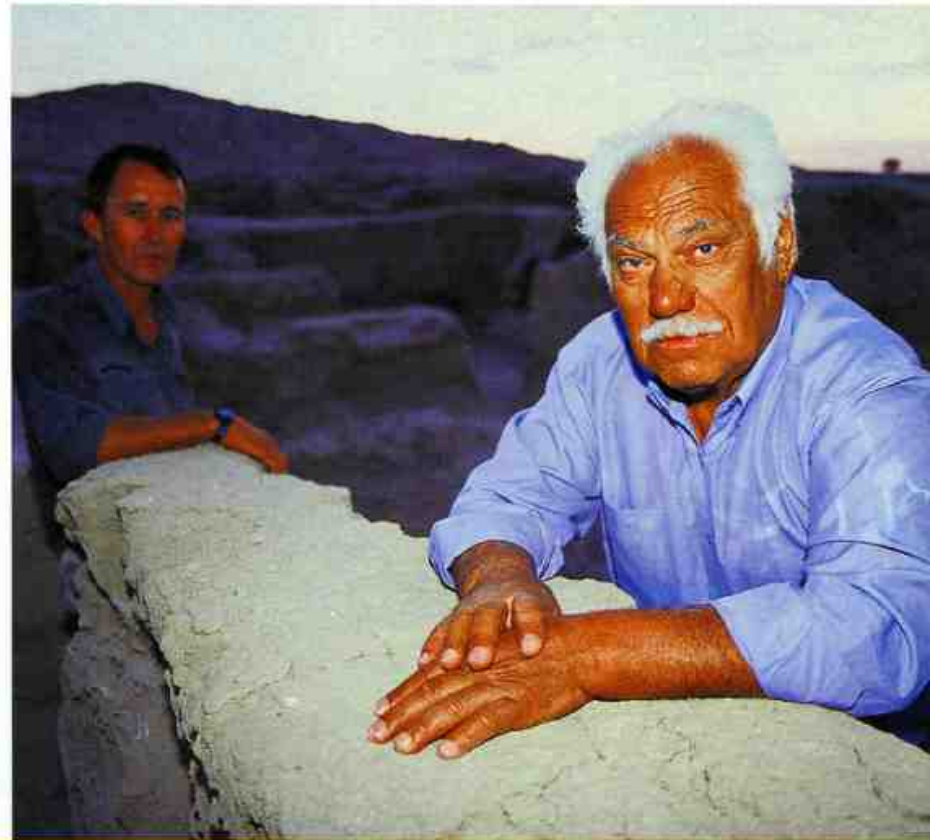
ПЯТЫЙ элемент

мент

...эта мысль, искать родину Заратуштры, появилась в Маргиане, которая действительно была недостающим «пятым элементом» в системе связей древних цивилизаций...

**Юнона КИРИЛЛОВА
Александр ДЖУС (фото)**

Российский археолог Виктор Сарияниди утверждает, что открыл пятую цивилизацию. Когда он делал доклад об истории Маргианы в Лейденском университете, в течение трех часов ему пытались доказать, что открытая им культура — «караван-сарай», и ничего более. Маргиана — это греческая транскрипция древнеперсидского названия этого места: Маргуш, средневекового — Марв и современного — Мары. Это родина Заратуштры.

Одно обстоятельство не позволяет Сарияниди стукнуть кулаком по столу в Евросоюзе и уверенно заявить об открытии пятой цивилизации — невозможность предоставить образцы ее письменности. Амулеты были единственным свидетельством духовной жизни людей, письменность которых не сохранилась. Были найдены только таблички, которые предположительно покрывали воском, и палочки для писания на них.

Искать родину Заратуштры, основателя первой из мировых религий, начали почти сразу же после Второй мировой войны: одна из первых экспедиций в Среднюю Азию отправилась в 1955 году, среди ее участников был Виктор Сарияниди, тогда еще первокурсник кафедры археологии Ташкентского университета. Кто бы ни был Заратуштра, он первый выдвинул идею единого бога, а из нее родились и христианство, и постулат всех естественных наук о единстве материи. И эта мысль родилась в Маргиане, которая действительно была недостающим «пятым элементом» в системе связей древних цивилизаций Шумера и Египта, «учениками» которых были Финикия и Греция, с Востоком — Бактрией и Китаем по Великому шелковому пути и караванными тропами с югом, с древнеиндийской харапской цивилизацией.

— Тогда, еще в первой моей экспедиции, — рассказывает Виктор Сарияниди, — никто и

не думал, что под конец сезона раскопок мы наткнемся на НЕЧТО. И что это нечто в конце концов окажется НОВОЙ мировой ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ! Пятой цивилизацией! Ведь до сих пор были известны лишь четыре, помните — Египет, Месопотамия, Китай и Индия.

Обозначить примерные границы этой Terra Incognita стало возможным лишь после того, как в 1969 году другая советско-афганская экспедиция обнаружила в Северном Афганистане еще один памятник той же культуры, что и в Маргиане.

Итак, территория древней страны уже была известна, а вот описанной и признанной научной общественностью экономики, быта, культуры у нее пока еще не было. Чтобы открыть эту страну по-настоящему, нужно было обнаружить столицу. А ее не было на палео-политических картах, да и раскопки пока мало что дали — обнаружили лишь один региональный центр и один религиозный и два небольших городища.

Собственно исследования как полевые, так и теоретические не прерывались ни между 1955 и 1969 годами, ни позже. Археологам-практикам не очень везло — попадались, хоть и в изобилии, все те же мелкие городища, так что страна Маргиана-Маргуш была открыта сначала в тиши кабинетов.

— Мы уже точно могли предположить, — утверждает Сарияниди, — что политически протогосударство Маргуш было союзом племен, принадлежность к каждому из которых уже практически не зависела от родовых связей, а определялась «пропиской» и экономикой. Ясно, что племена пользовались хозяйственной и правовой автономией, но в любом случае должен же был существовать некий координационный центр — совет старейшин или вождей, хотя бы для отражения набегов внешних врагов: всяких там кочевников-степняков, которых всегда тянуло на благополучные и зажиточные оседлые поселения. Кроме того, именно в эту эпоху бронза начала вытеснять кремль из хозяйственного обихода, но и за кремнем, и за оловом, и за медью нужно было организовывать далекие, многочисленные, а следовательно, хорошо организованные и охраняемые экспедиции в горы. А это, сами понимаете, предполагало по крайней мере военное единоначалие.

При этом вопрос о столице страны оставался все еще открытым.

Ее отыскивали в 1976 году в дельте реки Мургаб, которая начала в массовом порядке заселяться на рубеже III — II тысячелетий до нашей эры. Итак, столица — центр власти, найдена. А там, где власть, там и богатство, власти предрекающие всегда хотят выпендриться — чем-нибудь эдаким украсить себя. Следовательно, в окрестностях столичного комплекса должны быть обнаружены и предметы быта, более утонченные и «окультуренные», чем провинциальные. Они тоже нашлись. Раскопки дали большое количество изящно сделанных украшений из золота и полудрагоценных камней, амулетов, печаток.

Самая последняя находка Сарияниди в апреле этого года — маскарон.

— Это практически точная копия греческих театральных комических и трагических масок, только пяти сантиметров в диаметре. А это означает, что у меня появилось еще одно доказательство — поважнее, чем палочки и таблички для письма. Это дает мне право утверждать, что степень развития маргианской культуры сравнима с высокой античной культурой, то есть маргианцы уже умели отражать полет мысли, свойственный не только западным цивилизациям.

Потрогать эту находку своими руками были приглашены европейские авторитеты. Тут уж профессиональная заинтересованность возобладала над европейским снобизмом, и западные археологи выехали на раскопки. Лучше бы они этого не делали.

— Эти западники привыкли «распаковывать» нетронутые захоронения. Они крутятся около одного места и стремятся найти ценности, а слезить на соседний бархан или покопаться в черепках, что уже на поверхности лежат, не желают. Поэтому и обнаруживают только цацки, а не цивилизации.

Поэтому и не спешат признавать историческое открытие нашего соотечественника, которое способно враз перевернуть все взгляды и на развитие нашей цивилизации. Тем временем Сарияниди по-прежнему ездит в пески и продолжает раскопки за собственные деньги, разыскивая доказательства, которые покажут Евросоюзу достаточными для признания его «пятого элемента».

— Это практически точная копия греческих театральных комических и трагических масок, только пяти сантиметров в диаметре.

А это означает, что у меня появилось еще одно доказательство — поважнее, чем палочки и таблички для письма. Это дает мне право утверждать, что степень развития маргианской культуры сравнима с высокой античной культурой, то есть маргианцы уже умели отражать полет мысли, свойственный не только западным цивилизациям.

Наш

город —

ЭТО НИЖНИЙ

НА ОБЛОЖКЕ
СВОЕЙ ПЛАСТИНКИ
ЮРИЙ ЛЕБЕДЕВ
В ЦЕНТРЕ,
В КОРОТКИХ
ШТАНАХ

Milicia MIX
DJ "Бургер"
МС - Абышев С.В.

Disco MIX
DJ "Топчий"
МС - Лебедев К.И.

Remix "Unreal MIX"
DJ "Джей"
arranged by М. Кутюлов
vocals by Димитра и Лебедев К.И.

Dream-trance MIX
DJ "Джей"
МС - Марков С.В.

Drum'n'bass MIX
DJ "Капчи"
МС - Разумовский А.В.

UK-garage MIX
DJ "Джей"
МС - Сулима О.Ю.

Валерий ЧУМАКОВ
Александр БАСАЛАЕВ (фото)

Мэр Нижнего Новгорода
Юрий Исакович Лебедев
вместе со своими
четырьмя замами записал
пластинку в стиле рэп.
И возглавил
попечительский совет
Театра комедии

— Юрий Исакович, как вы, человек взрослый, солидный, облеченный властью, дошли до того, что запели рэп?

— Дело было так. В один из выходных мы с семьями моих заместителей купались на Волге, и пришла нам тогда идея: «Давайте одному какому-нибудь конкретному ребенку поможем не как руководители города, а просто как люди». Придумали сделать то, чего мэр с заместителями нигде больше точно делать не будут — диск записать. Хорошую музыку подобрали, оттянулись, когда записывали. Скинулись и записали тысячу дисков. И выручили пятьдесят тысяч рублей. Получилось, что и нижегородцы к нашей акции присоединились. А зовут этого конкретного человека, которому мы помогали, Всеволод, Сева. Четыре года парню, у него онкологическая болезнь. Мама у него — врач, отец — мелкий предприниматель. И мы не просто деньги дали, а купили лекарства, какие нужно было, и принесли.

Парень теперь выздоравливает. И мне очень приятно, что я вложил в это дело душу, труд — как человек. Может, только эмблема на диске была мэра города, но во-

обще все это мы делали после работы. И записывали и продавали.

— Хорошо диск разошелся?

— Да просто влет ушел. У меня дочь младшая в Шахуньи живет, они там давно уже написали новую музыку к песне «Сормовская лирическая», это такой неофициальный гимн Нижнего Новгорода. Мне не понравилось, а дочь говорит: «Папа, что ты, мы просто под нее тащимся!» Оказывается, это в стиле модной сейчас «эйсид-музыки». Вот мы ее записали на диск, она на нем — последняя песня. Я, когда в первый раз услышал, говорю: «Ребята, ну это надо выбросить. Это просто безобразие какое-то». А выяснилось, что это во-все и не безобразие, а самый хит. А вначале там музыка такая, очень живая, танцевальная, ритмичная. В основном рэп.

— Рэп в исполнении глав городской администрации? Круто. Ищите подход к молодежи? Наркомании беспокоит?

— Угадали. Мне кажется, мы боремся уже не с причиной, а со следствием. Начинаем ловить тех, кто употребляет, а это малоэффективно. Нужно смотреть глубже: почему мо-

лодая девушка, молодой парень приходят к наркотикам? А потому, что заняться им больше нечем. У нас в городе своя линия: мы занимаемся обустройством дворовых территорий, больше сотни отделали за два года, причем не только асфальтируем территорию дворов, ставим лавочки, детские площадки, но и создаем дворовые спортивные команды, клубы по интересам, финансируем их. Строим спортивные сооружения, точнее возрождаем их. Построили в прошлом году «Стадион пионеров» в Автозаводском районе, а в нынешнем возродили стадион «Искра». Точнее, заново построили, там целый комплекс: хоккейная площадка, баскетбольная, волейбольная, футбольное поле. Опять же в прошлом году мы построили один из самых крупных в России дворцов спорта. И не только стадионы строим — театры, кинотеатры тоже. Вы в кинотеатре были? В «Октябре»?

— Знаете, я в последний раз в кино был, если не считать, то лет десять назад.

— О, тогда вы много потеряете, если не сходите. Мне недавно Никита Михалков сказал, что наш «Октябрь» точно входит в тройку лучших кинотеатров по России. Да это и понятно, Саша Кузнецов, наш нижегородский предприниматель, прежде чем приступить к его реконструкции, изучил опыт организации московских кинотеатров. И, естественно, учел все ошибки. Сейчас мы делаем еще пять таких залов. Суперсовременные, чтобы молодежи было куда пойти. Мы построили Театр комедии, кстати, он оказался единственным открытым в этом году в России театром. За семь месяцев построили. За этот театр мне нынешние коммунисты всю плешь проели: деньги растратил, театры строят!

— С каких это пор строить театры стало плохо?

— Вот они говорят, что плохо. Такая партия. Мне кажется, если все то, что мы запланировали, сработает, то наркотиков станет гораздо меньше.

— Тогда, может, и Москва ваш опыт переймет?

— Может. У нас есть чем со столицей поделиться. Вообще, наверное, в каждом городе есть своя изюминка. Вот недавно приезжали к нам Калягин, Табаков, Михалков, и все они в один голос говорили: «Как так, у вас уже сделано то, о чем мы уже пять лет твердим в Москве». У нас уже третий год при всех театрах работают попечительские советы. Например, я возглавляю попечительский совет в Театре комедии, мои замы возглавляют советы в других театрах, у нас их восемь.

— Что они там делают, репертуар, что ли, утверждают?

— Ни в коем случае, речь идет только о материальной поддержке труппы. Они покупают для театра компьютеры, декорации, оргтехнику, они выделяют средства для премирования артистов, на постановку спектаклей. Самый лучший совет у нас в театральном училище. Его возглавляет мой заместитель, управляющий делами Гена Шепилов. Его попечительский совет в феврале этого года провел за счет своих средств Всероссийский конкурс театральных училищ. А еще у нас каждый попечитель выбирает какое-нибудь молодое дарование и платит ему стипендию, и фотографии этих студентов висят у попечителей в кабинетах на видном месте.

— Почему-то мне кажется, что этим дарованием является кто-либо из родственников самого попечителя.

— Исключено, эти стипендиаты выбираются только из числа лучших студентов. Кроме того, из тех же попечительских фондов мы доплачиваем и всем остальным артистам. Вы же знаете, какое существование влечет сейчас артисты, даже народные и заслуженные.

— Знаю, сам учился в театральном.

— Тем более. А мы им доплачиваем. До четырехсот рублей, а это почти половина их оклада. Во всех этих вопросах мы сейчас если и не впереди планеты всей, то уж впереди страны точно.

— Но вы тут ничего нового не изобрели. Такое уже было. До революции.

— Совершенно верно. А разве плохо возрождать хорошие старые традиции? Чем плохо было меценатство? Хотя

А мы ищем по западным странам инвестиции, партнеров и не замечаем, что те мелкие ребята, которые недавно держали точки видеопроката, уже выросли. И стадию первоначального накопления капитала они уже прошли. И капитал у них есть. Ты им только дай условия нормальные и не мешай

мне лично это слово не очень нравится. Куда лучше — «благотворительность». «Благо творить» — это же приятно. И что меня радует, это то, что молодые бизнесмены, а у нас таких немало, они сами хотят помогать!

— Ну конечно, это же такая реклама. Пиар, так сказать.

— Как раз реклама тут ни при чем. Я как-то раз с одним разговариваю, он мне рассказывает, сколько он всего делает для детских домов, для приютов. Я у него спрашиваю: «А что ж ты про это нигде не рассказываешь?» — а он говорит: «Не хочу».

— Я тут гулял по улицам вашего города и обнаружил, что у вас в городе огромное количество туристических фирм. Ну просто что ни вывеска, то «тур-», «-тур», «ТУР». Хороший признак. Значит, есть у людей деньги, чтобы путешествовать.

— Знаете, основа нашей жизни — и вашей, и моей, и города, области, страны — работающее производство. Это как фундамент. Есть производство — есть налоги, есть налоги — есть театры, есть социальная защита стариков, работают школы, работают больницы. И одна из основных задач городской власти на сегодня — это развитие малого и среднего бизнеса.

— Малый бизнес — малые надежды.

— Да нет. На Западе восемьдесят процентов налоговых поступлений обеспечивает именно малый бизнес. А у нас в городе этот показатель составляет сейчас всего лишь порядка двадцати процентов. А это очень мало. У нас сейчас около четырехсот предприятий, а их должно быть не четыреста, а десять тысяч.

И это было бы здорово, тогда и налоги были бы нормальные, и стабильность в обществе на уровне мировых стандартов. А поэтому одна из основных задач, которые

должен ставить перед собой нормальный городской глава, — это создание нормальных условий для развития малого и среднего бизнеса.

— И что же в вашем городе его тормозит, этот самый малый бизнес?

— Я тут недавно собирал бизнесменов и спросил: что вам больше всего мешает нормально жить и работать? И они ответили, что больше всего мешает государственный racket. Предприниматели уже научились нормально разбираться даже с racketом криминальным, у них с ним никаких проблем давно нет. А вот с государственным racketом они борются просто не в состоянии. Бесчисленное количество проверяющих, они как тараканы: тут обработаешь, так они с другой стороны прут.

— Это вы на санитарноэпидемиологическую намекаете?

— Это я на двадцать восемь официальных государственных организаций намекаю.

— Гидра о двадцати восьми головах? Страшная и непобедимая.

— Как оказалось, победимая. Мы подписали с главами всех этих организаций договоры о том, что мы заводим при каждом предприятии специальную «Книгу проверок», в которой каждый приходящий проверяющий обязан расписаться и указать, откуда он пришел, номер удостоверения, кто его сюда направил и зачем. Ведь не секрет, что проверяющие зачастую приходят отнюдь не для того, чтобы что-то проверить, а лишь для того, чтобы решить свои какие-то личные проблемы. Нужна работнику СЭС, к примеру, путевка на юг, он приходит к бизнесмену и просто самым наглым образом ее у него требует. А не дадут ему денег на путевку, так он закроет офис, опечатает его, а там поди докажи, что ты не верблюд. А вот если бы этот проверяющий знал, что ему прежде

надо будет полностью засветиться, наследить, он бы пять раз подумал, прежде чем пойти.

— Опять бумаги. А до революции было все на честном слове.

— Пока это невозможно. Но стремиться к этому надо. Вот сейчас мы разработали проект «Кодекса делового человека» и предложили его нижегородским предпринимателям. Но они пока отказались его принимать.

— Что так?

— Сказали: «Сначала мы разработаем «Кодекс чиновника», а когда вы его примете, тогда и мы ваш кодекс утвердим. Так будет честно». У нас ведь все распланировано. К двадцать пятому декабря они разрабатывают «Кодекс чиновника», затем мы встречаемся, обсуждаем их и принимаем эти два документа, как сейчас говорят в Думе, пакетом. Кстати, аналогов этому в России пока нет.

— То есть это ваше ноу-хау?

— Вроде того.

— Вам на такое дело патент надо взять. Деньги будете лопатой гребти. В городской бюджет.

— Зачем, наоборот, пусть и другие пойдут по нашему пути. У меня подход очень простой. Вот по какому принципу раньше власть жила?

— Все под себя?

— Нет. Ни себе ни людям. Есть, к примеру, у губернатора помещение, оно не работает, власть несет расходы на его содержание, сторожа оплачивает, отопливает, электричество на него тратит. Оно не работает, оно только потребляет, но отдать его кому-либо — жаба душит. Легче снести. А мы нашли, кстати, еще одно ноу-хау, такой вариант сотрудничества с предпринимателями, как «инвестиционный контракт». Вот вы, предположим, бизнесмен, приходите ко мне и гово-

рите: «Лебедев, у тебя есть кинотеатр «Октябрь». Весь разваленный, не кинотеатр, а одно название. Расходы на его содержание составляют пятьдесят тысяч рублей ежемесячно. Давай я с администрацией заключу контракт. Я в этот кинотеатр вложу полтора миллиона долларов и за один год выведу его на уровень мировых стандартов». Мы обещываем все это дело по рыночным ценам, и получается, что если он полтора миллиона вкладывает, то его доля в этом кинотеатре будет восемьдесят процентов, а доля города — двадцать процентов. Так было с Сашей Кузнецовым, руководителем фирмы «Электроника». Год назад он «Октябрь» взял руинами, а теперь это один из лучших в России кинотеатров. Но Саша слишком уж высоко поднял планку, и другие бизнесмены теперь из кожи вон лезут, стараясь его переплюнуть. Переплюнуть не только в отделке, что не самое трудное, в «Спутнике», например, сейчас делают два зала, один на четырехеста мест, а второй — мест на семьдесят. Внизу будут боулинг, ресторан, детское кафе и так далее.

— Что-то они уж очень сильно разворачиваются. Это же не кинотеатр уже, а целый развлекательный центр.

— Совершенно верно. Это же бизнес. И городу это выгодно: в том же «Октябре» до реконструкции работали двадцать два человека, теперь в пять раз больше. А это рабочие места. И налоги. А налоги они платят нормальные.

— То есть с предпринимателями у вас любовь и дружба. А с областью какие отношения?

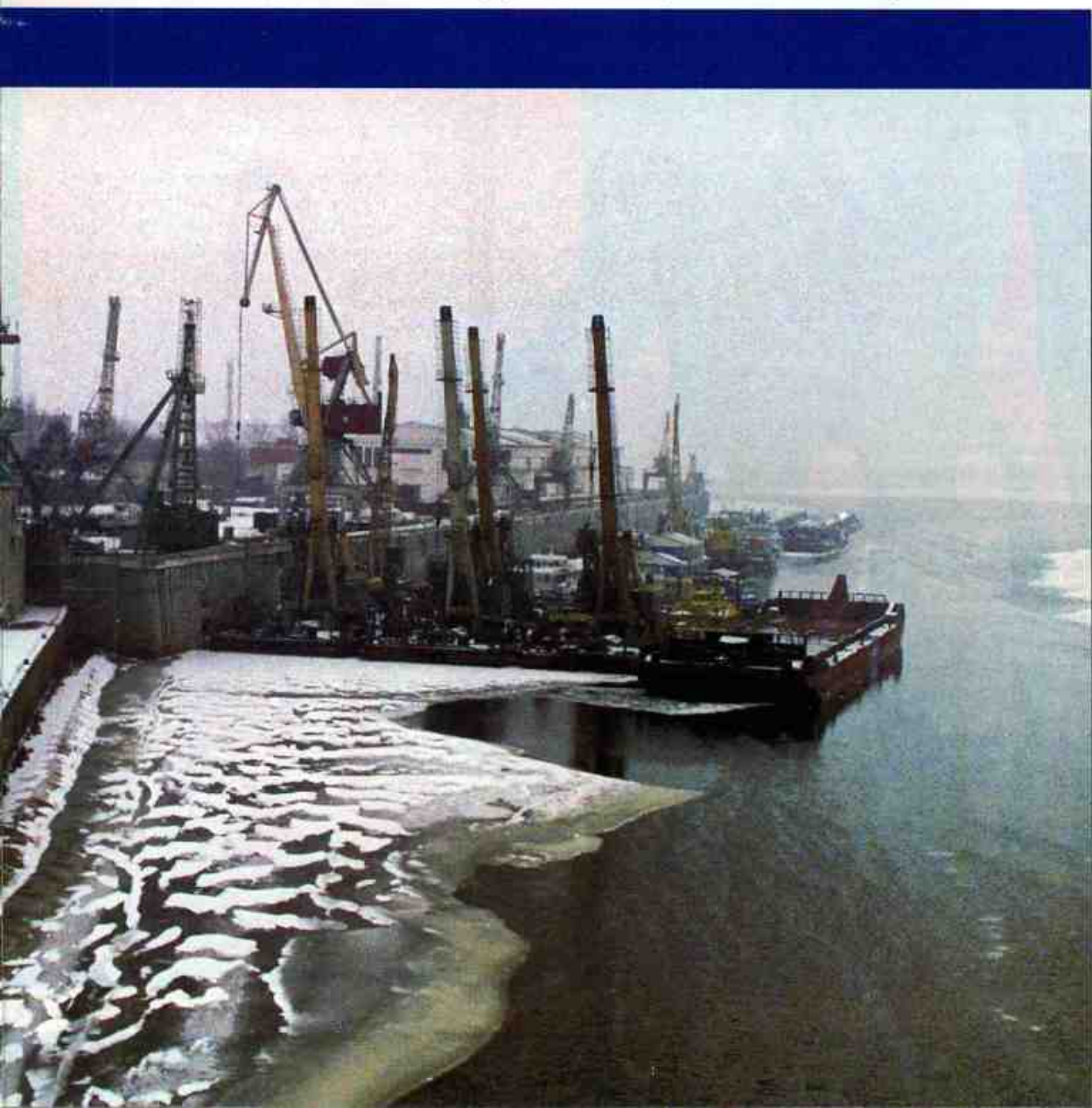
— Какие отношения? Нормальные, рабочие. Здоровая такая конкуренция. Все, что у нас есть хорошего, они у нас перенимают. Вплоть до мелочей. Например, губернатор раньше если кому-нибудь что-нибудь дарил, то обязательно на своем подарке писал: «Подарок губернатора». А мы никогда ничего такого не пишем. Зачем? Вот дарим мы машины ветеранам. Три раза по десять машин уже подарили. Причем забота о ветеранах — это федеральная прерогатива, а мы покупали машины на свои деньги. Так это все называлось «Подарок нижегородцев ветеранам». После этого, смотрю, и губернатор стал писать: «Подарок администрации Нижегородской области». Исправился, молодец! Мы создали программу помощи слабослышащим детям. У нас сто семьдесят пять ребятшек нуждаются в слуховых аппаратах, мы сейчас уже вручили двадцать пять. Смотрю, губернатор тоже двадцать вручил и сказал, что по всей области вручит. Кто выигрывает от такого соперничества? Только люди. Так что нормальные отношения, рабочие. Хотя, конечно, там есть и политические аспекты. Деньги они с нас снимают каждый год.

— Ну это, как сейчас принято говорить, проблема федеральная.

— Безусловно. У нас она еще не в худшем виде, в некоторых областях мэр с губернатором как кошка с собакой «дружат». Нам бы вот еще с транспортом разобраться. У нас проблема транспорта очень серьезная, одна из серьезнейших проблем города. Дело в том, что городским транспортом у нас являются трамвай, троллейбус и метро. А автобус — это вотчина областной администрации. Но горожане этого знать не обязаны, поэтому они меня разне, что не били за плохую работу автобусов. Единственный способ для меня как-то решить эти их проблемы — по возможности быстрее развивать метро. Дело в том, что Нижний разделен Волгой на две части: Заречную и Нагорную. Пока метро работает только в Заречной, но вот недавно мы начали строительство метромоста, и уже в недалеком будущем нижегородцы поедут на гору в метровагонах. Строительство метромоста — это настолько важная задача, что она была даже заложена в федеральный бюджет на 2001 год.

Скоро мы пускаем пробный поезд до новой станции «Буревестник». До того новые станции не открывались уже девять лет, это первая после такого перерыва. Следующая станция будет «Нижегородская ярмарка».

Вот так, проблемы у Нижнего есть. Много проблем. Да они везде есть, нет таких мест, где бы проблем не было, главное, надо уметь их увидеть и постараться вовремя решить. И с этим здесь вроде бы все в порядке.

Зелёная

ЖЮ

В молодости Сергей Баранов, уже тогда любивший рисовать натюрморты с красными яблоками, зелеными грушами и ярко-оранжевыми апельсинами, добровольцем вступил в Красную армию и в жарких боях под Киевом внес свою лепту в общую победу над белыми. После победы революции он демобилизовался из армии, со скромной наградой за сражение, в котором не участвовал, поселился в Москве и вновь принялся рисовать красные яблоки, зеленые груши и ярко-оранжевые апельсины. Будучи героем революции и действительно талантливым художником, он пользовался расположением властей. Для работы ему выделили прекрасную студию с застекленной крышей и отоваривали продуктами по категории рабочих тяжелого физического труда. Его картины принимали крайне доброжелательно, потому что дары садов выглядели на них столь соблазнительно, что рука так и тянулась к ним. Продавались они без малейшей задержки, чтобы украсить дома и кабинеты достаточно важных чиновников нового режима и оживить собой мрачные и блеклые стены.

В 1923 году, когда он встретил и покорила аппетитную юную красавицу из Советской Армении, в его творчестве начался новый этап. От фруктов он перешел к обнаженной натуре. Техника его несколько не изменилась, несмотря на кардинальную смену объекта, а потому популярность Баранова выросла многократно.

Несомненно, он до сего дня продолжал бы в том же духе, радостно выдавая на-гора картины с пышнотелыми, голенькими или чуть прикрытыми, сдобными девушками, чередуя их с огромными виноградными гроздьями и бананами, шагая бы от успеха к успеху, от награды к награде, если б однажды, на литературном вечере, не встретил женщину, которая вскорости стала его женой.

Алла Босарт принадлежала к числу тех остроливых и чрезвычайно энергичных женщин, которых освобождение от кухни и детской вытолкнуло в суровый мужской мир. Костлявая, неумная, умная, языкатая, терзаемая несварением желудка и глубоко презиравшая мужчин, в Америке она без труда влилась бы в стройные ряды тех женщин, которые хозяйничали в магазинах или писали репортажи с войны для периодических изданий Льюиса. Как говорил один из ее друзей, пытаясь максимально точно указать различие между Аллой и ее более женственными современницами: «Алле нет нужды подкрашиваться перед тем, как выйти из дома. Она обходится хонингованием».

В Москве, когда Сергей встретил ее, она работала в системе Наркомпроса. Руководила двадцатью тремя детскими садами. Под ее началом трудилось более пяти-сот мужчин и женщин, и она уже сумела оставить свой след в душах подрастающего поколения молодого государства. Находящихся на ее попечении чистеньких и ухоженных детей ставили в пример на всех совещаниях, и только в 1938 году рутинный статистический анализ нервных заболеваний показал, что выпускники детсадов товарища Босарт по числу нервных срывов превосходят любую прочую группу населения как минимум в соотношении три к одному.

А в незаочном исследовании, проведенном одним полковником в период за-тишья на Южном фронте в 1944 году, отмечалось, что деятельность Аллы Босарт по воспитанию молодого поколения нанесла Красной армии больший урон, чем целая бронетанковая дивизия Девятой немецкой армии. Однако начальство полковника отнеслось к промежуточным выводам исследования с определенной долей сомнения из-за справки ОГПУ, в которой указывалось, что этот полковник с третьего по седьмое августа 1922 года пребывал в любовниках товарища Босарт, а восьмого подал в штаб рапорт с просьбой о скорейшем переводе в Архангельск.

Вот эта дама, сопровождаемая высокопарным поэтом и стареющим летчиком-испытателем, едва перешагнув порог, положила глаз на крепыша Баранова и приняла окончательное решение, в корне переменявшее жизнь художника. Поблескивая темно-серыми глазами, она пересекла комнату, представилась, напроочь игнорируя красавицу из Советской Армении, которая сопровождала Баранова, и инициировала процесс, который три месяца спустя привел к свадьбе. Никто из ее многочисленных друзей так и не смог понять, что привлекло ее к Баранову. Возможно, в добродушной манере поведения и цветущем здоровье она сразу разглядела отменное пищеварение и крепкую, не подточенную комплексами нервную систему, атрибуты, столь необходимые мужу деловой женщины, которая ежевечерне возвращается домой в ворохе тысяч дневных проблем. Какими бы ни были причины, Алла не оставила Сергею выхода.

Поначалу казалось, что новообращенные зажили счастливо. Конечно, какие-то изменения в Баранове проявились. В компании он стал не столь словоохотлив и более не рисовал обнаженную натуру. Ни полотна, ни даже наброски с пышными женскими формами, пусть от талии и выше, не покидали стен его мастерской. Он вновь целиком сосредоточился на растительном мире и, похоже, вышел на более высокий уровень понимания проблем яблока, апельсина, груши.

Творческие достижения Баранова не остались незамеченными, удостоились похвалы и критиков, и публики, а сами картины украсили стены музеев и общественных мест. Успех, впрочем, не сильно отразился на нем. Все более молчаливый, он экспериментировал со свеклой и тыквами, ударяясь в бордо и темную желтизну, всюду появлялся со своей тощей и умной женой, вечер за вечером скромно наблюдал, как она превращает в собственный монолог любую дис-

куссию в литературных, артистических, политических, преподавательских и промышленных кругах. Однажды, что правда, то правда, по требованию жены он отправился в один из подведомственных ей детских садиков и начал рисовать группу ходивших в него детей. Рисовал час, потом отложил кисть, порвал холст напополам, бросил в печь, ушел в мужской туалет, где, по сведениям очевидцев, разрыдался. В историю эту никто, разумеется, не поверил, потому что распространял ее молодой воспитатель, ссепившийся по какому-то поводу с Аллой Босарт и позднее уволенный ею по обвинению в неблагонадежности. Как бы то ни было, Баранов вернулся в свою мастерскую и полностью сосредоточился на свекле и тыквах.

Примерно в это же время он начал рисовать по ночам, используя ту самую настольную лампу, которая составляла часть приданого Аллы. Они, учитывая их высокий социальный статус, уже получили отдельную квартиру, которая находилась в какой-то мише от мастерской Баранова, и поздними вечерами, что в снег, что в дождь, крепкая, но уже чуть сторбленная фигура художника стала привычным зрелищем на практически пустынных улицах, лежащих между его домом и мастерской. Он стал очень скрытным, всегда запирает дверь на замок, а на вопросы друзей о текущей работе лишь улыбался и переводил разговор на другое. Алла, у которой хватало своих забот, разумеется, никогда не интересовалась творчеством супруга, и только на персональной выставке, открытие которой почтила своим вниманием вся интеллектуальная элита, как государственные мужи, так и деятели культуры, впервые увидела картину, над которой тот трудился все последние месяцы.

Баранов нарисовал обнаженную женщину. Но она не имела ничего общего с теми ню, что раньше выходили из-под кисти художника. На огромном и пугающем полотне для розового места не нашлось. Превалировало зеленое, того оттенка, что окрашивает небеса перед циклоном или ураганом, болезненное, мрачное, давящее на глаза. В зеленых тонах были выдержаны и сама фигура, с жалкой грудью, прямыми волосами, дряблым животом и жилистыми, но, тем не менее, влекущими чреслами, и сверкающие, демонические глаза под сурово сдвинутыми бровями. А вот на рот, пожалуй, самый жуткий фрагмент картины, пошла убийственно черная краска. Губы словно пребывали в непрерывном движении: художнику удивительно точно удалось поймать тот самый момент, когда модель забыла обо всем на свете, кроме речи, которую произносила. Рот доминировал на полотне, более того, во всем выставочном зале, бурный, мерзкий, зловонный поток риторики срывался с черных губ, и не осталось без внимания, что посетители выставки изо всех сил пытались отвести глаза от этого притягивающего взгляд фрагмента. И фон кардинально отличался от привычной для Баранова тщательной прорисовки то ли красивой ткани, то ли восточного ковра, то ли сочной листвы. Возлежала ню на фоне руин храмов и поселений под зеленовато-утольным небом. Если что и связывало картину с прошлым творчеством Баранова, так это вишня, изображенная в правой части картины. Чахлое деревцо вырвали с корнем, зеленый грибок пожирал ветви, толстая, змееподобная лиана обвила ствол, зеленые червячки лакомялись незрелыми ягодами. Полотно являло собой безумие, гениальность, мощь, бедствие, печаль и отчаяние.

Когда Алла Босарт-Баранова вошла в выставочный зал, люди стояли молчаливыми группками, не в силах оторвать глаза от этого завораживающего ужаса.

— Великолепно, — услышала она шепот Суварина, критика журнала «Серп».

— Бесподобно, — донесся до нее выдох художника Левинова, когда она проходила мимо.

Изредка кто-либо из гостей одаривал Аллу долгим и раздумчивым взглядом, особенно если она случайно оказывалась в непосредственной близости от шедевра ее мужа. И хотя взгляды эти не укрылись от Аллы и в них чувствовалась смутная тревога, она оставляла их без внимания, поскольку привыкла к всяким и разным взглядам, которые бросали на нее подчиненные в коридорах, палатах и кабинетах вверенных ей детских садиков. Истинной причины этих оценивающих-сравнивающих взглядов она не узнала, потому что во всем Советском Союзе не нашлось бы храбреца, которому достало духа просветить ее по этому крайне щекотливому вопросу. В диалог, из кошмарных снов, лице, венчавшем ужасное зеленое тело, угадывалось семейное сходство с Аллой Босарт, которое не могли скрыть никакие ухищрения художника.

Неделю, следовавшую за открытием выставки, Баранов пребывал в центре внимания. На нем скрецивались все взгляды, особенно если он появлялся с женой, газеты взахлеб хвалили его, заказы сыпались как из рога изобилия. Критик Суварин, который раньше едва с ним здоровался, благоволил прийти в мастерскую Баранова, чтобы взять интервью, и, нарушая все традиции, явился трезвым.

На огромном и пугающем полотне для розового места не нашлось

— Скажите мне, — холодные, светлые глаза Суварнина, проделавшие немало дыр во многих полотнах, буравили Баранова, — скажите мне, что могло подвигнуть на такую картину человека, который всю жизнь рисовал фрукты?

— Дело в том, — начал Баранов, к которому за последнюю неделю вернулась некоторая толпка красноречия и широты души, — дело в том, что так уж вышло. Как вам известно, если вы видели мои последние полотна, в них прибавлялось и прибавлялось меланхолии.

Суварнин задумчиво кивнул, соглашаясь с художником.

— Палитра становилась все более мрачной. Преобладало коричневое, темно-коричневое. Фрукты... что же, это правда, фрукты увядали, их прихватывало морозом, они гнили. Бывало, я приходил в мастерскую, садился и плакал. Час. Два часа. В полном одиночестве. По ночам мне начали сниться сны. Смерть, уходящие поезда, отплывающие корабли, оставляющие меня на перроне, на пристани. Меня хоронили заживо, обшивали темно-коричневыми лисы, какие-то маленькие зверушки. — в словах Баранова чувствовалось счастье абсолютно здорового человека, описывающего симптомы тяжелой болезни, от которой он сумел полностью излечиться. — Но чаще всего мне снился самый кошмарный сон. Я в маленькой комнатке, и вокруг женщины, одни женщины. Все женщины могут говорить, я — нет. Я пытаюсь. Я шевелю губами. Язык лишь подрагивает между зубов. Разговоры вокруг оглушают, как паровозные гудки или пожарные сирены. А я не могу издать ни звука. Вы и представить себе не можете, как это страшно. Каждую ночь меня словно бросали в тюремную камеру. Я начал бояться кровати. Приходил сюда, смотрел на чистый холст на мольберте, на картофель и баклажаны, которые я хотел нарисовать, и не мог взять в руку кисть. Художник, как вы знаете, творит эмоциями. Как я мог трансформировать то, что распирало меня, в образ баклажана, картофеля? Мне расхотелось жить. Я чувствовал, что больше не смогу рисовать. Я уже подумывал о самоубийстве.

Суварнин кивнул. Даже подумал о том, что надо бы кое-что записать, такого с ним не случалось уже лет двадцать, поскольку он придерживался мнения, что точность в интервью — враг креативной критики. Сунул в карман в поисках ручки, не нашел. Вытащил руку из кармана, поняв, что придется обойтись без записей.

— Самоубийство, — повторил Баранов, радуясь тому, что сам Суварнин, перед которым трепетали все художники, с таким вниманием выслушивает его исповедь. — Я стонал. Я орал в голос, — Баранов знал, что ничего такого не было и в помине, он просто сидел перед чистым холстом, но предположил, что активное проявление чувств покажется критику более естественным, и не ошибся. — Я плакал. Отчаяние вцепилось в меня мертвой хваткой, — Суварнин заерзал, искоса глянул на бутылку водки, стоявшую на столе, облизнул уголок рта, и Баранов торопливо продолжил, коря себя за то, что, возможно, перегнул с проявлением эмоций. — Я схватил кисть. Рука двигалась сама, я ею не управлял. Я не подбирал цвета. Я не смотрел на баклажан и картофелины. Рисовали мои страхи, используя себя в качестве инструмента. Я превратился в связующее звено между моими снами и холстом. Я практически не видел, что творю. Я рисовал всю ночь, ночь за ночью... — Баранов уже забыл, что старался произвести впечатление на критика. С его губ срывалась правда, вся правда и только правда. — И знал я только одно: по мере того как картина близилась к завершению, огромный груз сваливался с моих плеч. Мое подсознание освобождалось из тюрьмы. Когда я ложился спать, мне уже не снилось, что меня похоронили заживо, меня уже не обшивали темно-коричневыми лисы. Их место в моих снах заняли залитые весенним солнцем виноградники и полногрудые молодые женщины, к которым мне хотелось подойти на улице. Наконец, последний раз коснувшись кистью холста, я отошел на шаг, взглянул на зеленую обнаженную женщину и руины и изумился тому, что увидел перед собой. Как изумился бы, если б вошел в мою студию и нашел в ней другого человека, совершенного незнакомца, который воспользовался моим мольбертом, пока я был в отпуске. И кем бы он ни был, этот человек, я испытывал к нему безмерное чувство благодарности. А право на это чувство делила с ним зеленая дама. Вдвоем они спасли меня от Ада.

Суварнин встал, крепко пожал художнику руку.

— Из душевной боли рождается великое искусство, — изрек он. — Только из глубин отчаяния и можно дотянуться до небес. Вспомните Достоевского.

Баранов кивнул, но и чуть смутился: он трижды пытался прочитать «Братьев Карамазовых», но так и не перевалил на 165-ю страницу. Суварнин, однако, не стал развивать тему.

— Прочитайте мою статью в субботнем номере. Думаю, вам понравится.

— Заранее благодарю, — потупился Баранов, решив, что после ухода Суварнина сразу позвонит Алле и сообщит сногшибательную новость. — Я — ваш должник.

— Ерунда, — отмахнулся Суварнин. Вот эта точность в выборе слов и обеспечивала ему славу ведущего критика. — Искусство у вас в долгу.

В субботу дрожащими руками Баранов открыл журнал. На странице с фотографией Суварнина по глазам ударил черный заголовок: «ГРЯЗЬ В ГАЛЕРЕЯХ». Баранов моргнул. Потом начал читать. «На прошлой неделе, — писал Суварнин, — контрреволюция нанесла один из самых жестоких ударов по российскому искусству. Дьявольская кисть некоего Сергея Баранова, доселе скрывавшего еретическое бесстыдство под грудями пыющих фруктов и вдруг почувствовавшего, что он

может выставить напоказ свою подлую сущность, явила нам вызывающее тошноту мурло декадентской, буржуазной «живописи».

Баранов сел, жадно ловя ртом воздух и проталкивая его в перехваченные болью легкие. Продолжил чтение. «Этим гаптренозным наростом, — Баранов, пусть кровавый туман и застилал глаза, узнал любимое словечко Суварнина, — умирающий мир капитализма, объединившись с троцкистскими бандитами, дал знать Советскому Союзу, что его прихлебатели и агенты проникли в самое сердце культурной жизни родины. Чьи предательство и продажность позволили Баранову выставить свое чудовище в стенах государственной галереи, пусть выяснит народный прокурор. Но, ожидая результатов расследования, которое обязательно будет проведено, мы, представители интеллигенции, должны сомкнуть ряды, чтобы достойно защитить дорогую нам культуру. Наш долг — не позволить вероломному Баранову и ему подобным, раболепно следующим заблуждениям и причудам своих хозяев-плутократов, мараить наши стены этими образчиками дадаистского отчаяния, реакционного кубизма, реакционного абстракционизма, сюрреалистического архаизма, аристократического индивидуализма, религиозного мистицизма, материалистического фюрдизма».

Баранов положил журнал на стол. Дальше он мог и не читать. Подобные статьи так часто появлялись на страницах периодических изданий, что следующие абзацы он мог процитировать и на память. Мир его рухнул. Сгорбившись, Баранов тупо уставился на шесть килограмм вишен в плетеной корзине.

В дверь постучали. Прежде чем он успел сказать «войдите», она открылась, и Суварнин переступил порог. Критик подошел к столу, налил стакан водки, залпом выпил. Повернулся к Баранову.

— Я вижу, — он указал на раскрытый журнал, — что вы прочитали статью.

— Да, — просипел Баранов.

— Вот, — Суварнин достал из кармана рукопись. — Возможно, вас заинтересует исходный текст.

Непослушными пальцами Баранов взял рукопись. Перед глазами все плыло. Суварнин тем временем вновь наполнил стакан. «Вновь раскрывшаяся сторона великого таланта... сомнение и разочарование, которые становятся отправным пунктом долгого пути осознания... потрясающая техника... пионерский прорыв в глубины психики современного человека посредством...»

Баранов отбросил листки.

— Что... что произошло? — выдохнул он.

— Правление Союза художников, — ответил Суварнин. — Они видели вашу картину. Потом прочитали мою рецензию. Попросили внести некоторые изменения. Этот Клопов, председатель правления, который нарисовал восемьдесят четыре портрета Сталина, проявил особое рвение.

— И что теперь будет со мной?

Суварнин пожал плечами.

— Как дует, я советую вам... покинуть страну.

В эту ночь Баранову не снились сны. Он не сомкнул глаз, слушая нотации жены.

Она говорила с восьми вечера до восьми утра.

— Ты погубил нас, — подвела она итог начисто лишенным хрипотцы голосом, когда за окном зазвучали восьмичасовые фабричные гудки. — Погубил. И ради чего? Ради идиотской, бессмысленной мазни, в которой никто ничего не может понять! Почему ты так поступил со мной? Почему?

Баранов, привалившись спиной к подушкам, тупо смотрел на жену.

— Не молчи, — воззвала к нему Алла. — Не молчи, ты должен что-то сказать. Ты же не немой. Скажи что-нибудь. Хоть слово.

— Алла, давай не будем терять надежду. Может, все утрясется.

Алла смерила его холодным взглядом.

— Где-то и может что-то утрястись, но только не в Москве.

Она оделась и отправилась в колонию для несовершеннолетних преступников, чтобы доложить, что готова приступить к работе на кухне.

Предсказание Аллы имело под собой веские основания. И в сравнении с той грязью, которую выплили на Баранова газеты и журналы по всему Советскому Союзу, статья Суварнина уже казалась похвалой. В Москве съезд художников, на котором председательствовал пламенный Клопов, единогласно (578 — за, ни одного — против) исключил Баранова из Союза. И как-то утром, с десяти до двенадцати часов, картины Баранова исчезли со всех российских стен, на которых они доселе висели. Мастерскую, где Баранов проработал десять лет, у него отняли и передали человеку, который рисовал щиты-указатели для метрополитена. В течение трех месяцев двое здоровяков в штатском всюду следовали за Барановым. Его почта всегда опаздывала и всегда просматривалась. Алла Босарт обнаружила микрофон под раковиной на кухне, где она теперь работала. Давние друзья переходили на другую сторону улицы, издали завидев Баранова.

Поняв, наконец, куда дует ветер, Баранов положил в саквояж кисточки и настольную лампу и, похудевший, осунувшийся, в сопровождении Аллы, последовал совету Суварнина.

З е л ё н а я

Шестью месяцами позже, летом 1929 года, Баранов и Алла обосновались в Берлине. В то время столица Германии встречала художников с распростертыми объятиями, и Баранов, вернувшись к ранним сюжетам, когда нарисованные им апельсины, лимоны, яблоки так и просились в рот, сразу же завоевал признательность публики.

— Здесь нас ждет счастливая жизнь, — предсказала Алла. И уточнила, что для этого нужно. — Рисовать будешь только фрукты и овощи. Темные цвета использовать по минимуму. Никаких ню, никакого политического подтекста. Рот держи на замке, говорить буду я.

Баранов почел за счастье следовать этим простым и полезным для здоровья рекомендациям. Если не считать легкого размыва контура, тончайшего тумана, словно поднимавшегося из подсознательной нерешительности художника, не позволяющей раз и навсегда определиться с любым, самым простым вопросом, вроде местоположения лимона на скатерти, его работы во многом напоминали те полотна, которые он рисовал, вернувшись с полей революционных сражений. Баранов процветал. Вновь появившиеся щеки порозовели, он даже отрастил небольшой животик. На лето снимал маленький домик в Баварии, арендовал прекрасную мастерскую неподалеку от Тиргартена.

Когда Суваринин (из-за первого, неопубликованного варианта рецензии он впал в немилость властей, и вскоре ему перекрыли доступ на страницы прессы) появился в Берлине, сырой и убогий, Баранов пригласил его и поселил в пустующей комнате под мастерской. И даже смог выдавить из себя смешок, узнав от Суваринина, что его зеленая ню заняла самое почетное место в новом музее декадентского искусства в Ленинграде.

Алла нашла себе место инструктора физкультуры в одной из новых организаций для молодых женщин, которые тогда множились, как грибы после дождя. Атлетичность ее программ не осталась незамеченной. Из зала Аллы выходили батальоны крепких женщин с мощными бедрами, которые могли совершать восемнадцатичасовые броски по пашне и обезоруживать сильных мужчин, вооруженных винтовками и штыками. Когда Гитлер пришел к власти, Аллу пригласили в государственные структуры и отдали под ее начало программы физической подготовки женщин в Пруссии и Саксонии. И лишь гораздо позже бюро статистики Национально-патриотического фронта женщин-матерей опубликовало отчет, в котором указывалось, что по числу выкидышей и смертей первенца выпускницы классов Аллы превосходили любую другую группу женщин в соотношении семь к одному. Но, разумеется, к тому времени Барановы уже покинули страну.

Между 1933 и 1937 годами жизнь Барановых очень напоминала их лучшие дни в Москве. Баранов неустанно рисовал, и его зрелые фрукты украсили многие знаменитые стены, в том числе, по слухам, бункера фюрера под канцелярией, в немалой степени скрасив аскетичность обстановки. Будучи желанными гостями,

И как-то утром картины Баранова исчезли со всех российских стен, на которых они доселе висели

в силу значимости поста, который занимала Алла, и добродушного юмора Баранова, они кочевали с одного приема на другой, где Алла, как обычно, монополизировала разговор, показывая себя крупным специалистом по таким вопросам, как военные тактика и стратегия, производство стали, дипломатия и воспитание подрастающего поколения.

Друзья потом вспоминали, что именно в этот период в Баранове прибавилось молчаливости. На приемах и вечеринках он обычно стоял рядом с Аллой, слушал, ел виноград и жевал миндаль, частенько отвечал невпопад и исключительно односложно. Он похудел, а по взгляду чувствовалось, что спит он плохо и его мучают кошмары. Он начал рисовать по ночам, запирая дверь в мастерскую, плотно задернув шторы, при свете настольной лампы, привезенной из России.

Так что зеленая ню стала полным сюрпризом и для Аллы, и для друзей Баранова. Суваринин, который видел и оригинал, и берлинское полотно, заявил, что в целом второй вариант получился даже лучше первого, хотя главная фигура, во всяком случае концептуально, вышла один в один.

Сомнительно, чтобы Баранов даже думал о том, чтобы показать картину общественности (необходимость в воссоздании шедевра исчезла с завершением работы над ним, а воспоминания о том, что произошло в Москве, были еще слишком свежи, чтобы решиться на повторение случившегося в Берлине). Но дальнейшую судьбу Баранова определил уже не он сам, а гестапо. По заведенному порядку агенты тайной полиции еженедельно обыскивали дома и служебные помещения всех, кто читал зарубежные газеты (от этой вредной привычки Баранов так и не смог отказаться), и наткнулись на зеленую ню в тот самый день, когда художник последний

раз прикоснулся к ней кистью. Оба агента были простыми немецкими парнями, но достаточно хорошо разбирались в азах национал-социалистической культуры, чтобы понять, прочувствовать предательство и ересь. Вызвав подкрепление и оценив здание, они позвонили шефу отдела, ведающего подобными вопросами. Часом позже Баранова арестовали, а Аллу сняли с работы и отправили помощником диетолога в приют для матерей, родивших вне брака, у польской границы.

В гестапо его допрашивали месяц. За это время Баранов лишился трех передних зубов, его дважды приговаривали к смерти, а на допросах требовали назвать заговорщиков и сообщников и признаться в диверсиях, совершенных в последние месяцы на соседних авиационных заводах. Пока Баранов находился в гестапо, его картина участвовала в большой выставке, устроенной министерством пропаганды с тем, чтобы познакомить широкую общественность с новейшими тенденциями в декадентском и антигерманском искусстве. Выставка пользовалась огромным успехом и стала рекордной по посещаемости.

В день освобождения Баранова из гестапо (он еще больше похудел, заметно ссутулился и мог есть только мягкую пищу) ведущий критик берлинской «Тагеблат» вынес официальную оценку картине. Баранов купил газету и прочел следующее: «Это иудо-анархизм на пике своей наглости. Подстрекаемый Римом (на заднем плане в берлинском варианте добавились развалины церкви), с благословения Уолл-стрита и Голливуда, следуя приказам Москвы, этот варварский червь Баранов, урожденный Голдфарб, заполз в сердце немецкой культуры в попытке дискредитировать моральное здоровье нации и опозорить институты охраны правопорядка. Это пацифистская атака на нашу армию, наш флот, нашу авиацию, злобная восточная клевета на наших прекрасных женщин, праздник похотливой так называемой психологии венского гетто, зловонные пары парижской клоаки, набитой французскими дегенератами, жалкий аргумент английского Министерства иностранных дел в защиту кровавого империализма. Со свойственным нам достоинством мы, немцы немецкого мира культуры, мы, носители гордой и святой немецкой души, должны сплотиться и потребовать, в уважительной форме, сдержанным тоном, удаления этого гангренозного нароста на теле нации. Хайль Гитлер!»

В ту ночь в постели с Аллой, которой чудом удалось получить трехдневный отпуск, чтобы встретить супруга, выслушивая уже стандартную двенадцатичасовую лекцию жены, Баранов чуть ли не с нежностью вспоминал сравнительно деликатные фразы критика из «Тагеблат».

Наутро он встретился с Суварниным.

— Не следовало тебе рисовать эту картину, — в голосе Суварнина слышался мягкий упрек.

— Знаю, — кивнул Баранов. — Но что я мог поделать? Все произошло помимо моей воли.

— Хочешь совет?

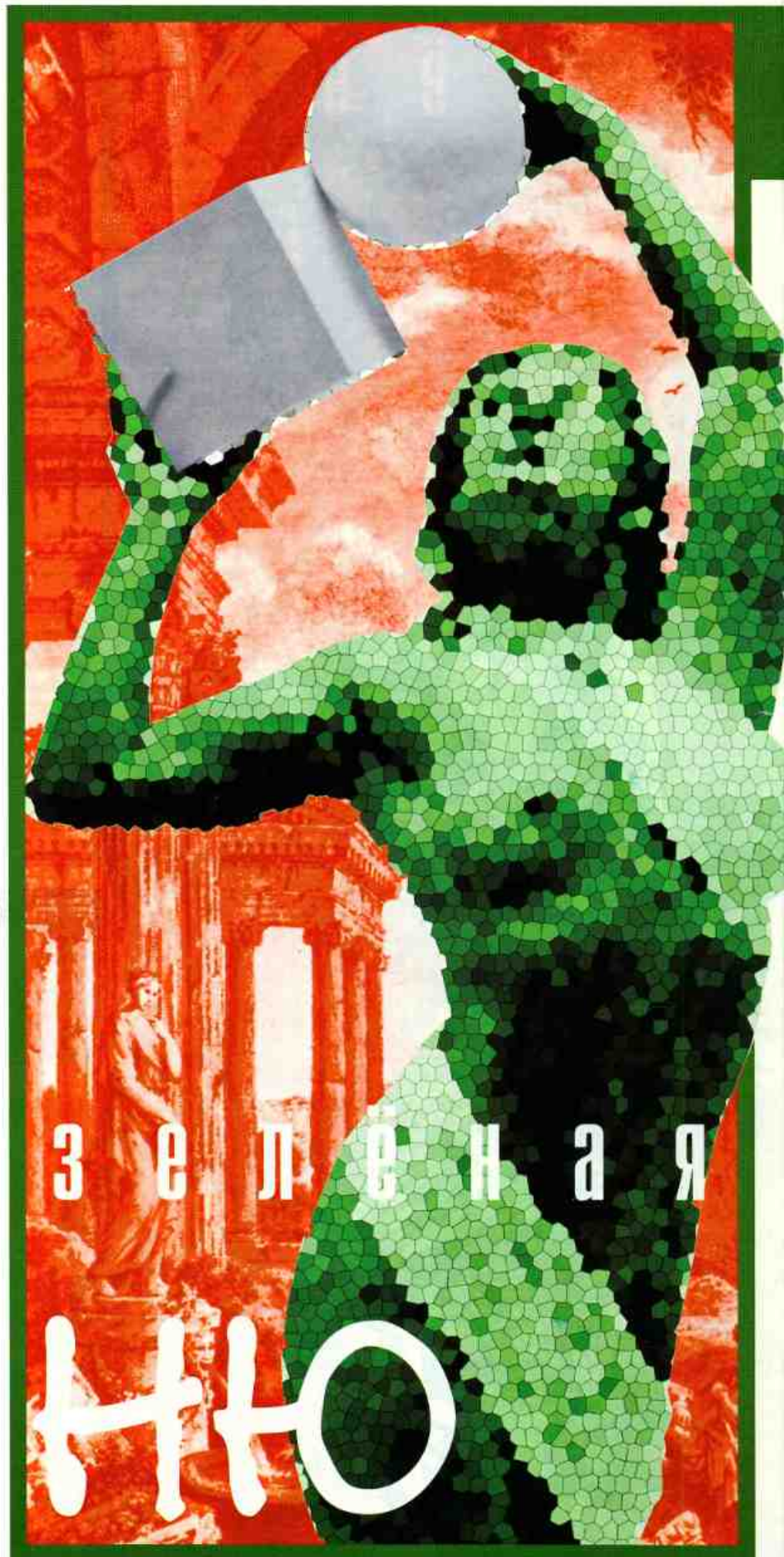
— Да.

— Уезжай из страны. Быстро.

Барановым потребовалось больше года, чтобы добраться до Америки, но, шагая по Пятдесят седьмой улице города Нью-Йорка, глядя в витрины галерей, в которых мирно уживались полотна самых разных стилей, от мрачного сюрреализма до сахарного натурализма, Сергей чувствовал, что стоило пережить все обрушившиеся на него беды и невзгоды, ибо благодаря им он наконец-то ступил на эту землю обетованную. На первой же неделе, переполненный благодарностью и эмоциями, он подал прошение о предоставлении ему и Алле американского гражданства.

Следующие несколько лет стали счастливейшими в жизни Барановых. Критики и владельцы галерей сошлись во мнении, что этот никогда не повышавший голоса русский придал местным помидорам и огурцам загадочный европейский привкус, окружил их ореолом меланхолии и классицизма. В результате все картины Баранова уходили по хорошим ценам. Крупная винодельческая компания использовала гроздь винограда, нарисованную Барановым, на своих этикетках и в рекламных объявлениях. Натюрморт с корзиной апельсинов приобрела калифорнийская торговая фирма, на долю которой приходилась треть оборота цитрусовых, выращиваемых в солнечном штате. Картину увеличили в размерах, и вскоре она красовалась на рекламных щитах по всей стране. Баранов купил небольшой домик в Джерси, неподалеку от Нью-Йорка, и, когда Суварнин появился в Америке (из Германии он бежал под страхом смерти, потому что, крепко выпив, как-то сказал, о чем незамедлительно доложили в гестапо, что немецкая армия не сможет дойти до Москвы за три недели), с радостью пригласил критика пожить у них.

Новое ощущение свободы так вскружило Баранову голову, что он даже решился нарисовать ню, очень розовую и толстомысую, разумеется по памяти. Но Алла, к тому времени ее взяли на работу в многотиражный информационно-публицистический журнал как специалиста по коммунизму и нацизму, в этой ситуации повела себя очень круто. Ножом для резки хлеба разобралась с картиной, а потом уволила кухарку, розовощекую, крепко сбитую девушку-чешку, несмотря на то, что девушка, пытаясь сохранить за собой работу, пошла к уважаемому гинекологу, который подтвердил ее девственность.

Картина характеризовалась как вызывающая тошноту мазня, оскорбляющая американских женщин

В Америке, где мужчины давно уже привыкли слушать женщин и где коллеги, как замороженные, внимали бурлящему словесному потоку, срывающемуся с ее губ, к Алле пришел успех, в сравнении с которым ее европейские достижения казались каплей в море. К окончанию войны главный редактор журнала, в котором она работала, передал в ее ведение отделы политики, медицины для женщин, моды, книг и, разумеется, воспитания подрастающего поколения.

Алла стала заметной фигурой и в Вашингтоне, где многократно давала показания перед важными комиссиями конгресса по самым различным вопросам, от пересылки запрещенной литературы по почте до результативности сексуального воспитания в общеобразовательных школах нескольких северных государств. Дело дошло даже до того, что однажды младший сенатор от одного из западных штатов в лифте уцепился за левую ягодицу. Само собой, Аллу приглашали на бесчисленные обеды, съезды, приемы, вечеринки, и всюду ее сопровождал верный Баранов. Вначале, живя в свободной атмосфере литературно-художественной Америки, Баранов напрочь лишился молчаливости, столь свойственной ему в последние годы, проведенные в Москве. Он часто смеялся, по первой же просьбе пел старые красноармейские песни, смешивал «манхэттены» в домах друзей, охотно участвовал в дискуссиях на самые разные темы. Но какое-то время спустя красноречие Баранова начало давать сбой.

Даже полуслепой, Суварнин видел, что происходит. И с нетерпением ждал великого дня. Заранее написал более чем трогательное эссе, вновь, как и в Москве, воспевающее гений своего друга.

Как-то утром, после того как Алла уехала в город и в доме воцарилась тишина, Баранов зашел в комнату Суварнина.

— Я хочу, чтобы ты заглянул в мою мастерскую.

По телу критика пробежала дрожь. Пошатываясь, он вслед за Барановым пересек подъездную дорожку, разделявшую дом и амбар, который Баранов переоборудовал в мастерскую. Подслеповато щурясь, долго смотрел на огромное полотно.

— Это, это... — смущенно залепетал он, — это потрясающе. Вот, — он достал из кармана несколько сложенных листов. — Прочитай, что я хочу сказать по этому поводу.

Дочитав хвалебное эссе, Баранов смахнул с глаза слезу. Потом шагнул к Суварнину и поцеловал его. На этот раз прятать шедевр не было никакой необходимости. Баранов осторожно скатал холст, положил в футляр и в сопровождении Суварнина поехал к своему арт-дилеру. Однако по молчаливой договоренности ни он сам, ни Суварнин ничего не сказали Алле.

Двумя месяцами позже Сергей Баранов стал новым героем мира живописи. Его арт-дилеру пришлось натянуть бархатные канаты, чтобы сдержать толпы, жаждущие взглянуть на зеленую ню. Эссе Суварнина оказалось бледной тенью тех похвал, которыми осыпали Баранова другие критики.

На открытии выставки американского искусства, которую показали в Нью-Йорке, прежде чем отправиться за океан, Баранов купался в лучах славы. Его фотографировали во всех позах, со стаканом «манхэттена», жуящим канале с колченогой семьей, беседующим с женой посла, в окружении поклонников взирающим на свой шедевр. Он вознесся на сияющие вершины, и если бы в полночь за ним пришла Смерть, умер бы счастливым. Более того, оглядываясь на тот вечер, Баранов горько сожалел, что он не стал в его жизни последним.

Ибо лишь неделей позже, в конгрессе, член палаты представителей, зорко следящий за статьями государственных расходов и разъяренный, по его словам, безответственными проектами администрации, транжирящей деньги налогоплательщиков на то, чтобы выставить это мрачную пародию на искусство на обозрение союзников, потребовал провести полномасштабное расследование всей затеи с выставкой. Законодатель подробно описал главный экспонат выставки, зеленую ню, нарисованную выходцем из России. Картина характеризовалась как вызывающая тошноту мазня, инспирированная коммунистами, оскорбляющая американских женщин, наносящая удар по превосходству белой расы, атеистическая, психологическая, антиамериканская, подрывная, красно-фашистская, из тех, на которые конгрессмены не позволили бы смотреть своей четырнадцатилетней дочери, как в одиночку, так и в сопровождении матери, декадентская, призванная посеять презрение к Соединенным Штатам Америки в душах иностранцев, играющая на руку Сталину в «холодной войне» между Америкой и Советским Союзом, являющая собой пощечину героям берлинского воздушного моста, угрожающая международной торговле, оскорбляющая наших южных соседей. Ее появление следовало назвать культурным гангстеризмом, она стала естественным итогом понижения тре-

бований, предъявляемых к иммигрантам, наглядным доказательством необходимости введения федеральной цензуры в средствах массовой информации и в киноиндустрии, катастрофическим последствием принятия вагнеровского закона о трудовых отношениях.

Далее события приняли лавинообразный характер.

Комиссия палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности повесткой вызвала на свои слушания обоих Барановых, издала распоряжение об установке подслушивающего устройства на их телефонный номер и наняла человека, знающего русский язык, для перевода сделанных записей на английский. На слушаниях выяснилось, что Баранов в 1917, 1918 и 1919 гг. служил в Красной армии, и Иммиграционную службу публично высекли за то, что она разрешает въезд в страну людям со столь темным прошлым. Священники трех вероисповеданий начали сбор подписей под петицией, призывающей правительство запретить отправку картин в Европу, поскольку долгие годы войны и так основательно подорвали основы веры на этом многострадальном континенте. Многие газеты обобщили цитата известнейшего юриста, который заявил, что эксперты современной живописи утомили его и он сам может нарисовать картину почтнее зеленой ню, имея в своем распоряжении ведро краски для стен да кисть оклейщика обоев. Национальный журнал познакомил читателей с мнением психиатра, полагавшего, что нарисовать такую картину мог только человек, с юных лет страдающий из-за того, что мать отвергла его, психически неуравновешенный, с тенденцией к насилию, которая с годами становится все более выраженной. ФБР провело специальное расследование. Его агенты опросили семьдесят пять друзей Баранова и выяснили, что пара получает по подписке «Клуб «Книги месяца», «Дом и сад» и «Дейли ньюс» и часто говорит на русском в присутствии слуг.

Руководимая коммунистами группа борцов за гражданские права провела массовый митинг по сбору средств в поддержку Барановых, которые, однако, не пожелали иметь с ними ничего общего. Борцы, в свою очередь, не пожелали иметь ничего общего с Барановыми и потребовали депортировать их в Россию.

Министерство финансов, привлеченное поднявшимся шумом, проверило налоговые декларации Баранова за пять последних лет, обнаружило некоторые неувязки и прислало счет на восемьсот двадцать долларов, недоплаченных ранее. Новая, более тщательная, ревизия документов на получение американского гражданства, поданных Барановыми, выявила, что миссис Баранова солгала, указывая свой возраст.

Поднятая волна праведного гнева не обошла стороной и Аллу Баранову. Из-под ее руководства последовательно вывели отделы политики, медицины для женщин, моды, наконец, заботы о подрастающем поколении, после чего разрешили подать заявление об уходе.

Баранов все это время пребывал словно в густом тумане, более всего страшась долгих риторических порок, которым подвергала его жена с полуночи до восьми утра. Иногда, закрывая лицо воротником пальто, он шел в галерею, где до сих пор висела картина, и долго смотрел на нее с печальным недоумением во взгляде. А когда директор галереи отвел его в сторону и не без сочувствия сообщил о том, что в силу сложившихся обстоятельств власти решили расформировать выставку и не посылать подготовленную коллекцию в Европу, Баранов заплакал.

В тот же вечер в одиночестве, сторбившись, он сидел на деревянном стуле посреди холодной мастерской. Шторы задернул, потому что у соседских мальчишек вошло в привычку бросаться камнями по движущимся в окнах тениям. В руке Баранов держал маленький атлас мира, раскрытый на карте Карибского моря и Центральной Америки, но не смотрел на него.

Дверь открылась, вошел Суварнин. Молча сел на другой стул.

Наконец Баранов заговорил, не глядя на давнего друга:

— Сегодня я заходил в галерею, — голос дрожал. — Долго смотрел на картину. Может, это плод моего воображения, но вроде бы я заметил нечто странное.

— Что именно?

— Внезапно картина мне кого-то напомнила. Я думал и думал, кто бы это мог быть. И только теперь понял Суварнин, — он повернулся к критику. — Суварнин, у тебя не сложилось ощущения, что женщина на картине где-то похожа на мою жену Аллу?

Суварнин какое-то время молчал. Задумчиво закрыл ослепленные кино глаза, потер нос.

— Нет, — твердо ответил он. — Ни в малейшей степени.

Баранов чуть улыбнулся:

— Ты меня успокоил. Для нее это был бы ужасный удар, — он устоялся на маленьких красные и синие страны, омываемые теплыми водами, греющимися под ярким солнцем.

— Суварнин, ты бывал на Карибах?

— Нет.

— Интересно, — Баранов не отрывался от карты, — какие фрукты человек может рисовать в Коста-Рике?

Суварнин вздохнул, поднялся:

— Пойду собирать вещи, — и скрылся за дверью, оставив Баранова в холодной студии. Художник по-прежнему разглядывал яркую карту.

Перевел с английского Виктор ВЕБЕР

Олег Добродеев

в стиле «благородная бедность»

Про Добродеева говорят: человек-ящик.

Не только в том смысле, что закрыт и недоступен влияниям, но и в том, что всю жизнь свою вложил в телевизионный «ящик», вне которого ничем не интересуется.

Это не совсем так. Более того: думаю, что и телевизор для него в конечном счете — лишь способ решения каких-то своих чрезвычайно важных внутренних проблем, но о них он не расскажет действительно никому

Его работа — что на «Вестях», что на НТВ, что во главе холдинга ВГТРК — напоминает служение, и никакие деньги не могут послужить стимулом, чтобы человек так гробился. Нужна какая-то вера, причем не общая, глубоко личная. Эту загадку так или иначе чувствуют в Добродееве все.

Вот почему его переход из «Медиа-МОСТА» в государственный холдинг, на нереформируемый, казалось бы, второй канал, — вызвал куда меньшую волну критики и спекуляций со стороны бывших коллег, чем мог бы. Даже газетчики, за ничтожным исключением, целомудренно промолчали. Всем было понятно, что, если уходит Добродеев — у которого на НТВ было все, о чем может мечтать телевизионщик, — значит, у него есть на то серьезные причины. Не финансы и не соблазны власти. А поскольку ситуация в конце прошлого и начале этого года была еще очень и очень шаткой, говорить о бегстве в видах личного спасения тем более неуместно — особенно если учесть, что и Киселев, и Малащенко, и Сорокина исправно себе работают где работали, и даже с Кохом проблем больше нет.

Сказать, что за год Добродеев сделал из РТР лидера отечественного вещания, значило бы сильно приукрасить действительность. Но он что-то сделал на РТР — это само по себе подвиг, и спорить тут трудно. Канал мало-помалу обретает если не лицо, то контуры. На его счету несколько принципиальных удач. И если Добродееву дадут проработать еще год, власть может получить телевидение, за которое не стыдно.

— Олег Борисович, вопросы будут временами неприятные.

— Чем больше, тем лучше. Приятных вопросов журналист задавать не должен.

— Для начала. Я хорошо понимаю, чем вы рисковали, переходя на государственное телевидение: все ошибки и промахи Путина — а они неизбежны — припомнит его сторонникам многократно. Российская ситуация такова, что оппозиция права и белоснежна по определению. С января вам часто приходится себя укорять за то, что вы возглавили ВГТРК?

— Этот год был самым трудным в моей жизни. По большому счету мне не в чем себя упрекнуть. И нет ощущения, что я ошибся, приняв это предложение.

— От кого конкретно оно исходило?

— Я не хочу, как это вошло уже в привычку у многих наших коллег, рассказывать обо всех своих контактах, включая конфиденциальные. Так вот, за этот год было много всякого — но роковых ошибок власть, на мой взгляд, не совершила. У меня не было оснований пересматривать отношение к ней.

— А гимн? «Курск»?

— С гимном все не так просто, хотя лично я не сторонник музыки Александра. У меня другие музыкальные вкусы. Но я понимаю, что в сегодняшней российской политике без компромиссов решений нет. С «Курском», напротив, если не все, то многое понятно. Я этим вопросом много занимался для себя, именно чтобы понять ситуацию. И могу сказать твердо: Путин критиковали незаслуженно, часто — спекулятивно. Я был с ним в Видзеве, видел, как он встречался с родственниками погибших, и сомневаюсь, что в правительстве России — а может быть и в самой России — был другой человек, способный выдержать такую встречу.

— Ничего не знал об этой вашей поездке. — К чему было ее афишировать? Это была рабочая поездка.

— Но если вы там были — почему никто не организовал ни телевизионной трансляции, ни хоть сносного сюжета оттуда? Почему стенограмма попала в «Коммерсант-Власть» полулегальным образом?

— Трансляции не было по просьбе вдовы командира. Вести запись никто не запрещал — диктофоны были и у многих флотских офицеров, и у журналистов. Я не видел, чтобы их отбирали или пронесли под полкой. Но вообще — я не уверен, что телевидение должно показывать все. Оно и так показывает слишком многое. Мы уже превратились в «Большого брата». И учителя жизни и соглядатель одновременно.

— И это говорит Добродеев?

— Добродеев. Мы были очень навязчивы и брали на себя слишком многое.

— Вы уже в августе знали, что во всем виновата протечка в толстой торпеде?

— Нет, конечно. Я и сейчас не думаю, что это явилось причиной трагедии.

— Да уж все уверены, по-моему.

— Не спешите. «Курск» обязательно поднимут все равно. Это произойдет летом будущего года, вероятно в июле. И значит, все лето опять пройдет под знаком «Курска». Но это обещано и будет сделано. Правда, поднимут его по частям — распилят на три-четыре части и поднимут. Тогда причина катастрофы будет ясна. Разговоры о том, что Попов или Куроедов знали и скрывали причину катастрофы, — ложь. Не знали. Кстати, они сами хотели уйти в августе.

— Вы читали целиком записку Колесникова?

— Нет.

— Уходя с НТВ, один высокопоставленный сотрудник «Медиа-МОСТА» сказал, что делать профессиональные новости на канале стало невозможно. В условиях конфронтации, жесткой оппозиции власть не дает никаких сведений. Информация попадает только к лояльным СМИ. Это правда?

— Вы об этом можете судить сами: журналистский кремлевский пул работает в прежнем составе. НТВ снимает в Кремле. Только что я с интересом посмотрел выступление Игоря Иванова в прямом эфире НТВ. Другое дело, что чиновники зачастую сами решают, на каком канале им выступать или не выступать. И обстановка жесткого противостояния не всегда устраивает их. Лично я знаю в России только одного политика, для которого жесткая полемика — оптимальная среда. Он обожает распылять оппонента, ему так комфортнее.

— Чубайс?

— Да. Остальные предпочитают программы, где им будет комфортно. Не всем нравится опрашиваться или спорить. Обратите внимание, что Сорокин шел все. Фантастический рейтинг «Героя дня» обеспечивался в основном именно его умением доброжелательно или по крайней мере уважительно говорить со всеми. А ведь НТВ никогда не было особенно лояльно к Кремлю. Это иллюзия, что до прошлого года у телекомпаний не было проблем. Однако гости программы чувствовали себя нормально, и появлялись там все. Весь спектр. Если угодно, это и моя цель — я хочу, чтобы на РТР появлялись не только чиновники любого ранга и политики

всех убеждений. Мне было не так-то просто добиться, чтобы у нас регулярными гостями были Лужков, Примаков, Зюганов.

— Что, появление Лужкова вызывало проблемы?

— Когда я пришел на канал, некоторыми он рассматривался как враг номер один. Слава богу, сейчас этого нет. Главное — это непрофессионально.

— Кстати, на НТВ он тогда рассматривался как друг номер один. Гусинский, по-моему, видел его президентом.

— Нет, не думаю.

— Простите, что я об этом спрашиваю. Но ваше расставание с Гусинским обросло такой бородой слухов, что кажется — вы с ним в ту последнюю встречу прошли от поцелуев до драки. Что это было?

— Это был достаточно горький, но вполне корректный разговор о давно назревших разногласиях.

— Вы на «ты»?

— Естественно.

— И что это за разногласия?

— Они касались в основном природы информационного вещания. Меры объективности. Меры влияния на зрителя.

— Манипулирования, хотите вы сказать?

— Влияния.

— И расстались вы без ссоры?

— Мне казалось, что без. Это был для меня очень тяжелый шаг, не скрываю, и уходил я в никуда, как и вообще всю жизнь ухожу в никуда. Из «Времени», из РТР. Я не очень себе представлял, что буду делать. Но уходя, я всегда стараюсь сохранять человеческие отношения. То есть это обязательное условие нормальной работы: есть вещи, через которые переступать нельзя. Если мы не будем общаться, видеться — как мы, на разных каналах, будем работать? Я обычно не рву старые отношения, и больше всего меня ранит именно то, что не все к этому так относится.

— Интересно, а вот с Киселевым вы можете сейчас созвониться, посоветоваться?

— Увы, нет. Иногда жизнь разводит.

— Как по-вашему, у Гусинского есть еще надежда помириться с государством?

— Что вы имеете в виду под государством?

— Государство сегодня — это Путин, по-моему.

— Спорная точка зрения, слишком однозначная. Если говорить лично о Путине — по-моему, Гусинский на каждом новом витке борьбы полагал, что есть обратный путь, что все можно отыграть. Путин, по-видимому, с какого-то момента думал иначе.

— Как вы узнали о его аресте?

— Я был в Ростове по делам холдинга, занимался делами региональных компаний. Узнав об аресте Гусинского, в первый момент не поверил. Тогда же мне дозвонилась одна знакомая журналистка, спросила, что я об этом думаю. Я сказал, что ничего не знаю и должен для себя прояснить ситуацию, сделать несколько звонков. Разговор, разумеется, был доверительный. Она его дала в эфир.

А вообще — конечно, я считаю, что это не способ разрешения конфликтных ситуаций. Вас интересует, одобряю ли я арест Гусинского? Нет, не одобряю категорически.

— А какая ситуация разрешалась? Вывод активов или политическая несговорчивость?

— Я не уверен, что телевидение должно показывать все. Оно и так показывает слишком многое. Мы уже превратились в «Большого брата». И учителя жизни и соглядатель одновременно

— Я не берусь ответить на этот вопрос. Тот, кто знает механизмы принятия решений в России, никогда не дает однозначных ответов. Но думаю, ключевую роль играла позиция прокуратуры. Точно так же, как в нынешней ситуации в Испании.

— Вы историк по образованию. У вас нет чувства, что вы — при всей вашей бешеной деятельности, мотивы которой мне не совсем понятны, — делаете все-таки мертвое дело? То есть Империя все равно распадется, мы живем в Риме эпохи упадка.

— Нет, именно как у историка у меня такого ощущения нет. Я сейчас езжу очень много, больше, чем когда-либо. Уверю вас, у нас две страны — Москва и Все Остальное. Они очень разные. И центробежных тенденций в России сейчас как раз меньше, чем центростремительных. За этот год в холдинг должны войти Татария и Башкортостан — это о многом говорит. Нет, пока страну крепко держат — «ЕЭС России», газ, железные дороги. Не в последнюю очередь телевидение. Если не в первую. Убежден, что без единого телевизионного пространства страна рухнет.

— А есть у вас сейчас какие-то приоритеты в смысле информации? Что вы в первую очередь дадите в эфир?

— Сейчас информационные программы стали очень похожи, три первые строчки практически у всех одни и те же. В любом случае я предпочту информацию с мест легкомысленному или провокативному высказыванию какого-нибудь политика, мелкопартийного лидера. Особенность нашего времени в том, что происшедшим считается только показанное по телевизору. Так вот: я обязательно дам в эфир информацию о том, что в том же Ростове открылся новый суперсовременный театр. Губернатор Чуб такой памятник себе построил, и очень хорошо, и прекрасно! Уже после дефолта, кстати. Лучший на сегодня зал России.

— А жить в этом Всем Остальном, в этой внесмоковской России вы смогли бы? Находить общий язык?

— Да я как-то не испытываю проблем с общим языком. Да, смог бы, запросто.

— Вот интересно, вы занимаетесь тысячей дел. Я тут сижу, а у вас за это время раз двадцать прозвонил мобильный телефон.

— Правильно, я его никогда не выключаю. У меня давление повышается, если он выключен. Начинаю думать — вдруг что-то случилось, а я не знаю.

— И что, вы в детстве мечтали о такой жизни?

— Естественно, нет. Такой профессии не было. На телевидение вообще попадают люди, менее всего к этому приспособленные. Поделюсь с вами собственной формулой, давно сложившейся и практически безошибочной: на телевидение идут и добиваются чего-либо только те, у кого к этому нет никаких данных. Ну, почти никаких. Пластичные и фотогеничные красавцы ко всему относятся тошно, вяло, спустя рукава: у них все есть от природы. Человек, которому не дано ничего, кроме пламенного мотора и бешеных амбиций, начинает подзабиваться — и достигает высот.

— Да, вы действительно производите впечатление человека мягкого и книжного.

— Я и есть. И в детстве такой был. Я люблю тратить деньги только в букинистическом

магазине, это мое главное развлечение, а хобби — история девятнадцатого века. Но кто попал на телевидение — все, у тебя нет личного времени, твоя жизнь всецело подчинена распорядку... которого, к тому же, нет, потому что тебя могут сдернуть с постели в полночь, ты можешь улететь куда угодно в любой момент.

— И зачем вам это?

— С годами перестаешь себе задавать этот вопрос. Попал в это колесо — все, крутись.

— Но вам ведь без него будет не выжить, без колеса-то.

— Я все последнее время об этом думаю. Вечных менеджеров не бывает. Менеджер должен думать о том, что вот он пришел и вот уйдет, и должна быть какая-то дельта, разница между состоянием компании до и после него. Хорошо бы наличествовали перемены со знаком плюс. Я знаю, что со временем останусь без всей этой суеты. Тогда я буду преподавать. Скорее историю, чем журналистику.

— На истфаке тогда, насколько я знаю, учились почти весь нынешний бомонд.

— Ну, не весь. Учился Володя Кара-Мурза, мой ближайший друг тех лет, с которым у нас сохранились очень хорошие отношения. Кара-Мурза едва не вылетел с пятого курса, я тогда голосовал против исключения, и даже какое-то взыскание на меня наклеили. Но его судьбу это здорово изменило, он пошел в репетиторы, стал отличным историком-практиком. Не говоря уж о том, что у него тогда выработались весьма радикальные взгляды. Большинство из нас в 1983 году смотрели на вещи не так радикально, а уж предполагать, что это все скоро рухнет.

— А по-моему, этим пахло.

— А по-моему, и в середине восьмидесятых такими переменах не пахло, которым мы были свидетелями потом. Очень внезапно все случилось, почему большинство из нас и оказались в неожиданных, непредсказуемых сферах. Я, например, — в международном отделе программы «Время», вместе с Осокиным и Митковой. Вот там действительно был весь нынешний телевет.

— Но ведь вы все были в той истфаковской компании, что называется, детки. Золотая молодежь. Небось правы были.

— Слушайте, это совершенно не соответствует тому, что было, — все эти разговоры про снобизм той университетской молодежи. Не ехать на картошку считалось плохим тоном. Не быть на военных сборах — последнее дело. И потом, чьи детки? Ну да, у нас училась Лена Гагарина, замечательный человек, к слову. Но во-первых — у нас был огромный рабфак, флотский набор, а во-вторых — мы все в своем кругу были дети тогдашнего «среднего класса». Мой отец — сценарист. Мать всю жизнь проработала в Госкино. Отец будущей жены — Марины — преподавал там же, в университете. Дед Кара-Мурзы был из товарищества «Среда» — помните, телешовское? С Горьким был знаком, библиотека дома такая, что закачаешься, и любимое развлечение наше было — ставилась на стол трехлитровая банка пива, назывались страница и строка в Брокгаузе и Ефроне, и надо было тогда называть пять слов в параграфе. Книжки читались соответствующие, самиздат широко ходил. Верноподданничество не поощрялось. Стучали, естественно, некоторые — но, как я

теперь понимаю, все-таки очень немногие стучали. Процент порядочных людей был восхитительно высок.

— В вашей тогдашней компании сильно пили?

— Пили, как всегда. У Кара-Мурзы наверняка хранятся несколько фотографий. Попросите, может, он даст. Но я ни разу в жизни не напился до потери памяти — не знаю, может, это недостаток страсти или избыток самоконтроля.

— У вас вообще довольно чистая биография. Скажем, вы сами признали, что за вами и вашей семьей была слежка со стороны охранных структур «МОСТА», но сколько ни ищу в Интернете — не могу найти ничего действительно серьезного на вас.

— Компромат на каждого относительно влиятельного человека сорока лет от роду существует обязательно. Даже если на самом деле его и нет.

— А сколько вам?

— Сорок один. А вообще большая глупость — все эти слезки. Приznak слабости. Я не стал бы об этом говорить вообще. Просто, давая то интервью, я был задет одной публикацией. Ее сделал человек, которого я уважал, которого считал другом. В журналистике было хорошим тоном грубо не подыгрывать тому, кто платит деньги.

— Интересно, а у вас вообще — при таком графике работы — есть хоть какая-то потребность в... личной жизни?

— Представьте, есть пока.

— Поскольку больше о личном, как я понимаю, из вас не вытянешь, давайте уж лучше о Кремле. Как по-вашему, сегодняшний Кремль более открыт или более закрыт, чем год назад?

— Думаю, что количество контактов Пути-на на несколько порядков выше, чем количе-

ство контактов Ельцина. По многим причинам. Путин может позвонить напрямую, чтобы проверить какой-то факт, вам многие редакторы это подтвердят.

— Вы можете дать ему совет?
— Не хочу отвечать на этот вопрос.
— Но мне, например, известно, что на 20 декабря предполагался большой концерт ко Дню чекиста, с телетрансляцией.

— Откуда вам это известно?
— Да это не тайна, и прецедент был, по-моему.

— Прецедента не было. Да, концерт будет. Телетрансляции не будет.

— Это ваше решение?

— Не только.

— А по вашим ощущениям, во власти вообще много сейчас так называемых ястребов? Вот Сергей Иванов, например, секретарь Совбеза.

— Иванов совершенно не ястреб. Я много общался с этим человеком — в том числе когда возвращался из Видяева. Тогда я и увидел, до какой степени он потрясен. Думаю, это один из ближайших к Путину людей. Но он мыслит очень широко. Ничего диктаторского.

— Как вы отреагировали на пожар на телебашне?

— Вот видите след на руке, под часами? Памятка на всю жизнь. Когда горела башня, я с ужасом понял, что телевидение действительно конечно. Что оно может кончиться.

— И что без него можно обходиться.

— Нет. Сегодня обходиться без него — значит потерять ощущение жизни своей страны. Да и мира. Но ситуация с башней так или иначе пора было решать. Уверяю вас, сейчас российское телевидение — все, не только ВГТРК, — стоит на пороге очень больших решений. Через два-три года все будет другое.

— Вы не можете не видеть, что без своего хорошего политического ток-шоу, сравнимого по остроте с «Гласом народа», конкурировать с НТВ вам очень трудно.

— Знаете, сколько стоит студия для «Гласа народа» и сколько времени она делалась? И хорошо, что не знаете. Семен Левин потратил на нее год. Мы сегодня работаем в стиле «благородная бедность». И ток-шоу Николая Сванидзе — которое выходит в прямом эфире, и я считаю его серьезным достижением канала, — вынужденно делается пока в этом же стиле. Но у нас будет такая студия. И будет свое ток-шоу. И прямого эфира будет много. Знаете почему? Потому что он исключает заданность. У меня есть еще одна формула — берите, дарю, подкреплено некоторым опытом. Если вы подходите к прямому эфиру с заранее подготовленной концепцией, у вас все получится ровно наоборот. Исключений практически не было. Вспомните встречу нового 1994 политического года или поединок Чубайса с Явлинским. Так что я люблю прямой эфир.

— Вообразите: к вам на канал попросился Доренко.

— Насколько я знаю, Сергей будет на другом канале. Он не способен работать в бесконфликтной среде. Ему необходим образ врага, и от этого врага его уже не оттащишь. Нет, мне на канале такая атмосфера не нужна.

— Я слышал, что вы многих выгнали.

— Многих. Некоторых трудоустроил, некоторых, к сожалению, нет. В «Вестях» было 700 человек, осталось 350.

— И остальные 350, насколько мне известно, написали на вас донос.

— Да, довольно забавный такой документ. Насчет того, что на канале всем заправлять стали Мамонтов и Масюк, известные своими антинародными взглядами.

— Наверху не озаботились?

— Нет.

— Может эффективный менеджер — даже защищающий свободу слова — не быть диктатором?

— Не знаю. Не думаю. То есть я не диктатор, но... и не самый большой либерал.

— И все-таки, если уж вас называют королем информации.

— Я не люблю, когда меня так называют.

— Все равно: дайте рецепт успеха.

— Нет рецептов. Есть одно правило: находить золотую середину между обязательствами и чувством внутренней свободы.

— На телевидение идут и добиваются чего-либо только те, у кого к этому нет никаких данных. Ну, почти никаких. Человек, которому не дадено ничего, кроме пламенного мотора и бешеных амбиций, начинает подзаводиться — и достигает высот

Петроффа, даффай!

Как-то так получилось, что из всех русских в Америке больше всего прославляются Петровы. Один Петров, мультипликатор, Оскара получил. Теперь вот гражданка Петрова попала на первые полосы нью-йоркских газет

До Нью-Йоркского марафона о Людмиле Петровой не знали ровным счетом ничего даже самые внимательные спортивные журналисты. Она бегала себе посредственно по разным длинным дистанциям, мучила ноги, а в свободное от работы время наверняка плакала в подушку в своем родном Новочебоксарске, пока муж на работе зарабатывал потом и кровью на очередные ее тренировки. Тоска тоскущая одолевала Людмилу Петрову, и чтобы забить эту тоску, чувашская спортсменка много бегала — каждый день по 20 километров отмахивалась с утра и по 10 после обеда. Форму таким макаром поддерживала, потому что, когда бежишь, голова свободна от мыслей и от тоски.

Но потом Людмила Петрова подумала: нет, не может так дальше продолжаться! Ей уже тридцать два года, пора встряхнуться и что-нибудь выиграть — и поехала в Нью-Йорк выигрывать самый известный в мире марафон, в котором участвуют больше 50 тысяч спортсменов. Муж, конечно, поспроптивался немного, денег ему жалко было напрасно на дорогу тратить, не верил, значит, он в жену свою, но с русской женщиной спорить бессмысленно, потому что русские женщины очень хорошо умеют ставить перед собой цель. Обычно они этой цели добиваются или, в крайнем случае, заканчивают жизнь самоубийством.

Людмила Петрова ко второму методу не прибегла, потому что благополучно оббежала всю пятидесятипятисотую толпу и стала первой русской спортсменкой — победительницей всемирно известного марафона в Нью-Йорке! Как настоящая русская женщина, Петрова вначале не поверила в свой успех, а потом расплакалась от счастья, а потом на пресс-конференциях стеснялась и всех-всех-всех в мире благодарил за свой успех, и даже мужа не забыла.

Муж же Петровой тем временем в Новочебоксарске приклеился мокрыми от наплывающих слез глазами к телику, тыкал в него пальцем и настойчиво твердил детишкам: «Вот... мамка... победила! Звезда она теперь! Мировая! Ее, вишь, даже по ТВ центральному показывают!

Я ведь говорил ей — езжай, мол, Людка, выиграй марафон в Нью-Йорке!»

Американцы посмотрели на Петрову, оценили ее русскую скромность и стеснительность и подарили много подарков за первое место: 90 тысяч долларов подарили, машину американскую подарили, а также символический ключ от Нью-Йорка. Уговаривали такую талантливую остаться на несколько дней еще погостить, отдохнуть, но Людмила с истинным русским женским негодованием воскликнула: «А как же дети? Муж как же?» И обалдевшие американцы отпустили ее домой, в Россию, готовить супы для семьи.

Людмила договорилась встретиться со мной в десять утра, как раз когда пробежка утренняя заканчивается, а я Людмиле Николаевне предложил себя пораньше, чтоб сфотографировать ее в бегущем виде. Пришел, а тренировки не случилось: у нее с ногой что-то, растянула, наверное, вот теперь тренироваться, говорит, неделю не сможет. Жалко. Пусть бы бегала.

Следует отметить, что Людмила Петрова не посрамила чести русской женщины и после величайшей победы русского духа в Америке осталась такой же скромной, стеснительной и трудолюбивой. Она так же бегает по утрам «двадцатку», а после обеда «десятку», только вот стала очень деловой и занятой после победы, и мужа слегка приручила. Муж ее, мелкий бизнесмен-торговец, на деньги которого семья жила до победы, теперь стал послушным, он выполняет все функции по дому, потому как у героини на это нету времени, ей тренироваться надо, чтоб еще побеждать. Муж теперь варит, посуду моет, детей выгуливает, а иногда даже стирает.

Он даже немножко подзабыл о своем мелком бизнесе в ожидании подаренных, но еще не полученных девяноста тысяч долларов. Оказывается, когда американцы дарят тысячи, должно пройти еще пару месяцев, пока они придут, поскольку пока налоги там с них вычтут, пока маленько в американских банках прокрутят. В общем, в начале XXI века Петрова

— ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ КИЛОМЕТРОВ — ЭТО ОБЫЧНО САМОЕ ТЯЖЕЛОЕ В МАРАФОНЕ. НОГИ СТАНОВЯТСЯ ВАТНЫМИ, ДЫХАНИЕ СМЯЧАЕТСЯ, ГОЛОВА ИНОГДА ДАЖЕ КРУЖИТСЯ. А ТУТ Я БЕГУ ЕЩЕ ПЕРВЫЙ

рассчитывает наконец получить укороченную налогами сумму американских долларов.

— Ну ладно, Людмила Николаевна, — говорю я, — не будем о грустном, расскажите лучше, как это у вас вдруг ни с того ни с сего получилось Нью-Йоркский марафон выиграть?

— То-то и удивительно! Я ведь до этого никогда ничего не выигрывала, обидно было. И за день до забега я посмотрела стартовый лист. Ну, думаю, главное не победа, а участие! Там ведь были... суперзвезды мирового марафона! Кенийка там была, Лорупе, — она рекордсменка мира! — японка Аримори, Фьяккони из Италии. Вам, может быть, эти имена ни о чем не говорят, но это же кумиры мои в марафоне! А уж обогнать их — об этом как-то даже не думалось. Состав сильный, думаю, в шестерку попаду — хорошо, главное — по «личному» пройти, то есть побить свой собственный рекорд, а уж обогнать других.

Все получилось как-то само собой. Итальянка как побежала на всей скорости — ну, я и за ней! Думаю, быстро, наверное, бегу слишком, все позади остались, кучей единой бегут, а мы вот оторвались. Ну ничего, думаю, будь что будет, там видно будет! Бегу, ни на кого внимания не обращаю, только вот иногда по бокам какие-то американцы кричат по-русски: «Петроф-фа, даф-фай!» На двадцать восьмом километре итальянка отстала, у нее там что-то с дыханием случилось, и мы бежали втроем — я, кенийка и китаянка. А потом они как-то сами отстали, я не поняла, в чем дело, бежала дальше. Итак, с 37-го километра бегу одна. Страшно вдруг стало мне тогда.

— А что страшного-то?

— Дело в том, что последние пять километров — это обычно самое тяжелое в марафоне. Ноги становятся ватными, дыхание сбивается, голова иногда даже кружится. А тут я бегу еще первой. Думаю, значит, сил мало на концовку осталось, задохнусь я. А тут еще американцы подсунили какую-то конфету. На каждом пятом километре нам давали водички попить, нормальной такой, чистой, а где-то на тридцатом для поддержки силы еще конфету давали американскую. Они, американцы, сладости любят очень, а я того не знала, вот чуть и не поглатилась, съела — она такая приторная, что у меня в горле все пересохло, тяжело бежать стало.

— Что немцу смерть — русскому повидло. Это я так, к слову.

— ...ничего, выдержала, еле добежала до следующего пункта раздачи воды. Поверила в победу на последней «сотке» (это когда сто метров остается. — С. И.), а так все думала, что вот-вот меня нагонят. Кстати, итальянка могла меня догнать, она в конце сильно прибавила, еще бы пять-сот метров — и не быть мне первой! — скромно вздохнула Петрова и заковыляла на кухню готовить московскому журналисту кофе.

— А как там с вниманием прессы и общественности?

— Ой, этого, конечно, было предостаточно. Всю неделю до марафона и несколько дней после все нью-йоркские газеты о том только и пишут, что о грандиозном забеге, я немного шокирована была, когда после победы попала на первые полосы газет, а фамилия «Петрова» произносилась первым словом в теленовостях. Я английского-то не понимаю, беда это моя, тяжело без него, но вот новости смотрю — вижу себя, что-то там быстро говорят и этак завывают: «Петро-о-о-о!» Удивлялась я и очень радовалась.

Приехала Петрова домой героиней, но жутко уставшей. Утомил ее в финансовой столице мира не сам марафон, а все то, что творилось после.

— На шоу мы у них какое-то важное и популярное заезжали, там за день до того Буш с Гором спорили, а сейчас вот мы стали героями, потом на... эту, как ее?... фондовую биржу. Там утром мы в колокол большой с мексиканцем звонили, то есть официальный рабочий день начинали. Возили к мэру.

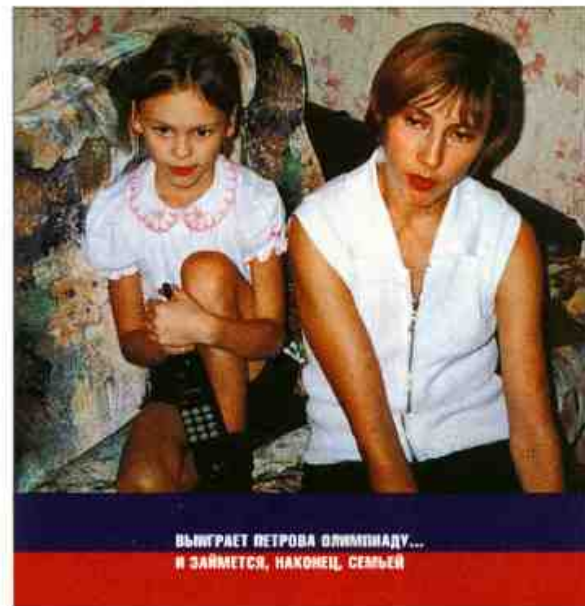
— А зачем?

— Так это он мне ключ символический от Нью-Йорка подарил! Красивый такой! Может быть, в следующий раз,

когда в Америку поеду, мужу и детям легче будет визу оформить, пусть они там хоть английский выучат, а то все тройки в школе получают.

Тут в комнату зашла младшая дочь Саша, у которой некоторые проблемы с английским, улыбнулась во всю ширь круглого лица и стала что-то радостно нашептывать маме на ухо. У Саши, как говорят специалисты, тоже есть некоторая склонность к марафону, она тоже может стать чемпионкой и выиграть Нью-Йоркский марафон, но мама Людмила не хочет отдавать дочку в спорт.

— Простому человеку это не под силу. Это ведь, наверное, самая тяжелая работа — марафон. Помню, когда я впервые пробежала 42 километра, я еле выжила, меня до дому чуть ли не на руках донесли. А чтоб серьезно заниматься, надо нехилое усердие.

ВЫИГРАЕТ ПЕТРОВА ОЛИМПИАДУ...
И ЗАЙМЕТСЯ, НАКОНЕЦ, СЕМЬЕЙ

— В Чувашии вообще много марафонов зарождается, вот Валентина Егорова тоже побеждала, Алина Иванова. Почему именно чувашские марафонки побеждают? — спросил я.

— Это, наверное, национальная черта характера. Марафон — это... ну что-то вроде безнадежного предсмертного вопля, сильного такого. Чувашским женщинам в деревнях жить тяжело, в шесть утра всегда корову доить, все такое, поэтому и рождаются главные качества, которые нужны в марафоне: терпимость и страшная, просто почти нечеловеческая сила воли! Вот, например, возьмем статистику — в Чувашии, например, люди разводятся меньше всего в России. Также ведь терпимость! Заметьте, почти все хорошие спортсменки-марафонки — это деревенские, перетерпевшие всякого в жизни.

— А что надо делать, чтобы быть хорошей марафонкой, кроме того, что быть чувашкой?

— Ой, так тут все сложно. Тут целый комплекс! Надо и тренироваться каждый день, и питание специальное нужно. Белки вначале нужно отдельно набирать, потом углеводы, и все по отдельности! Ну понятно, что фрукты-овощи надо есть. А в Америке были — там вообще никаких условий для марафонов создано не было. Мясо там какое-то... насквозь химическими добавками пропитано, вкуса даже не чувствуешь, яблоки — выглядят вроде красиво, спело, а откусишь — никакого фруктового вкуса! Поэтому перед стартом мы ели свое, домашнее. Обычно перед стартом надо поесть каши простой, а в Америке кашку не едят, мы ее из дому специально привезли.

У Петровой теперь в спортивной жизни осталась только одна мечта — выиграть Олимпиаду. И освободить мужа от тяжелого труда готовить обеды, стирать и ухаживать за детьми. И заживут они, наконец, как люди. Устала уже Петрова от славы.

**Фитнесс
для**

вице-спикера

Существуют два десятка известных всей стране женщин, от которых наши соотечественники любят получать советы. Может быть, и не очень любят, но получают регулярно. Их спрашивают о многом: как при такой бешеной жизни им удается оставаться женщинами/сохранить семью/мужчину/фигуру или лицо? В той или иной ситуации. Как правило, они от нас своих мыслей не прячут и на предложенные темы охотно размышляют.

Вот именно размышляют. Потому что никто ни разу не попросил их ПОКАЗАТЬ, КАК они всего этого добиваются. Ирина Хакамада, единственная из этих мыслительниц, не отказалась показать на себе, как это делается: она пригласила вашу корреспондентку на свою ежедневную тренировку в спортклуб

Когда я вошла в зал, Ирина уже бежала по тренажерной дорожке. По скромным моим прикидкам, километров пять она уже пробежала. Ничего не осталось другого, как пристроиться рядом.

— Держите спину, а то не будет никакого эффекта, — предупредила Ирина, когда я встала на соседнюю беговую дорожку.

— Кстати о спинах, за спиной успешного мужчины обычно стоит сильная, выдающаяся женщина. А кто стоит за вашей спиной?

— Ох. Если бы за моей спиной что-нибудь сильное стояло, то, наверное, было бы намного легче. За спинами женщин чаще всего никто не стоит. Ну, кроме семейной поддержки, это понятно, семья поддерживает — уже легче. Но с точки зрения команд и финансовых кругов, здесь все тяжелее.

— А что вам в жизни давалось с трудом?

— Мне с трудом удавалось и до сих пор удается заставить мужское сообщество считаться с женщиной в политике. Это делается каждый раз в надрыв. Нужно на пределе сил продемонстрировать свой характер и последовательность, чтобы заставить уважать и считаться с вами как с профессионалом.

— И сколько лет вы на это «убили»?

— Семь лет, с 93-го года, но я не считаю, что уже все доказала. Это остается на уровне подозрительности, какого-то древнего инстинкта мужского сообщества. И заключается в следующем. Во-первых, считается, что женщина изначально глупа, баба — она курица. Как это было у мужчин в голове, так и осталось, только завуалировано вежливыми фразами.

Во-вторых, если женщина-политик как женщина не похожа на топорик от топора, имеет еще какое-то обаяние, то в этом случае возникает второй штамп — она не серьезный работник, потому что невозможно якобы быть симпатичной и серьезной одновременно. И вот эти два предубеждения, тупых комплекса, они, конечно, мучают страшно, и преодолевать их в сегодняшней политике почти невозможно. Есть только надежда, что придут новые политики, новые девушки, молодые женщины — и лет через двадцать-тридцать эта ситуация изменится.

— У вас близкие подружки есть? У умных и красивых женщин обычно с подружками проблемы!

Наталья ДЮКОВА, Александр БАСАЛАЕВ (фото)

— Вы правы. Близкие подруги у меня есть, и я с ними даже иногда езжу отдыхать. Они меня видят очень редко, слышат очень редко, они обнимаются. Дружба — это тоже работа и взаимное уважение друг к другу, и меня дружба мучит тем, что даже когда я хочу расслабиться, посидеть спокойно и пообщаться, то все равно разговор скатывается на политику, спрашивают, зачем вы там, в парламенте, очередной зоопарк устроили и чем этот ваш Шандыбин хуже, чем Марычев? Конечно, это все надоедает. Так и хочется сказать: поговорите со мной о чем-нибудь другом. Подруги есть, но их немного. Вообще, чем мы взрослее становимся, тем друзей труднее приобретать... лучше сохранить старых. А старых сохранить тяжело. Потому что я очень занята.

— Но бывает же так, что вы дома что-то приготовите, народ позвонит...

— Очень часто. К нам приходит огромное количество народу, но приходят, скорее, приятели. Мы приятны друг другу. У нас даже есть общие темы. Чаще всего это политологи или журналисты. Или художники. Но это не дружба. Это — приятельские отношения, которые в моде в Москве. Во всей России все очень много ходят друг к другу в гости, а в Москве вообще все общество достаточно сословно перепутанное, и все друг с другом общаются — через различные клубы, мы вместе справляем дни рождения и Новый год, но это все, конечно, не дружба в чистом понимании этого слова. Дружба... это почти как любовь.

— Взаимные обязательства, а не посиделки.

— Ну конечно. И, как правильно и гениально кто-то сказал, в дружбе самое сложное — пережить успех другого. А все считают, что дружба и ее основной критерий — это когда люди умеют друг другу сочувствовать. В России традиционная привычка: сочувствует — значит любит, и если вас спрашивают, как у вас дела, то лучше не говорить, что у вас все хорошо. В отличие от Америки, наоборот, нужно долго и нудно жаловаться. Тогда вас будут жалеть и станут относиться к вам хорошо.

— И люди потянутся...

— Потянутся: «Вот и у меня тоже все плохо, а у подружки — еще хуже, ну и слава тебе, Господи». А вот если у вас что-то движется, то это застилает другие проблемы. На этом и проверяется дружба.

— А бывает так, что вам кто-то в двенадцать ночи звонит и изливает душу?

— А как же! Подруги — в любое время. Иногда звонят и совсем малознакомые люди. Может быть, это связано с тем, что я женщина. Однажды в Новосибирске совершенно незнакомый мне до этого предприниматель изливал мне душу. Начал с бизнеса, а закончил тем, что мучит его в личной жизни, в семье, и я все это выслушивала...

— Как психоаналитик...

— Да, и это нормально, бизнес — достаточно закрытая сфера, общение у них в очень узком кругу, и женщина-политик вызывает у них особое доверие. И вообще в России есть такая человеческая традиция: в поезде, в самолете могут вам излить всю душу, потом расстаться — и больше вы никогда не увидите. Мы очень откровенное общество, и в этом наше определенное преимущество.

— А у вас бывало такое желание — излить душу?

— Я вообще очень открытый человек, и всем, что я переживаю, мне обязательно нужно с кем-нибудь поделиться. Чаще всего муж является спасителем моей души и состояния духа. А раньше я все изливала подругам. Теперь я этого не делаю. Наверное, потому что последняя моя попытка сделать это продемонстрировала, что меня не слышат. Этот образ «успешной Ирины Хакамады, которая где-то очень высоко», заслоняет какой-то другой человеческий пласт. Меня в принципе слушают. Но не слышат. Жизнь сейчас, видимо, у всех настолько тяжелая, что все погружены в себя. У всех моих подруг жизнь тяжелая. Это по-

коление, которое на изломе, — сорок, сорок пять лет. Женщины в этот момент переживают огромное количество стрессов, связанных с возрастом. Огромное количество проблем в семьях, участились разводы или назревают семейные кризисы. Одинокие, у меня есть такие подруги, мучатся тем, что сами вынуждены зарабатывать деньги и воспитывать детей. Очень тяжело, когда нет уверенности в завтрашнем дне.

— Вы никогда не пользовались своим женским обаянием в служебных целях?

— Ну... так, легко, в качестве некоего инстинкта. Любая женщина, если она женщина, пытается быть обаятельной с партнером, от которого ей нужно добиться успешного результата. Но целенаправленно я этим не занимаюсь. Потому что, когда поднимаешься на определенный уровень, здесь уже «считаются» совсем другие ресурсы. Обаяние здесь уже не играет. Это на первых ступенях, когда большую роль играет случайность, «нравится-не нравится», — тогда что-то может пройти, а серьезное профессиональное окружение заставляет использовать только профессиональные ресурсы.

— Считается, что профессиональная деятельность в политике и общественной деятельности — это сублимация личных отношений. А вам-то чего не хватало, у вас вроде все замечательно?

— Это не сублимация комплексов, потому что иногда легче себя реализовывать все-таки в других областях. Быть политиком, особенно публичным политиком, то есть человеком, обеспечивающим связь между партийной программой и народом, которому нужно объяснить, что мы хотим, почему мы стремимся к власти, — этот политик, модератор, посредник между обществом и своей партией, он фактически реализует абсолютно публичную миссию. Это — некий дар, это не каждому дано — уметь общаться с совершенно разными людьми и на простом языке объяснять самые сложные проблемы. Я в себе это обнаружила, мне это понравилось, и я начала этим заниматься. Как только я почувствую, что это закончилось, что этот дар мне больше не помогает, я уйду, действительно.

— И чем вы будете заниматься, не задумывались?

— Посмотрю. Я задумывалась, и часто. Наверняка это будет бизнес-проект, который будет связан с тем, что я уже умею, и одновременно с зарабатыванием денег.

— Вам не страшно среди мужчин-политиков?

— Я привыкла работать в мужском обществе, и называть это состояние страхом нельзя. Но я всегда готова к очень жесткой борьбе, и от этой готовности я, конечно, устаю. Но я нахожусь в спортивно-боевой форме.

— Это заметно. Сколько мы с вами уже пробежали? Ого! Три километра?

— Не «ого». А пока еще только три.

— А какой спорт вы любите?

— Я люблю играть в теннис, бегать, лучше за городом и по лесу, а не на тренажере, это намного лучше и полезней, люблю кататься на горных лыжах, а еще немножко научилась кататься на роликах.

— И где же вы катаетесь?

— Возле дома. Но у нас очень мало приспособленных для этого дорожек.

— А вы вообще в город часто выходите, по магазинам?

— Почти каждый день. Все, что в доме, все покупается мной — продукты и так, по хозяйству.

— В обычных магазинах?

— В обычных, квыряюсь, как все, выискиваю какой-то нужный стиральный порошок.

— Давайте передохнем. Я тут тоже недавно в магазине квырялась, так там бабушки обсуждали: «Все политики — сволочи, реальных цен не знают, и как они составляют бюджет?»

— Мужчины-политики в магазин не ходят, это точно, а женщины — ходят и борются за то, чтобы цены как-то гар-

монизировать. Но женщины в парламенте мало и их доля падает. И это зависит в том числе от тех же самых бабушек. Наше население, когда избирает, оно ориентируется больше на мужчин, а потом обижается почему-то на женщин. Потому что женщины мало и они заметнее. А на самом деле женщина все-таки больше хозяйка. Она «тащит» дом, кем бы она ни была, хоть президентом.

Мы тем временем покружили по залу, присматриваясь к тренажерам.

— Вот этот тренажер мне нравится. А как на нем занимаются?

— Руки вот сюда. Одну ногу ставите вот сюда, а другой поднимаете этот валик.

— Орудие пыток какое-то. Вы не боитесь выглядеть со стороны несколько, так сказать, чудной? У вас есть имиджмейкер, стилист?

— Нет. Никого нет — ни имиджмейкера, ни стилиста, ни психолога. Как считается, у любого известного политика обязательно эта тройка присутствует. Я не нуждаюсь в стилисте, потому что мне достаточно своего вкуса. Я сама создала нужный мне образ, в котором комфортно себя чувствую. И люди его приняли. Может быть, кому-то он не нравится, но это тоже хорошо.

— А я даже в парикмахерской слышала «постригите под Хакамаду».

— Ну и слава богу. Значит, «пошел» имидж. Психолог мне не нужен по одной простой причине — я ставлю перед собой такие задачи, которых они сами решить не могут. Например, я перед психологом ставлю задачу — чтобы Ирина Хакамада при такой фамилии и своей полуазиатской внешности, при таком тембре голоса и при таких манерах, достаточно интеллигентных, а я человек все-таки воспитанный и культурный, понравилась бы широким массам простых людей. Так, например, как нравится... кто у нас «народная певица»?

— Пугачева.

— Нет, народная. Зыкина! Так вот сделайте так, чтобы меня полюбили, как Зыкину, но при этом я бы осталась Ириной Хакамадой. И, конечно, все психологи ломаются. А имидж можно подправлять периодически, это делается за счет социологических исследований, а постоянного специалиста держать невозможно. У нас все эти профессии стали неадекватно дорогими — неадекватно их профессиональному уровню, потому что, когда начинаешь с ними общаться, понимаешь, что я сама с таким же успехом, а может и большим, могу назвать себя имиджмейкером или психологом.

— Ваш муж не сильно переживает то, что он вас редко видит?

— Он сам редко дома бывает. Поэтому все эти встречи-расставания «как в последний раз» — это даже приятно, это оживляет чувства. А потом, что значит «редко»? Он меня ночью видит. Я дома постоянно ночую. А когда я уезжаю в командировку, это дает возможность поскучать. Он и сам тоже уезжает часто. А субботы и воскресенья мы всегда проводим вместе.

Мы часто удивляемся друг на друга. Мы так жаждем этого совместного уик-энда. А потом, когда он наступает, получается, что два «трупа» лежат — один на одном диване, другой — на другом. Включен телевизор, мы перебиваемся двумя-тремя фразами, обнимаем Машу, она идет спать, потом мы замечаем, что каждые полчаса мы задремываем... дикая усталость. Потом смотрим друг на друга: что мы делаем? Может, встать, взбодриться как-нибудь?.. И опять задремываем. Мы вчера тоже так лежали «трупами» на диванах и перекидывались фразами. Я заваривала тонизирующий чай. Мы его выпили и умиротворенно заснули окончательно. Мой муж занимается бизнесом на фондовом рынке. Там акции скачут с утра до вечера. И у меня тоже стрессы сплошные. Нас, наверное, спасает то, что мы всегда отдыхаем вместе. Когда мы «доходим до руч-

ки» окончательно и понимаем, что поднять эти два «трупа» с диванов уже невозможно, тогда нужно на два-три дня сменить обстановку и куда-нибудь уехать.

— Муж на свои деньги на бирже играет?

— На свои. Он самостоятельный игрок, он не работает ни на какую фирму. Ему так приятнее. А если он проиграет, он отвечает только передо мной. Но риск там страшный. В 98-м году он проиграл. И мы продали квартиру. Все думают, что мы живем такой спокойной жизнью, а народ мается. Мы так же маемся. Потому что, если политик не ворует, на какие деньги он может нормально жить? На эту зарплату, что ли?

— Как вы к проигрышам относитесь?

— Проигрыш — значит, судьба. Надо сосредоточиться и взять себя в руки, найти какой-то новый проект. Мы так живем уже давно. Вся Россия так живет. Всему российскому народу можно уже памятник ставить. Если в эти условия посадить американца или европейца, то он не выживет, свалится с инфарктом уже через неделю. А мы так живем годами. Может, с этим и связана некая ностальгия по прошлому, все-таки там было стабильно, а сейчас — «либо пан, либо пропал». Людям психологически стало очень тяжело.

— Вы в казино не играете?

— Я не счастливчик. Мне все дается огромным трудом. Это только создается впечатление, что все легко. За каждым продвижением вперед стоят огромный труд и интрига. А интрига — это еще хуже, чем труд. Когда ты вкалываешь и знаешь, что за этот труд ты получишь результат, — это одно, а когда ты работаешь и знаешь, что результат может быть не получен только потому, что против тебя сработала определенная группа людей, которая сильнее тебя, — это добавляет еще такого стресса.

— А со стрессом вы как боретесь?

— Я люблю поспать, особенно если у меня депрессия. Когда я была маленькой, родители сразу узнавали, что Ирина получила двойку, это было очень просто — если я приходила из школы и сразу ложилась спать. У меня организм в этом плане очень здоровый, он начинает отключаться от действительности, когда понимает, что чего-то не может пережить, — иначе болезнь. Сейчас у меня нет возможности спать сутками, потому что так проспав все на свете, ведь стрессы каждый день и депрессии — периодически. Поэтому я вместо сна стресс «выбиваю» спортом. Иду в клуб, чтобы в летаргию не впасть. Надо же еще и «выглядеть», и слабость свою никому не показывать. В России не любят слабых.

И будто в доказательство своих слов Ирина стала энергично подтягиваться на руках на каком-то на редкость замысловатом тренажере. А я почувствовала зверский голод и тут же в тему спросила:

— Дома вы что-нибудь готовите?

— Семью я чаще всего балую «заморочками» такими: непонятными, я обыгрываю рис, овощи — в любых вариантах. Я не люблю мясо. В последнее время я не очень люблю и рыбу. Может, это связано с возрастом или с китайским чаем, который я пью по литру в день, для того чтобы вывести шлаки. Говорят, что он забивает аппетит. Но аппетит у меня почему-то не падает, когда я вижу какие-нибудь булочки, пирожные. Только я их все равно не ем. Не позволяю себе. Потому что все-таки рождение ребенка после сорока сильно влияет на обмен веществ. Это до тридцати можно рожать сколько угодно детей и легко сохранять фигуру, ничего для этого не делая, но я родила в сорок два, а здесь уже начинаются проблемы. И теперь приходится себя ограничивать.

— А суши вы готовите?

— Суши готовить трудно, потому что ингредиенты очень дорогие: японский хрен, горчица и уксус. Плюс еще должна быть очень свежая сырая рыба. Ну что вы, это просто с ума можно сойти! Проще пойти в японское кафе «Якитория», там все очень недорого и демократично. А другие японские рестораны очень дорогие. То есть если кто-то

пригласит — я с удовольствием, а за счет своего кармана это невозможно. Ну что, перейдем на велотренажер?

Велосипед — это хорошо. Это хотя бы понятно.

Только очень странно бежать и никуда не прибегать, ехать на велосипеде, оставаясь на месте. Виртуальный спорт какой-то.

— Вам не кажется, что в последнее время у нас страна как-то стала больше на Восток ориентироваться?

— Она стала ориентироваться по принципу национальных интересов. Не только идеологических, а прежде всего экономических. Там, где нам выгодно, мы стали заключать договоры и стратегические соглашения со всеми странами, независимо от их ориентации. Внешняя политика сейчас рациональна, сбалансированна и похожа на политику США. Если мы едем в Северную Корею, туда тут же едут американцы. У нас налаживаются серьезные экономические отношения с Китаем, понятно, что в геополитическом отношении это очень серьезный в будущем для нас партнер — почти полтора миллиарда населения и темпы экономического роста семь процентов. И США тоже разыгрывают эту карту. То, где нам выгодно продавать оружие, например Ирану, мы решаем эти проблемы, исходя из того, что это нам выгодно, несмотря на позицию США. Мы заставили считаться с нами западных партнеров, которые нам ставят слишком много условий.

— Японцы вами гордятся?

— Японцы меня любят. Они гордятся тем, что я выжила в политической элите и умудряюсь продвигаться вперед. Для них некая гордость и то, что настырность и последовательность в моей японской крови являются залогом моего успеха.

— А есть ли у вас недоброжелатели и были ли с кем-нибудь конфликты?

— Да, во время выборов. Мне и моей семье угрожали физической расправой. Но это, скорее, работали «на страх». И еще у меня есть огромное количество конфликтов в текущей политической жизни — как с оппонентами, так и просто с мужчинами, которые пытаются уничтожить «женщину в политике». Бесконечная борьба.

— Путь самурая.

— Вы угадали. У меня есть брат, сводный, по отцу. Только мы двое носители этой древней фамилии, которая имеет самурайские корни. 800 лет назад наш род назывался Отаса-вара. Он жил на острове Хонсю, и во время периода империи Мэйдзи им предоставили землю. И земля была по форме похожа на самурайские брюки. И после этого по виду этого поля род стал называться Хакамада, потому что «хакама» — это самурайские штаны, а «да» — это поле. То есть поле в виде самурайских штанов. И вся деревня потом стала называться Хакамада. Но истинными носителями рода остались только мы, я и мой брат, а все остальные — они уже просто из той местности. У меня родился сын, у него фамилия русская, от мужа, а у моего брата родились дочери. И мы с ним теперь думаем, как нам сохранить наш самурайский род.

— Вы бывали в буддийских монастырях, где обучают монахов?

— Я была в Киото в древнем храме, но само обучение монахов — закрытое, его наблюдать нельзя. Но с самими монахами встречалась. Это очаровательные люди, от них идет какое-то сияние, причем вне зависимости от возраста. Они скромные, у них добрые глаза, и в отличие от большинства религиозных людей они очень демократичны. Вы можете войти в любой Храм, постоять возле Будды, вам принесут чай, с вами могут посидеть и поговорить. Храм открыт для всех.

— Вы занимались боевыми искусствами?

— Занималась карате, но поняла, что для меня это тяжело. Крутиться вокруг себя и на растяжке в шпагате разбивать ногой «грушу» — для этого нужно иметь действительно очень сильный дух и посвятить всего себя этому. Это целая философия. А я свою философию вложила в политику. ■

ВОСКРЕСЕНЬЕ, «АДСКОЕ ТАКСИ», ТВ 6, 21.35

Маша МАЛЬЦЕВА

ПОЕДЕМ, красотка, кататься

Понедельник. Говорят, что каждого человека в жизни отвергают шесть разных людей. И между нами всеми существует «Шесть степеней отчуждения». Один чернокожий парень решил, что он сможет убрать границы отчуждения в мире. Он приходит в гости к сливкам общества под предлогом, что учился с их сыновьями в Гарварде. Он лжет. Но это белая ложь. Он хочет доказать, что социальных различий не существует (ТВ 3, 14.30). А вечером на ОРТ в 22.55 чехи и русские погоняют в хоккей. Жаль, что не увидим на ледовом поле веселого фигуриста из рекламы спрайта. Международный турнир «Кубок Балтики».

Вторник. Венеция похожа на картонные театральные декорации. Им под стать драмы и интриги, разворачивающиеся в этом интерьере. Трагедия ли это — быть «Благочестивой куртизанкой»? Великолепные съемки и сдержанный сценарий на щекопливую тему (ТВ 3, 21.00). Существовали две Вторых мировых войны. Реальная и та, что мы видим на экранах. Там мы видим то, про что не написано в учебниках и не рассказано участниками. Если вы не знаете, что такое «Молодые львы», то вы не знаете многого про киношную войну. Марлон Брандо, Монтегери Клифт и Дин Мартин в противостоянии. Трудно сказать, кто наши, а кто не наши. Американцы и австриец (REN TV, 01.05).

Среда. Сегодня будет два семейных кино. Кино для нормальной семьи — это «Папочка-привидение». Не знаю почему, но этот фильм для меня в детстве был своего рода культом, вроде «Звездных войн». Помню наизусть. Черный комик с изумительной мимикой Билл Косби покидает этот грешный мир не вовремя. Вовремя и быть не могло. Ведь он отец-одиночка. Но он не хочет сдаваться. Он становится ангелом-хранителем в прямом смысле этого понятия. Добрая история на

СТС в 21.00. Другое кино — для семьи с нетрадиционной ориентацией. Оно как раз и повествует о том, что с традиционной ориентацией в этом мире скоро делать будет нечего. Эдакая косвенная утопия для своих. Про товарища, который внезапно понимает, что ничегошеньки он не добьется, пока будет гетеросексуалом, а вот голубой цвет ему поможет («Орел или решка», REN TV, 23.05).

Четверг. Вы сталкиваетесь с ними практически каждый день. Это таксисты. Или те, кто вас подвозит. Когда на землю спускается ночь, у них начинается день. Независимо от страны и города. Джим Джармуш просто взял и снял пять историй, которые могут приключиться после того, как ты захлопнул дверь машины и назвал пункт назначения. А Том Уэйтс взял и спел. За кадром. («Ночь на Земле», REN TV, 1.05). Вы живете на первом этаже. Сидите в кресло и начинаете проваливаться в могилу. Открываете дверь, а там не флаги в гости к вам, а трупы. Может быть, это потому, что ваш «Дом на краю кладбища» (REN TV, 23.05)? Настоящий фильм ужасов. Made in Italy.

Пятница. В 1996 году Бертран Блие снял историю о Мэри. Мэри — очень популярная проститутка. У нее нет отбоя от клиентов. Но она ищет всего одного мужчину. И, закрывая дверь своей мансарды, она ждет того, кто останется с ней. И не заплачет. «Мужчина моей жизни» на НТВ в 23.20. В свое время «Шина — королева джунглей» был хитом кинотеатров. Красивое, загорелое, упругое, спортивное тело Тани Робертс в сочетании с панорамами экзотических лесов на экране не оставляет времени задуматься о бесполезности сюжета. «В мире животных» без Дроздова. И без одежды (ОРТ, 0.05).

Суббота. «Рожденная свободной» — это продолжение темы джунглей. Льюиса Эльза весь фильм пытается сказать (естественно, вер-

бально у нее не получится) о месте животных в нашем техническом веке, где правит царь — Человек. Удивительные виды Кении, разнообразие млекопитающих и земноводных. Это все произведет на ребенка большее впечатление, чем журнал «Гео» (ОРТ, 11.10). Джефф Бриджес — человек-звезда. Но больше похож на «Человека со звезды». Познать любовь хочется не только землянам. Понять ее, почувствовать доселе незнакомое нереальное чувство хочет гость из космоса. Где есть любовь, там есть и те, кто против нее. Если

ничто не мешает любви на Земле, то обязательно найдутся препятствия вне голубой планеты. Надо бороться (ОРТ, 23.05).

Воскресенье. Сегодня сочельник. Католический. Сегодня гадают, а не сидят перед телевизором. Или просто приятно проводят время в семейном кругу. Про одно такое Рождество русских иммигрантов в Париже рассказывает добрый и умный фильм «Рождественский пирог». Под музыку Леграна. Странная любовь русских к городу вечной весны сведена в фильме с естественной

нелюбовью Парижа к чужим (REN TV, 23.55). Тема такси продолжается в другом, не таком серьезном, как у Джармуша, ключе. «Адское такси» — это три новеллы трех пассажиров (Джиллиан Андерсон, Джулиан Мур, Джон Кьюсак). У каждого из них своя история, смешная ли, трогательная ли. И советом им поможет просто водитель (ТВ 6, 21.35). Самая лучшая и правильная музыка сегодняшнего дня начнется в 22.50. Натали Коул, Пласидо Доминго, Хосе Каррерас на канале «Культура» в Рождественском концерте ■

П О З О Р А

СТОЮ НА АСФАЛЬТЕ Я, В ЛЫЖИ ОБУТЫЙ

Наши соотечественники понакупили горнолыжных путевок с целью поехать в Европу на зимние каникулы поразвлечься. Знают ли они, что их ждет? О прогнозе погоды на зимний сезон нам рассказал гениальный климатолог современности Владимир КЛИМЕНКО.

— В Европе и Америке осенью была легкая паника. Обыватели полагали, что если предыдущие зимы были теплыми, то теперь по теории вероятностей случится холодная зима и потребуются большие топлива. Это вызвало дополнительный рост цен на нефть.

На самом же деле нынешняя зима будет рекордно теплой. Зато две последующие зимы будут весьма холодными. Настолько, что я опасаясь за нашу энергетическую систему, которая может просто не выдержать таких нагрузок. В декабре 1978 года была очень холодная зима, и СССР стоял просто в нескольких днях от катастрофы энергосистемы, а ведь тогда она была еще не столь изношенной, как сегодня!

Ну а эта зима, как я сказал, будет теплой. Вот сейчас начало декабря, а температура плюсовая. Если такая температура продержится еще пару дней — а она продержится! — это будет абсолютный рекорд для начала декабря за всю историю инструментальных наблюдений (с момента интервенту плюсовая температура действительно продержалась несколько дней, поставив рекорд). Кстати, это потепление мы спрогнозировали еще год назад. Никто не верил.

Декабрь и январь будут самыми теплыми, чуть холоднее февраль. После 7 — 8 декабря и вплоть до Нового года будет небольшое похолодание, и до Нового

года установится средненедельная температура до 4 градусов мороза. А вот на Новый год установится температура, близкая к нулю.

В первой декаде января средненедельная температура снова упадет до минус 3 — 6 градусов (в то время как обычная температура для этого периода — минус 9 — 11 градусов). Однако возможны ночные заморозки до минус 15 градусов. Причем первая декада будет самой холодной в январе!

Это прогноз по Москве. Европу мы не просчитывали, но можно спроецировать прогноз и на Европу, если учесть, что там обычно на 10 — 15 градусов теплее, чем у нас. Сегодня, например, в Москве плюс 4, а в Брюсселе плюс 15. Теперь насчет снега и лыжных перспектив... Горнолыжный бизнес Европы рушится. В Германии есть горнолыжные курорты, которые закрыты уже десять лет: там просто перестал выпадать снег. С каждым градусом ежегодного повышения зимней температуры снеговая линия сдвигается на 200 метров вверх в горы.

Правда, в этом году, несмотря на крайне теплую зиму, будет много снега. В январе выпадет двойная норма, в декабре — полторная. Так что небольшой шанс покататься все же есть. Даже на «плюсовой» Новый год, ведь в горах всегда холоднее: каждый километр высоты — это минус 6,5 градусов. ■

Фортиф. сооруже-ние	Мелкий муравей	Птица, плод	Област-ной центр					Дракула	Хол. оружие	"Зве-робой", герой	Сливоч-ное
		3		Рысь, галоп	Двуучен	"Изыди" (реж.)					4
Вулкан близ Неаполя	Стро-гание	Голл. живо-писец	Заседа-ние в полном составе	1			Белор. поэт	Удочка	Алфа-вит	Жанна д'...	
			Рудник (устар.)	Эстр. певец	Попугай	Регист-рирует браки	"Ма-ленькая Вера"				
Аквари-умная рыба			Рус. историк					Развед. группа			
Воробь-янинов	Борец на ло-патках	Горная долина	7	Четве-рик	Стадион				Волынка	"Фольк-сваген", модель	
			Кугуар			Часть слова	"Король ..."	8	ГИБДД	Желудь	"... и мышо-нок", Бианки
Комната в школе	Планета			6	Лат. буква				Инъек-ция	5	
	2	Воздух в бане	Месопотамия			Бунин, рассказ			Литер. язык иранцев		
Выпукл. пере-крытие	Часть дерева			Киев					Летчик-мастер		

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 46

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Мастодон. 10. Ритуал. 11. Пророк. 12. Поражение. 14. Кол. 15. Гид. 16. Арго. 18. Бокс.

20. Риони. 22. Траур. 23. Донесение. 26. Магма. 27. Порок. 29. Сойка. 31. Знамя. 33. Пас. 34. Баурсак. 38. Куб. 40. На-жива. 42. Романс. 44. Изразец. 45. Оцелот. 48. Асидол. 50. Леденец. 51. Алеко. 52. Гурия. 53. Плов. 55. Ярмо. 57. Гало. 59. Флокс. 61. Звон. 63. Трут. 64. Нуга. 65. Нерпа. 66. Ацетат. 67. Клетка. 68. Рубанок. 69. Мирон. 70. Украина.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Привереда. 2. Стекло. 3. Балл. 5. Серсо. 6. Озноб. 7. Григ. 8. Грядка. 9. Сковорода. 13. Живость. 17. Руда. 19. Креп. 21. Изгой. 22. Турка. 24. Норма. 25. Нимфа. 26. Массаж. 28. Клякса. 30. Кобальт. 32. Награда. 33. Пенелопа. 34. Болголов. 35. Упырь. 36. Сабза. 37. Концепция. 39. Бастилия. 41. Идол. 43. Мали. 46. Окоп. 47. Зерно. 49. Саго. 54. Остаток. 56. Рандеву. 57. Гарнир. 58. Отрав. 59. Фантом. 60. Стакан. 61. Засада. 62. Невежа.

1	2	3	4	5	6	7	8
---	---	---	---	---	---	---	---

а с т р о л о г и ч е с к и й п р о г н о з 1 8 — 2 4 д е к а б р я

ОВЕН События понедельника могут вас удивить, но не должны огорчить. Во вторник скорее всего расши-рится круг ваших полномочий. В среду не поддавай-тесь на провокации и ограничьтесь легким флиртом. Четверг позволит сравнить головокружительный успех с полетом ме-теора. «Половина» очарует своей независимостью в пятницу. В выходные переведите дух и займитесь собой.

ТЕЛЕЦ В понедельник захочется обрести покой и на-слаждаться сонной тишиной. Страхните с себя путы Мор-фея к среде и с твердым намерением доставить себе ма-ксимум удовольствий шагните в водоворот жизни. Много раз-мышлять придется в четверг. Не давайте отдыха серому веществу и в пятницу. Пусть в субботу в предвкушении радости умолят загрустившие было дети! После субботнего разгула по-лезно в воскресенье вести скромную и безупречную жизнь.

БЛИЗНЕЦЫ В понедельник вместо обычной пор-ции утренней урины выпейте свежего сока, а во вторник выплесните заряженную экстрасенсами воду в цветы. Если в среду вы правильно расставите акценты, проблемы сами испустят дух. В четверг и пятницу заботьтесь о благосостоянии семьи, держа руку на Угольном кодексе РФ. В выходные стрем-ление вкушать плоды коварной цивилизации выманит вас из об-ятий родного дома. Не забудьте вернуться к понедельнику.

РАК Звезды предостерегают вас от безудержного по-рыва к недостижимому. Неразбериха с выборами во Флориде вовсе не означает, что ваша кандидатура могла бы проскочить между Гором и Бушем. Сделать мир лучше и бла-городнее захочется в среду. Не тратьтесь на концерты, рассы-лая свои призывы и лозунги по планете. В пятницу вы охотно возьмете на себя всю тяжесть работы и... переложите ее на плечи других. В эти выходные вас не прельстит романтика одиноче-ства. Дайте себе страшную клятву не сбиться с истинного пути.

ЛЕВ В понедельник звездные навигаторы удалили все рифы и мели с вашего пути. Дети энергично будут возражать вам со вторника по четверг. Дайте им воз-можность побыть личностями. В четверг в вас созреет и про-рвется желание руководить всеми окружающими. Они будут сопротивляться по пятницу включительно. В выходные вами овладеет мечтательное безделье. Не сопротивляйтесь.

ДЕВА В начале недели не теряйте бдительности, ваша «половина» будет мисс Марпл и Эркюлем Пуаро в одном лице. В четверг, изобразив развесистое гене-алогическое древо своей семьи, тщательно исследуйте и пере-проверьте исследования. Есть вероятность отыскать в Швейцарии престарелых родственников, страдающих от отсутствия наследников. В выходные благословите своих отпрысков на ранний брак (первую любовь, контрольную по физике и т.д.).

ВЕСЫ В понедельник искушенный(ая) супруг(а) об-наружит заначенные вами финансы, либо сам(а) заначит их от вас. В среду коллеги с удовольствием позло-словят о вашем внешнем виде. Пришла пора изменить имидж. В пятницу захочется оттолкнуться от реальности и убежать в виртуальный мир. Обратно вас вернет субботний техосмотр любимой машины. В воскресенье суждено ходить с тяжелой головой и давать себе всякие торжественные обещания.

СКОРПИОН В начале недели взвинченные звезды попытаются предсказать вам и банкротство, и развод. Но ко вторнику звездный психоз закончится и все нормали-зуется. В четверг пообщайтесь с детьми. Звезды не рекоменду-ют придерживаться консервативных взглядов с пенной у рта. Ро-ковая улыбка лица противоположного пола может смутить ваше сознание в пятницу, заставит власть в раздумье. В выходные на-бьется полный дом родственников, бодро ковыряющих вилками в тарелках. Дружелюбно улыбайтесь до самого вечера.

СТРЕЛЕЦ Тени прошлого будут бродить вокруг весь понедельник. Пора встретиться со старыми друзьями. Во вторник изложит страсть поступить по справедливости. Поступите! Так как в среду вам не дадут ни малейшей возможно-сти этого сделать. Звезды всеми силами отговаривают вас от опрометчивых шагов в четверг. В конце недели есть смысл вы-ехать за город и поваляться на снежку.

КОЗЕРОГ В начале недели звезды потихоньку смахнут слезы, глядя на ваш каторжный труд. Но уже к среде дьявольская изобретательность спасет вас от чрезмерных усилий на трудовом поприще. В четверг есть опас-ность, что семейный очаг будет завален холодными камнями безразличия. Начиная с пятницы, согревайте его любовью и терпением. В выходные самая безрассудная затея получит пол-ную поддержку и одобрение звезд.

ВОДОЛЕЙ В понедельник вам придется восстано-вливать подорванную уик-эндом репутацию. Если в среду последует приглашение на обед (ужин), не набрасывай-тесь на еду с первозданным аппетитом. Звезды советуют перед приемом пищи раз 20 сказать себе: «Я сыт(а)». В пятницу ваш эгоцентризм может свести с ума близких. В этом случае не уди-вляйтесь железному занавесу, организованному супругой(ом) в субботу. В воскресенье идите на мировую.

РЫБЫ Сила воли пригодится в понедельник. Буду-чи в несколько подавленном состоянии, не позволяйте закоптить свой организм сигаретным дымом. Шеф испы-тает большое желание выпотрошить вас и снять чешую во вторник. Не поддавайтесь! К среде в несколько раз увеличит-ся опасность быть пойманным(ой) в амурные сети. В пятницу сходите в бассейн, окунитесь в родную стихию и забудьте о грубых реалиях мира. В выходные звезды одобряют вас, если вы выпьете пива и закусите лежком или таранкой.

ДАЁШЬ ПОДПИСКУ НА ЛЮБИМЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

**ПОДПИСКА ПО ОБЪЕДИНЕННОМУ
КАТАЛОГУ «ПРЕССА РОССИИ»,
т. 1, стр. 192.**

Подписной индекс:

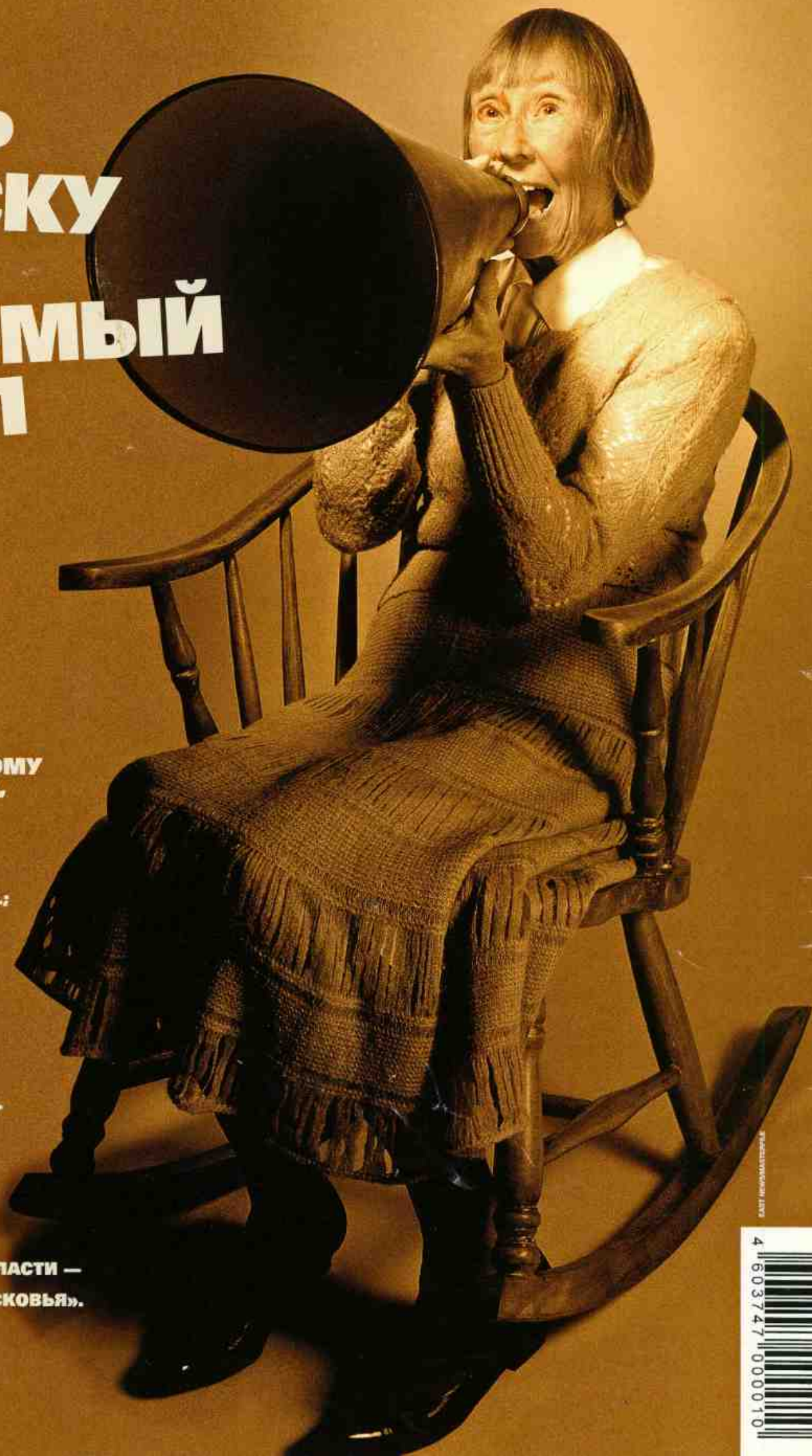
70663 — центральная часть России,
каталожная цена на 1 месяц — 117 руб.;
34236 — в авт. обл. Еврейская, в авт.
окр.: Таймырский, Ханты-Мансийский,
Чукотский, Ямало-Ненецкий;
в кр.: Алтайский, Красноярский,
Приморский, Хабаровский;
в обл.: Амурская, Иркутская,
Камчатская, Магаданская,
Новосибирская, Омская, Оренбургская,
Сахалинская, Свердловская, Томская,
Тюменская, Челябинская, Читинская;
в респ.: Алтай, Бурятия, Саха (Якутия),
Тыва, Хакасия; в г. Байконур,
каталожная цена на 1 месяц — 130 руб.

Периодичность в полугодие — 26 экз.

**для подписчиков Москвы —
индекс 70663
в каталоге московского
почтамта, стр. 61.**

**для подписчиков Московской области —
индекс 70663
в каталоге «Подписчикам Подмосковья».**

**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ**

ЕВРАЗИЯ

4 603747 000010